

crime story
№9

Татьяна
ГАРМАШ-РОФФЕ

Дарья
ДОНЦОВА

Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ

Татьяна
ПОЛЯКОВА

Татьяна
УСТИНОВА

а также:

Лариса Соболева

Наталья Солнцева

Арина Холкина

Annotation

Сборник криминальных рассказов, написанных мастерами остросюжетной прозы Дарьей Донцовой, Татьяной Устиновой, Татьяной Поляковой, Анной и Сергеем Литвиновыми, Татьяной Гармаш-Роффе и другими любимыми авторами, составлен для истинных ценителей жанра. Замечательные детективные истории порадуют вас оригинальными сюжетами, очаруют описанием романтических сцен и захватывающих приключений и удивят неожиданной развязкой. Легкий слог, прекрасный стиль, море позитива доставят ни с чем не сравнимое удовольствие!

Содержание сборника:

Татьяна Гармаш-Роффе «Чудо для Нины»
Дарья Донцова «Настоящая Рождественская сказка»
Анна и Сергей Литвиновы «Волны мести»
Татьяна Полякова «Новогодняя сказка»
Лариса Соболева «Последнее слово»
Наталья Солнцева «Медальон»
Татьяна Устинова «Ангел пролетел»
Арина Холина «Абонемент на убийство»

-
- [Татьяна Гармаш-Роффе, Дарья Донцова, Анна и Сергей Литвиновы, Татьяна Полякова, Лариса Соболева, Наталья Солнцева, Татьяна Устинова, Арина Холина](#)
    - [Татьяна Гармаш-Роффе](#)
    - [Дарья Донцова](#)
    - [Анна и Сергей Литвиновы](#)
    - [Татьяна Полякова](#)
    - [Лариса Соболева](#)
    - [Наталья Солнцева](#)
    - [Татьяна Устинова](#)
    - [Арина Холина](#)
-

**Гатьяна Гармаш-Роффе, Дарья Донцова, Анна и Сергей
Литвиновы, Татьяна Полякова, Лариса Соболева, Наталья
Солнцева, Татьяна Устинова, Арина Холина
Crime story № 9**

Гатьяна Гармаш-Роффе

Чудо для Нины

Элегантна. Лет тридцати на глаз, очень ухоженна, запах дорогих духов и богатства. Скромная улыбка хорошей девочки из хорошей семьи.

Стаскивает тонкие серые перчатки. Нервничает. Невесомо вкладывает пальчики в его ладонь: не рукопожатие, а рукокасание.

Расстегивает серо-голубую шубку. Ей идет этот цвет, к ее русым волосам и светлым глазам. Присаживается. Застенчиво смотрит на Алексея – положительно, очаровательная дама. К тому же пришла точно в назначенное время, что всегда радуется.

– Даже не знаю, с чего начать... – Голос ее волнуется.

– Лучше с начала, – советует Алексей Кисанов, частный детектив, занимая свое место за рабочим столом.

– Хочу вас предупредить, – смущается посетительница, – эта история почти неправдоподобна...

– Ничего, я привычный. Слушаю вас.

Нина Стрельцова, дочь известного пианиста, пошла по стопам отца. Закончила консерваторию с успехом, ей пророчили блистательное будущее, отец мечтал увидеть дочь в сольных концертах на лучших сценах мира, но случилось так, что Нина увлеклась поп-музыкой. А затем продюсером поп-группы. А может, наоборот. Порядок не важен, важно, что отец был в отчаянии. Он дочь не упрекал, но это как раз было хуже всего. Если б метал громы и молнии, проклинал и отлучал от дома, она бы взобралась на баррикады против отцовского деспотизма, а на баррикадах всегда легко, ясно и просто. Но он лишь тихо страдал. Только однажды сказал: «Нина, это не твое...»

Но она так не считала. Георгий – огромный, чувственный и веселый – казался воплощением жизни, источником вечной радости, а ей именно этого всегда не хватало. Консерваторские мальчишки и девочки не жили. Они поместили душу в музыку, как помещают деньги в банк, и там она лежала в неприкосновенности, наращивая проценты мастерства... Георгий же душу не хранил под замками, на будущее ее не откладывал, он растрчивал ее здесь и сейчас, щедро, красиво, азартно. И Нина, бледный цветок стерильной флоры высокого искусства, самозабвенно увлеклась экзотическим зверем яркой фауны попсы.

Вскоре она вышла за него замуж, родила дочку. Хорошенькую и белокурую, как сама Нина в детстве... Когда малышке, которую они с мужем называли Мариной, исполнилось десять месяцев, ее украли. Милиция нашла только коляску. «О слезах и боли не будем, это отношения к делу не имеет...»

С тех пор прошло десять лет. Муж за это время стал известен и уважаем в мире шоу-бизнеса, и жизнь окрасилась в блистающие цвета люкса. Отдых на престижных курортах, вещи из дорогих магазинов, огромная квартира (вместо старой двухкомнатной мышеловки). И, разумеется, особняк за городом со всеми причитающимися атрибутами роскоши: сауной, бассейном и так далее. Нина давно оставила работу и даже решила родить еще одного ребенка. Мальчику сейчас пять лет...

Было бы. Потому что полгода назад муж и сын погибли в автокатастрофе.

Только тогда она вспомнила отцовское: «Это не твое, Нина». И поняла: он был прав. Все случилось потому, что она изменила главному: высокой музыке, отцовским надеждам, своему предназначению. Она выбрала не свою жизнь, и поэтому в ней ничего не складывается...

Она пыталась наложить на себя руки. Спасла домработница Тамара: откачала хозяйку от высокой дозы снотворного. И вот она живет... Неизвестно зачем и почему.

Посетительница замолчала, глаза и кончик носа покраснели. Детектив ждал. Она смотрела в окно, он смотрел на ее нежный профиль. Наконец Нина снова заговорила.

– Три дня назад я решила поехать на дачу одна.

– На дачу? – подивился детектив: нынче сезон отнюдь не дачный, ноябрь на исходе!

– Это, собственно, загородный дом, отапливаемый. Соседи праздновали юбилей, очень просили приехать, мы давно дружим... Я машину не вожу, у меня шофер, но он отпросился: у дочери свадьба. И я решила добраться за город общественным транспортом. Мне вдруг захотелось ощутить рядом людскую толпу, чужие жизни, от которых я слишком изолирована... Я поехала на Киевский вокзал своим ходом. Вы, без сомнения, передвигаетесь на машине? – неожиданно спросила Нина. – Тогда вы тоже все это забыли.

...Машина – это продолжение вашего дома, вашего личного пространства, – говорила она, проводя по

воздуху пальцами, словно по клавишам рояля. – Она вам подвластна, а с ее помощью вы подчиняете себе большое, общее пространство... Без нее же вы беззащитны, и тогда пространство немедленно берет вас в плен! Приходится ехать не туда, куда вы хотите, а туда, куда вас везут. Нужно делать пересадки. Нужно купить билет, а для этого нужно стоять в очереди. К вам в метро жмутся люди, не спрашивая у вас разрешения, и вы вынуждены чувствовать тепло и запах их тел, часто несвежих... Вы становитесь ничтожной песчинкой и пересыпаетесь в общем пространстве-времени вместе с другими такими же песчинками, подчиняясь его ритму...

Иными словами, этот чужой мир с вами не считается, – подытожила Нина. – Но, как ни странно, в этом есть что-то радостное, почти блаженное... Вы понимаете меня?

Детектив понимал. Чего ж не понять? «Хождение в народ» – это национальный спорт русской интеллигенции. Он вот только хотел бы поскорее к делу... Но торопить клиентку не стал.

– А тем более вокзал, – продолжала Нина. – Острое и волнующее чувство границы, смены пространств, особый ритм жизни и дыхания... В общем, я пребывала в некоторой эйфории. Мне было и радостно, и одновременно тревожно. Я ждала какого-то необыкновенного события... И, представьте себе, оно случилось!.. На вокзальной площади было много нищих... Среди них девочка лет десяти-одиннадцати. Она стояла посреди тротуара и все смотрела вокруг... Я долго разглядывала ее тайком. Две светлые косички, куцая куртка, на ногах грубые мальчишеские башмаки...

Нина помолчала и вдруг тихо, словно стыдясь, произнесла:

– Я думаю, что это моя дочь.

– Та нищенка? Почему?

– Не знаю... – Тонкий румянец смущения окрасил щеки Нины. – Ни о какой даче уже не могло быть и речи: я поехала домой и остаток дня не находила себе места... На следующий день вернулась на вокзальную площадь. Девочку увидела издали: она просила милостыню. Я подошла, дала ей деньги. Она, едва взглянув на меня, поблагодарила и тут же скрылась в толпе... Мне чудится, она похожа на мою пропавшую Марину. В таких случаях, кажется, говорят «сердце матери»?.. Но я специально начала рассказывать вам издали: теперь вы понимаете, в каком я душевном состоянии. Мне сейчас может примерещиться все, что угодно! Мне, наверное, просто хочется, чтобы она оказалась моей дочерью? Верить, что она вернулась ко мне в награду за все мои страдания? Алексей, узнайте все об этом ребенке!..

Алексей припарковался и направился вслед за Ниной, держась на некотором расстоянии. Было условлено, что как только она увидит девочку, то переложит сумочку из одной руки в другую. Но детективу не пришлось ждать сигнала: светленькая девочка с косичками из-под шапочки, в цветастой, слишком короткой куртке сама поманила Нину, и Алексей, заметив это, прибавил шагу.

– Я тебя узнала, ты в прошлый раз дала мне деньги, – услышал он детский голос с недетской хрипотцой.

Нина торопливо полезла в сумочку, поняв намек.

– Где ты живешь? – спросила она, протягивая сторублевую купюру.

Девочка не ответила, любовно сложила банкноту в четыре раза и спрятала в кармашек, явно намереваясь уйти.

– У тебя есть мама и папа? – заторопилась Нина. – С кем ты живешь?

– Со вшами, – странно засмеялась девочка.

Нина пошарила в сумочке и вытащила две конфетки. Грязная ручонка схватила их с ладони, словно украла. И девочка припустилась от Нины почти бегом.

Отвезя Нину домой, Алексей вернулся на площадь, где занял удобный наблюдательный пункт. Деньги, выпрошенные у прохожих, девочка отдавала безногому нищему неопределенного возраста, что обосновался неподалеку у стенки. К концу дня Кисанов знал в лицо почти всех обитателей привокзальной площади и даже вычислил «инкассатора», к которому стекался весь навар: чернявого мужика, который, между сборами доходов, проводил время в привокзальном кафе, где постоянно что-нибудь ел.

Алексей догадывался, что, как в любом коммерческом деле, нищих кто-то должен контролировать, хотя бы время от времени. Посему он не стал обращаться к безногому, но отошел подальше, к киоскам с сигаретами и пивом, и вытащил из кармана тугое портмоне. Тут же к нему придвинулась нетрезвая бабулька и просительно протянула скрюченную лапку. Алексей дал ей десятку и показал краешек сотни: «Это, бабушка, получишь, если расскажешь мне вон о той девочке!»

Бабулька напрягла глаза, всматриваясь в указанное направление.

– Это Машка. Она со вшами живет...

– В каком смысле? – во второй раз подивился странной фразе детектив.

Как выяснилось, на вокзальной площади «прописана» банда нищих, которая звалась «Вши». Но больше бабулька ничего о девочке не знала. Или не захотела говорить?

Следующим стал грязный мужичок с редкими гнилыми зубами, которого Алексей приманил бутылкой портвейна.

– Маша, вон та девчонка, – откуда она здесь?

– Да кто его знает... – прошепелявил мужичок. – Некоторые тут у своих рождаются, но они мало живут. Грудничкам водки в молоко добавляют, чтобы они крепко спали и не орали, когда с ними на милостыню ходят, – кто ж тут выживет! А эта наверняка чужая. Может, украли ее, может, купили... Такие в нашем деле нужны, красивеньким девчатам-то всегда больше денег дают! А может, и сама прибилась, тут всяко бывает... – с философским неучастием заключил он.

Больше ничего интересного Алексею Кисанову узнать не удалось. Нищие говорили неохотно, а то и вовсе не отвечали на вопросы, даже при виде сотни. Следовало найти иной подход.

Назавтра иной подход был найден: Ивану, ассистенту и квартиранту Алексея Кисанова, предстояло сыграть роль журналиста.

Хорошо одетый молодой человек, вооруженный диктофоном, осмотрелся вокруг и уверенно направился напрямик к Маше. Алексей, наблюдавший за ними со стороны, подивился кокетливым ужимкам девочки, которая переступала с ножки на ножку, склоняла головку то так, то этак, постоянно загадочно посмеиваясь. Похоже, что она так и не ответила «журналисту» ни на один вопрос, но зато нищий у стенки, Машин безногий то ли опекун, то ли «контролер», окликнул Ивана. Тот приблизился и выдал заготовленную версию: он-де журналист, который хочет написать очерк из жизни московских нищих...

Алексей, не теряя времени, отправился добывать информацию параллельно. На сей раз он присмотрел довольно молодого одноногого мужчину, из тех, что выдают себя за инвалидов чеченской войны, и, посулив плату, поинтересовался Машей.

– Что, понравилась девка? – усмехнулся инвалид. – А ты поторгуйся со старшими, может, продадут. Они все равно все куда-то потом исчезают, красивые-то! Таким, как Машка... Им дорога одна. Так что торопись, парень.

– Куда им дорога?

– Да хрен его знает. Они исчезают, и все. Может, старшие их себе берут в жены... Или шлюх из них делают. Или продают.

– Узнать можешь?

Инвалид согласился «попробовать» и попросил пятьсот рублей вперед и пятьсот потом.

...Ничего не вышло из их с Иваном игры в «журналиста». Дальше скудной информации о том, что девочку зовут Машей и приписана она к банде нищих под названием «Вши», продвинуться не удалось. Нищие отказывались отвечать даже на такой простой вопрос, сколько девочке лет, отсылая его к «старшему». Однако никто не хотел сказать, где этот «старший» и когда появится. Даже чернявый «инкассатор», услышав вопрос, прозрачно посмотрел на Алексея, витиевато сплюнул и молча ушел. Впрочем, уж если корпоративные тайны нищих не выдают рядовые члены, то вряд ли их выдаст нищенское начальство...

– Все оказалось сложнее, чем я предполагал, – ответил Кисанов на нетерпеливые расспросы Нины.

– Придумайте что-нибудь! Вы же детектив!

– Завтра я рассчитываю узнать побольше, но... По правде говоря, вряд ли таким образом удастся установить происхождение Маши. И не потому, что нищие не хотят говорить, – а потому, что они сами, скорее всего, не знают. Мы только время теряем, Нина. Я советую вам сделать генетический анализ. Если вы захотите, Нина, то, думаю, ее можно выкупить у банды.

– Если это не моя дочь, то не надо... Она уже большая, уже сформировавшийся человек. Мне хватит сил, чтобы вынести все испытания, только если это мой ребенок...

– Я постараюсь узнать как можно больше, но точный ответ вам даст только генетическое исследование, – терпеливо повторил Алексей.

– Я подумаю, – обрезала разговор Нина, и детектив почувствовал, что она боится узнать правду, которая может прозвучать как приговор, обжалованию не подлежащий...

Инвалид, завидев детектива издали, махнул костылем куда-то в сторону. Кисанов неспешно двинулся в указанном направлении и, завернув за угол дома, чуть не сбил инвалида с ног.

– Слышь ты, – дохнул инвалид крепким перегаром, – я тебе только за две тыщи скажу. Меня чуть не прибили, когда с вопросами сунулся. И еще с тебя пятьсот, – надо доброму человеку отдать, который мне подсобил...

Алексей вытащил деньги, но отдавать не стал, сначала потребовал информацию.

– Детский сад у них там какой-то есть...

– Что за «детский сад»? – удивился Алексей.

– Не знаю, детский сад, и все. Девоч, что покрасивше, туда отправляют.

Кисанов принялся торговаться в надежде, что инвалид скажет больше или хотя бы подрядится разузнать, краем глаза заметив, что неподалеку крутится какая-то толстая спитая баба, прислушиваясь. Инвалид, увидев ее, замахал на детектива костылем, словно на назойливую осу, и поскакал от него прочь, не взяв свои деньги.

– «Детский сад»? – в ужасе произнесла Нина. – Там их учат воровать, наверное! Или, еще хуже, проституцией заниматься! Это же совсем ребенок, Алексей, неужто такое может быть возможно?!

«Увы, возможно», – мысленно ответил детектив Нине, но вслух не произнес. Он и сам ощущал что-то душное, черное в словах «детский сад», прекрасно отдавая себе отчет, что никто из нищих эти слова не прояснит. Во-первых, они боятся. Во-вторых, сами вряд ли располагают информацией.

Он связался с бывшими коллегами по розыску, но они его ничем не порадовали: информации о «детском саде», связанном с бандами нищих, у них не было.

Инвалида на следующий день он не нашел, но зато его ухватила за рукав нищенка, девчонка лет шестнадцати.

– Слыхала я, что ты за вопросы платишь? Дай мне денег, я тебе все расскажу.

– И откуда же ты слыхала?

– Ой, да тут все знают! Старший грозился, что в речку скинет того, кто болтать станет!

– А ты не боишься?

– Я нет, я его жена.

Кис посмотрел на «жену». Да, ей никак не больше шестнадцати. Внешность неказистая, мелкие черты лица, недетский взгляд – скучный и трезвый. Однако впечатление такое, что жизнью своей она вполне довольна, как ни странно.

– Стало быть, он тебя пожалеет, раз ты жена?

– Да он сам велел узнать, чего вы тут разнохиваете!

Детектив пояснил, что интересуется Машей. Сколько ей лет, откуда она взялась и куда должна потом деться.

– Пять тысяч, – заявила девчонка категорически.

И, увидев деньги, сообщила, что Машке лет десять-одиннадцать – а точнее она не знает – и что дорога Машке в «детский сад». В пустых глазах девчонки мелькнуло выражение, которое Кис определил бы как зависть.

– В проститутки, что ли? – попытался он угадать причину зависти малолетней «жены» нищенского начальства.

Девчонка только плечами пожала. Детектив принялся торговаться.

– За что ж тебе пять тысяч платить, коли ты ничего не знаешь?

Она стала растерянно озираться по сторонам, словно ища подсказки, и детектив понял, что за ними наблюдают. Но сам оглядываться не стал.

– Ну... Там их обучают... И платят хорошо...

Чему обучают? За что платят? Где этот «детский сад»? Все эти вопросы остались без ответа. Девчонка с тоской смотрела на купюры, зажатые в руке детектива.

– А вы что, купить ее хотите?

– У вас тут дети продаются?

– Так мы же ничьи, мамов с папами нету... А бесплатно никак нельзя: она ж у нас работает, деньги приносит! Нам тоже нужна. А если вам нужна – платите. Только вам тогда надо со старшим говорить. Он цену назовет.

– Она давно у вас?

– Давно. Ее цыгане продали. Она беленькая, им не подходила, сразу видно, что краденая. Так вы хотите ее купить?

– Я еще не решил.

– Ну... Вы думайте тогда... Только быстро. А то она до Нового года в «детский сад» уйдет.

Ноябрь стремительно кончался, снег уже прочно устилал московские улицы, холодный воздух терпко запахом хвоей елочных базаров. Белый город примерял яркие новогодние расцветки и накапливал праздничный дух. Маша мерзла, пританцовывая на месте и кидаясь с протянутой рукой к каждому хорошо одетому прохожему. Нина наблюдала за ней вот уже который день, прячась за ларьками, не зная, на что решиться.

Ей казалось, что Маша на нее похожа. Линия носа точно как у самой Нины, а форма губ не совсем, но она же что-то взяла и от папы, бабушек-дедушек, верно? Даже детектив согласился, когда Нина показала ему свои детские фотографии: сходство есть. «Но, – сказал Алексей, – у вас обеих правильные черты лица, а такие лица всегда чем-то похожи».

Сердце Нины сжималось при, казалось бы, безобидных словах «детский сад», и воображение рисовало самые черные картины. И она отчаянно торопила детектива, хотя все еще не знала, что ей делать с этой потенциальной дочкой, так странно и нечаянно оказавшейся у нее на пути в тот день, когда ей пришла в голову мысль отправиться на дачу общественным транспортом...

Алексей еще несколько раз являлся на площадь, но все без толку. Нищие теперь сами подходили к детективу в надежде пожить «за информацию» и наперебой хвалили Машу, словно торговец товаром: золото девка, не ленивая, добрая, смысленная, старых не обижает... Алексей всем отвечал, что хочет поговорить со «старшим», но ему дали однозначно понять, что «старший» вступит с ним в переговоры только тогда, когда он захочет купить девочку. И что стоит поторопиться, иначе Маша бесследно канет в загадочный «детский сад».

А Нина все никак не решалась.

– Мне хочется сначала узнать Машу поближе... Но я не понимаю, как это сделать! – пожаловалась она детективу.

– Очень просто: говорите с ней. Она постепенно привыкнет к вам и перестанет дичиться.

– И что бы вы ей сказали на моем месте?

– Я не великий специалист по детям... Ну, спросил бы, что она любит...

– Она вам ответит: мороженое. И дальше что?

– Не представляю, – признался Алексей. – Может, попробовать решить эту проблему иначе? К примеру, договориться с нищими о том, чтобы иногда нанимать Машу для помощи по дому? Или, – прикидывал Алексей, – сказать, что вы просто будете брать ее на выходные, как берут детей из сиротских домов... Не знаю, согласятся ли они, но подозреваю, что за деньги они согласятся на что угодно...

– А потом? Если я не найду с ней общий язык? Я перестану брать ее к себе? Нет, Алексей, я даже щенка не возьму, если не уверена, что готова им заниматься! Я не могу выкидывать на улицу тех, кого приручила!

Алексею было трудно с этой клиенткой. Разумеется, ее сомнения и страхи понятны, но получался замкнутый круг: общаться с девочкой на улице трудно и довольно бесперспективно; меж тем приглашать ее иногда под каким-то предлогом домой чревато ответственностью, которую совестливая Нина не хотела брать на себя. Но и окончательное решение она принять не может, пока не узнает девочку хоть чуть-чуть поближе! Такой порочный круг, Алексей знал это по опыту, следовало просто разорвать силовым методом, взломав одно из звеньев. Но это имела право сделать только Нина...

– А что же это за «детский сад» такой? Вы узнали?

– Нина, мне этого добром никто не скажет!

– А если не добром? – осторожно спросила Нина. – А если припугнуть?

– Натравить на них милицию? Опасно: банда уйдет в подполье, причем вместе с Машей. И мы ее больше не найдем. Если вы еще не поняли, то это хорошо организованная мафия с налаженной структурой и иерархией. И самое главное: допустим, узнаю я, что такое «детский сад». Что это меняет, Нина? Если вы решаете выкупить девочку, то она туда не попадет. Если вы оставляете эту затею, то вам, может, лучше и не знать. Пусть девочка живет, как жила, и идет туда, куда ей предназначено...

– Я посоветуюсь с друзьями, – ответила Нина. – Вы правы, надо что-то решать. Меня пугает, что она уже совершенно сформировавшийся человек... Смогу ли я жить с ней? Будет ли она меня слушаться? А если она воровка?

– Ваши вопросы правомерны. Но на них нет ответа. Боюсь, что вам придется принимать решение вслепую... Или все же отважиться на генетический анализ!

Алексей счел, что в ожидании решения Нины его дальнейшие походы на привокзальную площадь

бессмысленны: все возможности он уже исчерпал. Его на площади наверняка приняли за извращенца, которого интересуют дети... Судя по тому, как дружно нищие пытались ему разрекламировать Машу, они получили команду от «старшего», который держал его за богатого потенциального покупателя. Иного объяснения такому массовому энтузиазму Алексей Кисанов не находил.

Но именно здесь была какая-то неувязочка. В «детский сад», как он понял, отправлялись только хорошенькие девочки. Как ни крути, а мысль о подпольном публичном доме напрашивается... Клиенты подобного заведения должны платить крайне дорого. Неужто разовая сумма, которую «старший» надеется слупить с Алексея, сопоставима с постоянным доходом от подобного ремесла? Что-то тут не вяжется, господа, не вяжется...

А Нина все продолжала ходить на площадь. Как и в предыдущие дни, она давала Маше деньги и конфеты, а затем как бы уходила, прячась на самом деле за ларьками и наблюдая за девочкой.

Но сегодня Маши не было на обычном месте. Неужели? – похолодела Нина. Неужели она опоздала, и Машу уже отправили в этот проклятый «детский сад»?

Она обегала глазами площадь, отчаянно цепляясь за каждую детскую фигурку, и вздрогнула от неожиданности, когда ее дернули за конец длинного шарфа. Нина обернулась. Маша стояла перед ней и улыбалась.

– Ты меня ищешь? – сказала она своим хрипловатым голосом.

– Почему ты так решила?... – Нина растерялась и даже покраснела.

– Ты мне каждый день даешь деньги и конфеты, а потом стоишь во-о-он там, – указала она пальчиком в направлении ларьков, – и смотришь на меня.

У Нины пропал дар речи. Кто за кем здесь следит?

Маша засмеялась.

– Зачем ты на меня смотришь?

– Видишь ли... – Голос у Нины мгновенно сел и стал таким же хриплым, как у Маши. – Видишь ли... –

Она откашлялась. – Ты похожа на одну девочку... Которую... Которая...

Маша с молчаливым любопытством ждала, пока Нина выдавит из себя трудную фразу.

– Видишь ли, у меня когда-то была дочка...

– А теперь нету?

– Нету, – эхом откликнулась Нина. – Она пропала...

– Ты скучаешь по ней?

– Да.

– А я тоже скучаю по подружке. У меня подружка была, Ленка, но она тоже пропала прошлой весной.

Нина вспомнила «детский сад», и внутри у нее все сжалось.

– Как это – «пропала»?

– Не знаю, ее перевели куда-то, – склонила головку к плечу Маша. – А что, я на твою дочку похожа? Раз ты ходишь на меня смотреть? – проявила она сообразительность.

Нина окончательно растерялась. Она приложила столько усилий, чтобы остаться незамеченной, и вдруг в одно мгновение выдала себя целиком, с головой!.. Она решительно не знала, что ответить девочке.

– Ты хочешь, чтобы я была твоей дочкой? – предположила Маша.

– Почему ты так решила? – взяв себя в руки, осторожно спросила Нина.

– Ты по ней скучаешь и ходишь на меня смотреть. Поэтому.

– А ты бы хотела?

Маша внимательно окинула ее взглядом.

– Ты красивая, – сказала она. – Очень красивая.

Девочка отвела глаза, печально вздохнула и быстро ушла, оставив Нину в хаосе смятенных чувств. Последние слова Маши она однозначно поняла как согласие. И оно укололо ее сердце беспощадным острием нежности.

В ожидании, пока Нина примет хоть какое-нибудь решение, Алексей копался в Интернете, ни на что, впрочем, особо не надеясь. Но ему не давало покоя чувство, что что-то в этой истории не вяжется... А он этого страшно не любил.

На словосочетание «детский сад» поисковая машина выдала более тысячи страниц. Да на то, чтобы их все просмотреть, нужна неделя, не меньше!

И все же он сел за компьютер, пробегая глазами страницу за страницей. Он узнал о новейших методах занятий с малышами, о ценах на детскую мебель, о проблемах медицинского обслуживания в детских садах,

о пожаре там и о кражах тут... Уже рассвело, когда он, не дойдя даже до четверти, отправился спать.

На следующий день, проклиная все на свете, он снова засел за компьютер. А через пару часов, отчаявшись, возопил к господину богу. На зов вопиющего явился Иван, квартирант и ассистент.

– Да это же очень просто, Кис! – Так называл его Иван, сокращенно от фамилии Кисанов. – Ты думаешь, что это в некотором роде публичный дом? Тогда напиши слова «девочки», «секс».

Алексей последовал технически грамотному совету своего ассистента, и уже через несколько секунд экран заполнился картинками, которые заставили бывалого детектива отвести глаза. Он взглянул на Ивана, стоявшего рядом. Лицо его юного друга вытянулось, а затем исказилось гримасой отвращения и злости. Усилив воли Алексей вернулся глазами к экрану.

...Он никогда не видел подобной мерзости. Порно он смотрел давно, в беспокойном возрасте гормональных завихрений, а уж педофилия для него вовсе оставалась чем-то за гранью восприятия. И сейчас ему захотелось крепко зажмуриться и никогда, никогда, никогда не видеть того, что предстало перед ним на экране: фотографии беспощадно насилуемых детей, мальчиков и девочек... Это называлось «Наш детский сад».

– Кис, – пробормотал побледневший Иван, – да их же всех к стенке надо поставить!..

Алексею никак не удавалось уйти с порносайтов: на каждое закрытое окошко открывалось пять новых. Не добившись успеха, он просто вырубил связь.

– Я не понимаю, Кис, – в голосе Ивана звучало отчаяние, – везде пишут, что борются с детской порнографией и педофилией!.. А на всех порносайтах ее полно! Ты видел? Там русские, азиатские, европейские, американские сайты. Ведь эти «борцы», они ведь могут точно так же, как мы, выйти в сеть и все увидеть! Как же это получается, а, Кис?

Алексей только молча похлопал Ивана по руке. Он и сам не знал, «как же это получается».

Отойдя от шока, Алексей счел, по зрелом размышлении, что порносайт «Наш детский сад» вовсе не обязательно должен иметь отношение к тому «детскому саду», что упоминали нищие. Но выбросить из памяти увиденное он уже не мог. Он долго взвешивал, говорить ли об этом Нине. Если он расскажет, то тем самым подтолкнет ее к решению. А он не имел на это права. Но имел ли он право скрывать от нее подобную информацию? Она его клиентка и платит ему деньги за информацию...

Нина не появлялась вот уже три дня: не звонила, не приходила. Решает, надо думать. Советуется. Интересно, с кем?

Он не выдержал, позвонил Нине сам. К его большому удивлению, Нина сообщила, что решение она приняла: *она бросает эту затею.*

– Из нее ничего не получится, – сказала Нина.

– Почему? – Алексей почувствовал разочарование. После того, что он увидел в Интернете, ему вдруг остро захотелось, чтобы Нина забрала девочку к себе...

Нина молчала, вздыхала в трубку и наконец рассказала детективу о своем общении с Машей.

– Она слишком ушлая, понимаете, Алексей? Я следила за ней, но выследила она меня! Я ничего ей не говорила, но она сама завела разговор на большую для меня тему, словно учуяла, где собака зарыта. Она хищный и дикий зверек... Маленький, но уж слишком самостоятельный, слишком предприимчивый и независимый... Я не справлюсь с таким ребенком. Не осуждайте меня, Алексей...

Что ж, Нина права. Он бы на ее месте точно так же рассудил. А «детский сад»... Алексей задействует все свои связи в милиции, чтобы натравить соответствующие службы на порнографические сайты. Вот и все.

– Я вовсе вас не осуждаю, Нина. Это огромная ответственность. Одно дело воспитывать ребенка, и совсем другое – *перевоспитывать.*

Он вспомнил, как кокетничала маленькая Маша, выпрашивая милостыню у особей мужского пола. Возможно, она уже спит с мужчинами. И все переживания цивилизованного человека по имени Алексей Кисанов не стоят выеденного яйца...

– Так что, Нина, дело сворачиваем?

Она молчала, и Алексей понял, что, вопреки ее заявлению, решение еще не принято окончательно.

– Я вам скажу через пару дней, – ответила Нина.

А через пару дней она отчаянно кричала в телефон:

– Алексей, ее больше нет на площади! Неужели ее уже забрали?

Картинки с порносайта педофилов мгновенно выскочили на экране его мозга, и от них невозможно было избавиться. Распятые, плачущие дети. Ублюдки, которым доставляет удовольствие раздирать

маленькие тела.

– Прошу вас, умоляю вас, найдите Машу!

– Я выезжаю!

Но ему не удалось добиться ни слова от нищих. Маши нет – просто нет, и все.

Не появилась Маша и на следующий день.

– Ее забрали в «детский сад»? – требовательно спрашивала его Нина. – Я просила вас разузнать, что это такое!

Нехотя, но детектив счел своим долгом рассказать Нине о результате поиска по Интернету. Он понимал, что даже со всеми жалкими оговорками: «Это еще ничего не значит, может оказаться просто совпадением» – подобная информация прозвучит убийственно. И ждал слез, упреков, истерики – чего угодно в этом роде. Но реакция Нины его удивила. Бледная, собранная, решительная, она потребовала, чтобы Алексей, не теряя времени, передал через нищих, что готов вести переговоры о выкупе Маши.

«Старший» явился через полчаса. Запросил десять тысяч долларов. Нина не торговалась. Она пообещала деньги назавтра, «старший» пообещал ей назавтра Машу.

Назавтра, отведав их в укромный уголок, он тщательно пересчитал деньги.

– У вас своя бухгалтерия? – спросил Алексей дружелюбно. – Вы ведете в компьютере расход-приход?

– Компьютер? – усмехнулся «старший», блеснув золотыми зубами. – Вот тут у меня компьютер. – Он постучал по своей голове.

Именно это и хотел узнать Алексей.

Маша появилась ровно к концу пересчета денег. Нина бросилась к ней. Прижала ребенка к себе, и Маша в ответ протянула ручонки и обняла Нину.

– Где ты была? – выдохнула Нина.

– Болела, – хрипло ответила Маша. – Я еще и сейчас больная... А ты возьмешь меня к себе?

– Возьму... – прошептала Нина. Слезы мешали ей говорить.

– Я тоже хочу с тобой жить, – просипела Маша. – Я буду хорошо себя вести, обещаю...

И Алексей вдруг отчетливо ощутил, что он присутствует на мелодраматическом спектакле. Который кто-то умело поставил.

Счастливая Нина увезла Машу домой, а детектив отправился к себе на Смоленскую площадь. Чувство театрального действия не отпускало его. «Я тоже хочу с тобой жить», «Я буду хорошо себя вести, обещаю» – это именно те слова, которые нужны были Нине! Они, как расчетливо дозированный гербицид, вытравили с корнем ее последние сомнения... Нет, это не девочка Маша «ушлая», как выразилась Нина! Это суфлер у нее «ушлый», под чей шепот девочка играет свою роль...

И все мгновенно выстроилось в ином свете: завязка, кульминация, развязка! В первые два дня детективу почти ничего не удалось узнать: нищие явно боялись вступать с ним в разговор. Возможно, в эти два дня некто выяснял и проверял, кто такой Алексей и как с ним связана женщина, которая ежедневно давала Маше деньги и конфеты? И, как только этот персонаж за кадром понял, что тут можно содрать крупный куш, к детективу является инвалид и бросает ему затравку: «детский сад». Намекая, что туда отправляются только миловидные девочки... Отчего безобидные слова «детский сад» сразу приобретают зловещий оттенок. На следующий же день к детективу является «жена» «старшего», причем по его поручению, и добавляет красок в историю. Роняет между делом, что Машу цыгане украли... Правда это или нет, но это именно та информация, которая прекрасно вписывается в ожидания Нины.

Нины, именно Нины! Алексей грубо ошибся, полагая, что его принимают на привокзальной площади за «извращенца». Нет, с самого начала кто-то понял, что за ним стоит Нина, и весь спектакль был затеян для нее!

Затем наступает этап, в котором их с Ниной начинают откровенно подгонять. К Алексею наперебой кидаются нищие и расхваливают Машу на все лады. При этом все дружно намекают, что нужно Машу выкупать поскорее, не то она исчезнет, уйдет в загадочный «детский сад». А к Нине в это же время подходит Маша собственной персоной и заводит разговор о дочке. Нина тает и... Неожиданно принимает решение совершенно противоположное, словно интуитивно почуяв, что ею пытаются манипулировать!

И тогда Маша «пропадает». Голос разума умолкает навсегда; охваченная паникой, подстегнутая зловещими историями про «детский сад», Нина бежит спасать ребенка! И Маша, чтобы убедить ее в правильности принятого решения, роняет слова: «Я буду хорошо себя вести, я хочу жить с тобой».

Финал. Занавес. Аплодисменты. Оставалось только понять, кто режиссер-постановщик этого спектакля, столь скромно избежавший света рампы...

Нина упивалась счастьем. Маша, вопреки ее страхам, оказалась ребенком воистину золотым. Она была необыкновенно покладиста, услужлива и понятлива. Она подружилась с соседскими детьми мгновенно, как будто всю жизнь только и делала, что жила в семье.

– Она не безнравственна, Алексей! – горячо убеждала детектива Нина, наливая ему чай. – Она донравственна, понимаете? Это чистый лист, на котором попросту ничего не написано. Она легко схватывает любые мысли, и ее сейчас так же легко научить злу, как и добру!

Алексей хотел бы ей верить. Он даже верил. Почти.

Он был рад приглашению Нины. Ей не терпелось поделиться с ним, с участником всех событий, своей радостью, а ему – осмотреться у нее в доме, понаблюдать за Машей.

Аккуратно причесанная, чистенькая, девочка необыкновенно похорошела в новых нарядных одеждах. Она светилась бесхитрым детским довольством жизнью, вкусной едой, теплом, лаской Нины, новыми игрушками, и невозможно было поверить, что в этой милой головке водятся дурные мысли... Да они и не водились, конечно! Нина совершенно права: это «чистый лист». Проблема только в том, что на нем могли успеть написать и до Нины, причем совсем другие письма... А покладистый характер, исполнительность и желание порадовать взрослых – невинное детское желание! – в данном контексте могли сделать из Маши сообщницу... Несознательную, «донравственную», как выразилась Нина, зато послушную.

Мысль его буксовала в том месте, где помещался вопрос «зачем?». Ограбить Нину? Это раз плюнуть: Нина весьма богата и весьма беспечна. Драгоценности были разбросаны повсюду, толстая пачка денег лежала на холодильнике «для домработницы», там валялась ее кредитка, тут стояла дорогая аппаратура, в прихожей висели три роскошные шубы... Стало быть, для того чтобы ограбить Нину, вовсе не требовался столь сложный и продуманный план. Взять взломщика, вскрыть замки, и – бери не хочу! Нет, тут другое...

– Я собираюсь ее удочерить! Я пушу в ход все мои связи, заплачу любые взятки, чтобы сделать это побыстрее, до Нового года. Это будет подарком Маше – ведь дети ждут чудес на Новый год! Я скажу ей, что она моя дочь, что у нее теперь есть мама...

«Это ты, милая Нина, ждешь чудес, – подумал Кисанов. – Вот только что за «чудо» тебе готовят, хотел бы я знать...»

– Вы решили не делать генетический анализ? – спросил он вслух.

Нина отрицательно покачала головой.

– Может, стоит немного подождать с удочерением? – осторожно спросил он. – Узнать девочку побольше?

– Я ее и так знаю, – нахмурилась Нина. – Я чувствую этого ребенка, а это куда важнее всяких знаний!

Возвращение Маши с прогулки положило конец неудачно начатому разговору.

– А я тебя знаю, – прогудела Маша своим смешным баском, уперев пальчик ему в грудь. – Я тебя видела! Как тебя зовут?

– Это твой дядя, – вдруг ответила Нина и с мольбой посмотрела на детектива. Ей хотелось подарить Маше к Новому году целую семью, надо думать... – Дядя Алексей!

Алексей неловко согласился, извинился и засобирался, выпросив, однако, позволения навещать их регулярно в ближайшие дни. На правах «дяди»...

Он был убежден, что не на привокзальной площади, не среди нищих родилась эта идея – за ней стоял кто-то другой, со стороны. В самом деле, первой нащупанной трещиной, в которую ввинтилась мысль детектива, было несоответствие между явным стремлением нищих продать Машу и денежными перспективами загадочного «детского сада». На этом свете хватает ублюдков, готовых платить немыслимые бабки за детское тело. И по сравнению с подобными потенциальными доходами десять тысяч Нины – ничто. Откуда следует, что никакого ужасного «детского сада», с которым была бы связана банда нищих, не существует. Это чья-то выдумка, это «страшилка» для того, чтобы впечатлить Нину...

Однако страшилка называлась именно «детский сад». Кто-то видел в Интернете, что так называется один из самых крупных порносайтов, и стащил оттуда название? Но у нищих нет компьютеров. И у «старшего» тоже нет – не зря же детектив задавал ему наводящие вопросы.

Иными словами, за всем спектаклем стоит компьютеризованный умник, который прекрасно знает Нину и спектакль подогнал под нее... Нет, не «подогнал». А затеял для нее, вот как!

Стало быть, и искать его надо в окружении Нины.

В ближайшие дни, несколько злоупотребляя гостеприимством Нины, он регулярно являлся к ней в гости. Он очертил для себя круг всех ее друзей и завсегдатаев дома. Таких оказалось немало. Кроме домработницы Тamarы, одинокой женщины средних лет с Украины, проживавшей в квартире Нины, к ней

хаживали регулярно несколько человек. Компаньон погибшего мужа Нины по имени Сурен, армянин лет пятидесяти, добродушный гурман, любитель карт, красного вина и красивых женщин. Последнее имелось в избытке в шоу-бизнесе, которым он занимался, взяв на себя полностью после смерти Георгия фирму, и к Нине он ходил исключительно в качестве старого друга семьи: поддержать, развлечь, поиграть в карты. Степан, адвокат, ведший все дела Георгия и Сурена, – светловолосый, большой и плотный мужчина лет сорока, смотревший на Нину с неумело скрытым обожанием. Ирина, ее подруга, – чуть постарше Нины, холеная шатенка с резковатыми жестами и безапелляционными интонациями. Эти трое приходили чаще всех, чуть ли не каждый день, составляя компанию для игры в бридж. Еще человек пять имелись в орбите этого дома в качестве ближайших друзей, но навещались нерегулярно. Две непредсказуемые подруги, то висевшие на телефоне часами, то влетавшие без звонка к Нине с не интересными никому новостями; а также трое мужчин, все творческие личности, какие-то «постановщики зрелищ» или что-то в этом роде.

Это были добрые друзья, опекавшие Нину в ее горе и одиночестве, приходившие к ней то на чай, то на ужин, не позволявшие ей замкнуться в тоске, развлекавшие ее трепом и игрой в карты, к которым Нину пристрастил когда-то муж.

Как понял Алексей, они все, включая домработницу, были в курсе подробностей жизни Нины. Они знали, что ей надо было ехать за город и что шофер отпросился. Они коллективно обсуждали, стоит ли Нине ехать своим ходом. Причем, как выяснилось, все дружно ее отговаривали и советовали взять такси, а некоторые даже предлагали себя в качестве извозчиков...

Что опровергало версию детектива: из нее следовало, что некто присмотрел нищенку Машу заранее и знал *навверняка*, что Нина окажется на площади. А они все, все советовали ей ехать на машине!

Хотя... Если, как Алексей уже решил, за этим стоял хороший психолог, прекрасно знавший Нину, то он мог предвидеть ее реакцию...

– А отчего вы решили поехать своим ходом на дачу, если все друзья советовали вам взять такси?

Нина удивленно посмотрела на детектива.

– Алексей, откуда такой странный вопрос? Вас что-то настораживает?

– Ни боже мой! Просто интересно. Я вот помню, как поддержал ваше решение не брать Машу, а вы тут же в нем усомнились. Словно я убеждал вас в противоположном... Все-таки ускользает от меня женская логика, – улыбнулся он. – Вы всегда все делаете наоборот?

– Ну почему, – смутилась Нина. – Я с ними согласилась сначала... Но потом передумала. Мне стало неприятно, что меня все считают такой не приспособленной к жизни... Как будто я инвалид!

К ее облегчению, Алексей сменил тему и вскоре оставил Нину в покое. Ему большего и не требовалось. Он наконец сформулировал для себя то, что смутно чувствовал в начале их знакомства: Нина принадлежит к той породе женщин, которым необходимо реализовывать свою духовную энергию в преодолении препятствий. Так она когда-то пошла вопреки воле отца, так она пожертвовала высокой музыкой ради любви к Георгию... И тот, кто хорошо знает Нину, легко сумеет спровоцировать ее на решительные действия – стоит только дать понять, что она не справится, что она слабая, неприспособленная...

Шофер Нины, усатый добродушный дядька, звался Петр Петренко, хотя вся компания его называла Петрович. Алексею ничего не стоило получить сведения о нем через бывших коллег из милиции, и, вооруженный нужным адресом, он отправился с визитом.

Дверь ему открыла молодая женщина, а на звонок в коридор подтянулись еще двое любопытных: мужчина и мальчик лет двух. Алексею понадобилось две секунды, чтобы придумать подходящую фразу.

– Мы проводим социологическое исследование, – жизнерадостно заговорил он, – об условиях проживания внебрачных детей! Ваш адрес у меня в списке.

– У нас нет внебрачных детей, – удивилась женщина.

Алексей достал блокнот и заглянул в него.

– А почему же ваш адрес у меня в списке? Может, мальчик родился раньше, чем вы поженились?

– Да мы уже четыре года женаты!

Алексей извинился и оставил в покое дочь шофера, на свадьбу которой Петрович отпросился у Нины меньше месяца назад.

Шофера он застал врасплох, как и намеревался. Привыкнув к Алексею как к гостю Нины, он и не подозревал, что тот зайвится к нему в неудобном качестве детектива.

– Да я... Если честно... Я вот... – Петрович разводил руками, заикался и искал слова. – По правде говоря... Оно вот как вышло...

– Вам кто-то за это заплатил, – подсказал детектив.

– Да нет, вы что! Я болел... Заболел, в общем.
– А отчего же Нине неправду сказали?
– Да вот какая петрушка... Грипп у меня был. А я постеснялся сказать. Думал: вдруг я ее заразил? Сердиться на меня будет, если узнает...

Петрович врал неумело. Но Кисанов пока оставил его в покое. Первым делом требовалось домыслить картину... А лучше всего это делать в своем любимом кресле за любимым столом перед любимым компьютером. Куда детектив и отправился.

Итак, в пейзаж привокзальной площади неожиданно вписывается Нина. А в качестве пейзажки выступает светленькая хорошенькая нищенка Маша. И выступление ее кто-то подготовил. Кто-то ее приметил и, зная Нину и все подробности ее несчастливой жизни, решил Нину с Машей свести. Заранее понимая, что Нина увидит в маленькой нищенке дочку... Может, кто-то из добрых друзей позаботился таким образом о Нине? Заплатил шоферу, чтобы тот отпросился. Заплатил нищим, чтобы они устроили спектакль. Пообещал, что Нина им наверняка даст хорошие бабки за ребенка... В результате мама и дочка обрели друг друга, все рады, все смеются.

Детектив вытянул ноги на кресло для посетителей и отхлебнул кофе из большой чашки. Из маленьких пить непрактично: уже бы пять раз на кухню сходил!

Хм, а чем не версия? Добрая новогодняя сказка... Загвоздка одна: с той печальной поры, когда Алексей узнал, что Деда Мороза не существует, он в сказки больше не верит. Поэтому перейдем-ка мы к другой версии, в которой у кого-то имеется дальний и отнюдь не добрый умысел. Что мы знаем об авторе этой дивной сказки? Что он очень хорошо изучил Нину. И умеет предсказывать ее реакции и поступки. Он предвидел, как Нина среагирует на девочку. Он предвидел, что она «узнает» в ней свою пропавшую дочку. Он предвидел все ее сомнения и колебания, равно как и ее финальное решение выкупить девочку. И он умело подстегивал Нину там, где она сомневалась слишком долго... То есть он все просчитал наперед. И, несомненно, просчитывает теперь дальше.

И что же он теперь просчитывает? Каких поступков ждет от Нины наш безвестный пока «душевед»? Нина собирается удочерить девочку. У-до-че-рить...

Удочерить! Следовательно, Маша становится **наследницей**. Всего огромного состояния, недвижимости и приличной доли в продюсерском бизнесе.

А теперь скажите мне: когда Маша станет **наследницей**? Правильно: когда Нина умрет. Увы, мне эта мрачная сказочка тоже не по душе... Но зато она куда больше похожа на реальность.

– Что посоветовали вам друзья, когда вы рассказали им о Маше? Вы ведь сразу им рассказали, не так ли?

– А вот и нет! Только тогда, когда я уже вас наняла!

Так вот почему нищие молчали первые два дня! Они еще просто не успели получить приказ!

– Но вы наверняка советовались, выкупать Машу или нет...

– Конечно! Со всеми. Ирина, – вы ее уже немного знаете, – была однозначна: «Не пойму, зачем тебе такая обуза?» Сурен сказал: «Не волнуйся, Нина, с твоими деньгами ты наймешь лучших учителей и педагогов и сделаешь из ребенка то, что тебе надо!» Степа был поначалу тоже «за». Он-то меня лучше всех понимает: он и сам мечтает о ребенке, но из-за болезни жены не может ни своих завести, ни чужих взять на воспитание... И он меня первым поддержал, но когда услышал эту фразу Сурена, то возмутился: «Это тебе не твой «Мерседес», в котором в любой момент можно сменить запчасти!» В конечном итоге Степан посоветовал взять вместо Маши младенца и самой его воспитать... Остальные тоже разделились: женщины «за», мужчины «против».

– И вы поначалу выбрали «против», а потом...

– В конце концов, – возмутилась Нина, – это мне решать! Что бы мне ни советовали, а ответственность на себя беру я, и никто другой!

– Разумеется, – быстро согласился Алексей. – Извините, если я...

Нина заверила, что все в порядке, и отправилась читать Маше на ночь книжку. После того как девочка засыпала, Нина обычно возвращалась к гостям, и они еще долго вели разговоры или играли в карты. Алексей нахально вписался в эту схему и стал завсегдатаем их вечерних посиделок, присматриваясь к окружению Нины. Да и к самой Маше тоже, задавая себе уже не в первый раз вопрос, нищенка ли она в самом деле. Хотя эта гипотеза казалась ему почти бредовой, он все-таки при каждом удобном случае расспрашивал девочку о жизни на площади. Сбоев не случилось, Маша знала столько деталей и подробностей, что он быстро отказался от этой идеи. Тем более что Нине не нравились его расспросы. «Вы травмируете ребенка, – говорила она. – Я хочу, чтобы она поскорее забыла прошлую жизнь, а вы ей

постоянно напоминает!»

В поведении Маши детектива интересовало и другое: не высказывает ли девочка признаки своего давнего знакомства с кем-то из присутствующих? Алексей нисколько не сомневался: тогда, на площади, Маша подошла к Нине и завела разговор о дочке по чьей-то подсказке. И реплики в мелодраматическом финале ей тоже кто-то нашептал. Однако задать Маше наводящие вопросы ему никак не удалось: Нина постоянно была рядом. Маша же вела себя со всеми одинаково, ровно и приветливо, – так, как ее научила Нина.

Однако автор сценария, без всякого сомнения, находился здесь, среди них. Даже если к девочке являлся его сообщник (или сообщница), то сам он держал руку на пульсе всех событий, всех решений Нины. Он непременно должен быть среди этих милых друзей. И Алексей его найдет.

«Наследница». Это слово не давало Кисанову покоя.

Декабрь достиг своей морозной середины, Нина уже нарядила елку и обещала всем, что через неделю все хлопоты по удочерению Маши будут закончены. Обе девочки, большая и маленькая, жили в ожидании чуда.

А детектив жил в ожидании убийства.

Он поднял дело по расследованию причин автокатастрофы, в которой погибли муж и сын Нины. По дороге в загородный клуб верховой езды джип Георгия потерял управление и, не вписавшись в поворот, врезался во встречную машину. Георгий, как свойственно российским лихачам, никогда не пристегивался ремнями безопасности сам и даже сына не пристегнул... На вопрос, были ли исправны тормоза, никто ответить Алексею не смог. Экспертиза была сделана крайне поверхностно. «Новые русские» вызывали у милицейских работников презрительную ярость: «Они думают, что им все позволено! Правил не соблюдают, ремни не пристегивают, идут на запрещенные обгоны, садятся за руль пьяными!»

При подобном отношении неудивительно, что никто толком не вникал, что случилось на самом деле. Следствие быстро закрыли, и худенькую папочку списали в архив.

А на самом деле существовала высокая вероятность того, что Георгию «помогли» разбиться на машине. Очень высокая. Способов ослабить тормоза или рулевое управление немало. Причем так, что, садясь в машину, водитель ничего не заметит, но управление откажет ему где-то в пути...

Теперь уже вряд ли удастся это установить (разбитая машина отправилась под пресс), но если догадка детектива верна, то план преступника был составлен с грандиозным размахом... Полгода тому назад он «убрал» мужа и сына Нины. Затем подстроил «нечаянную» встречу с нищенкой, которая должна была навеять Нине мысль об украденной когда-то дочке. Значит, преступник приметил девочку уже давно и выстроил в голове всю эту схему заранее! И цель его – сделать Машу наследницей? С тем, чтобы потом каким-то образом заполучить все имущество? Возможно, он за взятки оформит новое удочерение. А от Маши потом избавится. В лучшем случае вернет ее нищим. В худшем – маленький безымянный трупик найдут однажды, когда сойдет снег.

Впрочем, существовала вероятность и иной развязки, еще более страшной. Об этом даже думать не хотелось. «Детский сад» всплывал перед глазами немедленно. От этих кадров мутило, а от бешенства пересыхало во рту. Разумеется, информацию Алексей давно передал в отдел по борьбе с педофилией, но услышал в ответ знакомые речи: людей не хватает, программистов-хакеров не хватает, финансов не хватает...

Бессильный гнев выбросил детектива из любимого кресла, как катапультой. И Алексей, повинувшись его агрессивной энергии, направился к Петровичу, шоферу Нины.

Увидев лицо детектива, Петрович быстро выпроводил супругу обратно в комнату, к телевизору, пригласил Алексея на кухню и предложил выпить.

– Кто? – спросил детектив, отказавшись от водки. – Кто вам заплатил за то, чтобы вы не вышли на работу?

Петрович крякнул, выпил стопку в неразделенном одиночестве, снова крякнул и, пощипывая усы, сообщил:

– Женщина одна. Врач. Ты только скажи мне сначала: почему ты так въедаешься в это дело? Нина, что ли, прознала? Уволить меня хочет?

Алексей быстро отмел страхи Петровича и потребовал подробностей.

– Она врач Нины... Психолог или что-то в этом роде. Она мне объяснила, что Нине надо выходить на улицу, в толпу. И что добром ее не уговорить, так как она от горя немножко того... Типа крыша поехала. Врачиха-то не так сказала, но это я своими словами... Ну и вот, говорит: «Петрович, надо ей помочь.

Придумайте предлог какой-нибудь и не выходите на работу пару-тройку дней. Пусть Нина немножко проветрится, по улице походит, на людей посмотрит...»

– Вы эту женщину раньше видели?

– Она бывает у Нины редко, только когда много гостей собирается. А какие гости последнее время, сами понимаете, Нина мужа и сына похоронила... Имя ее я не знаю, нет. Такая из себя маленькая, блондинка...

Ничего больше он добавить не смог. Пообещав детективу немедленно отзвонить на мобильный, если снова эту женщину увидит, Петрович проводил его к дверям с заметным облегчением.

– Вы Нине не скажете? – спросил он с надеждой, закрывая дверь.

Детектив рассеянно пообещал. Мысли его были заняты совсем другим. Он пытался придумать, как бы ему расспросить о маленькой блондинке Нину, не вызвав ее подозрений. И как бы ему расспросить Машу без вмешательства Нины.

Он знал, что днем девочка гуляет в сопровождении домработницы Тамары во дворе дома. В школу Маша ходить не могла – она почти не знала грамоты, писала только печатными буквами, и Нина собиралась сразу после Нового года нанять ей частных учителей. Алексей решил, что лучше всего поговорить с Машей во время прогулки: Тамара постесняется делать ему замечания. А если потом Нине и доложит, так это же будет потом!

Он сделал вид, что направляется в подъезд Нины и только совершенно случайно заметил их во дворе. Маша лепила домик из снега. Детектив совершенно не умел вести себя с детьми и выглядел, надо думать, комично и неестественно, когда, растянув рот до ушей, полез за конфеткой в карман. После чего неуклюже предложил полепить вместе снеговика. Тамара прохаживалась поодаль: было морозно, на лавочке не посидишь. Воспользовавшись этим обстоятельством, детектив начал лепить снежный ком, рассказывая Маше, что из него получится снежный человек, и совершенно не представляя, как завести разговор о маленькой блондинке.

– А он будет живой? – спросила Маша, с увлечением следуя инструкциям Алексея.

– Не совсем. Он ведь из снега.

– Раз из снега, то не живой?

Алексей мучился, ища слова. Что в таких случаях говорят детям?

– Он... Видишь ли, он не то чтобы живой, но он КАК живой...

– Настоящий, что ли? Как куклы?

– Вот-вот, – обрадовался Алексей. – Как куклы.

– А феи живые?

Э-э, рано детектив обрадовался...

– Феи? Они, наверное...

– А из чего они сделаны?

Ну и вопросик! И что, спрашивается, на него отвечать?

– Они же тоже как живые, но я не знаю, они настоящие или нет... – рассуждала Маша своим смешным хриплым баском. – Я только одну видела. А ты?

– Я... Вроде бы ни одной, – растерялся Кисанов.

– Ты плохо себя вел? – строго спросила Маша.

Детектив уже был готов отказаться от своей затеи, как вдруг до его слуха долетел конец фразы:

– ...если я буду послушной и хорошо себя вести, то у меня будет мама, как у других детей.

Что-о-о?! Он потребовал, чтобы Маша рассказала все сначала. Не обращая внимания на насторожившуюся Тамару, он жадно впитывал сбивчивый рассказ девочки.

...Итак, какое-то время назад – Маша путалась в понятиях времени и не сумела уточнить – к ней подошла красивая женщина с белыми волосами, дала ей конфеты и деньги. Потом стала задавать вопросы, а затем вдруг сказала, что она добрая фея, которая узнала, что Маша хорошая девочка, и поэтому пришла к ней. И пообещала, что если Маша и впредь будет хорошо себя вести, то ее скоро найдет мама...

Как оказалось, Маша слышала немало сказок от «бабы Лены», которая жила со Вшами. И Маша прекрасно знала сказки и про Золушку. Баба Лена была добрая, и Маша жалела, что с ней рассталась, но ей очень хотелось жить с мамой... Когда Нина разрешит, Маша обязательно пойдет навестить бабу Лену, ведь она тоже по Маше скучает...

Детектив перебил детское повествование нетерпеливыми вопросами. Выяснилось, что «фея» приходила трижды. Первый раз явно до появления Нины на площади. Второй раз для того, чтобы указать на Нину, прятавшуюся за ларьками, и нашептать ребенку, что, возможно, это и есть «мама»? Маша очень хотела

узнать точно, но «фея» ответила, что сама пока не знает, и обещала это выяснить «у других фей»... Именно тогда Маша отправилась к Нине с разговором о потерянной дочке, столь потрясшем Нину... Последний раз «фея» появилась накануне сделки, когда Маша болела. Хотя она не болела, но «старший» сказал, что она больная и ей надо посидеть в тепле. А «фея» нашла Машу, она ведь фея, она знает, в каком подвале живут Вши! И «фея» сообщила, что красивая женщина, дававшая ей конфеты, – совершенно точно ее мама, но только Маша обязательно должна пообещать ей хорошо себя вести, и тогда мама ее заберет...

Вот это да! Загадочный суфлер, который столь ловко нашептал ребенку нужный текст, – «фея»! Ну кто бы мог подумать!

– А Нина не знает, что она моя мама! – заговорщически сообщила Маша, понизив голос. – Об этом знаем только мы с феями! Вот Нина удивится, когда я ей скажу, правда?

И Маша радостно засмеялась при мысли о таком сюрпризе.

А Алексей с восхищением подивился этим двум женщинам, маленькой и большой, которые заботливо готовили друг другу подарки.

Теперь он понял саму Машу, ее удивительную исполнительность, послушание и старательность. Маша изо всех сил хотела быть «хорошей девочкой», и эти понятия внедрились в ее детскую головку, куда легко входили живые феи и подарки за хорошее поведение в виде мамы. Вдруг он вспомнил слышанное где-то: многие проститутки мечтают встретить среди клиентов своего «принца» – того, кто полюбит, вытащит со дна, возьмет замуж... Чего уж удивляться ребенку, поверившему в сказку...

Признаться, у него в груди стало тепло при мысли о том, что Нина не ошиблась, поверив Маше. Эти две девочки, эти две женщины, маленькая и большая, – они действительно нашли друг друга. Для долгой и счастливой жизни...

Только тот, кто свел их, уготовил им совсем не сказочный финал.

...Неделя заканчивалась. И Нина заканчивала процедуру удочерения Маши.

Алексей еще потоптался вокруг Нины и ее друзей. Знакомых психологов у Нины не имелось. Маленьких же блондинок имелось штук пять, но не в близком окружении. Искомая дама была, без сомнения, сообщницей одного из друзей, вхожих в дом постоянно. Но и тут мало что просматривалось. У Сурена не было жены, но зато всегда водилось множество молоденьких любовниц, с которыми он иногда приходил к Нине. Степан был женат, но смотрел влюбленными глазами на Нину. Супругу его при этом никто никогда не видел: со своей хронической болезнью она редко выходила из дома. Ирина не имела других подруг, да и то, такую завистливую стерву, как определил ее для себя детектив, способна выдержать только интеллигентная Нина. Остальных «приближенных ко двору» Алексей отмел. Их общение с Ниной было хаотично, тогда как убийца ставил свой спектакль весьма методично, полностью контролируя ситуацию. Так что в кандидаты Алексей вписал только этих троих, да еще домработницу Тамару. Она казалась преданной и благодарной: из своей убогой жизни на Украине она попала в гостеприимный сытый дом, где жила, питалась и получала зарплату.

Впрочем, одна ее недавняя реплика насторожила детектива. «Только бы Машка не сбежала...» – озабоченно вздохнула Тамара. Фраза сама по себе ничего не значила, она могла быть совершенно безобидной и отнюдь не указывала на убийцу, но детектива она навела на мысль. И мысль следовало проверить. Для чего нужно задать Нине всего один вопрос, но Алексей плохо представлял, как к нему подобраться. Это был очень не деликатный вопрос, очень...

И, поразмыслив, детектив решил на маленькое преступление. Лепка снеговика очень сблизил его с Машей, и теперь девочка, завидев Алексея, всегда бежала к нему. Чем детектив и воспользовался. Выждав, пока Тамара, прогуливаясь вокруг детской площадки, повернется к нему спиной, он появился из-за гаражей и поманил к себе Машу. Та немедленно подбежала к детективу и церемонно подала ручку.

Она не была приучена к ласке и всегда отстранялась, если кто-то из взрослых хотел ее поцеловать в щечку или погладить по головке. Нина, догадываясь, что нежности в среде нищих не приняты, научила Машу здороваться за руку, что та делала с уморительной ритуальной важностью.

Алексей маленькую ручку ухватил и утащил Машу за гаражи, шепча, что это игра такая, «прятки» называется. Еще в прошлый раз ему показалось, что Тамара чуть туговата на ухо, и сейчас он очень рассчитывал, что не ошибся, и его шепот не долетит до домработницы.

Услышав обеспокоенный зов Тамары, он увел девочку подальше раньше, чем она могла бы ощутить подвох. Алексей видел, как Тамара в панике помчалась к подъезду. И пять минут спустя оттуда выскочила Нина, надевая шубку на ходу и дико озираясь по сторонам. Алексей с Машей немедленно появились в поле

их зрения. Тамара с облегчением перекрестилась, а побледневшая Нина молча схватила Машу и прижала к себе. Узнав, что детектив затеял «невинную игру в прятки», Нина впилась в него глазами, словно пыталась прочитать признаки безумия в его лице.

– У вас плохо с головой, господин детектив, – сказала она резко. – Этот ребенок – это все, что у меня осталось. Если она исчезнет, я перестану жить.

И, круто повернувшись, Нина направилась с Машей к подъезду, не пригласив детектива. Ну что ж, он примерно на это и рассчитывал. Теперь он знал точно, что должно произойти в ближайшие дни. Последние бумаги по удочерению были выданы сегодня, и на завтра назначен праздник. Завтра Нина скажет Маше, что она ее мама... А Маша ответит Нине, что давно об этом знает от «феи»... Нина ничего не поймет, она будет плакать от радости, гости будут рыдать от умиления, фотографировать и снимать на видео... И среди них будет всхлипывать и вытирать сопли тот или та, кто собирается убить Нину.

Но не завтра. Убийца дождетса праздника, полноты счастья Нины, которую Маша начнет называть «мамой», – для того чтобы нанести удар как можно более чувствительно... Потому что теперь Алексей был убежден: убийства не будет. Будет – **самоубийство**. Нина, уже пытавшаяся наложить руки на себя, не выдержит еще одной беды.

А она случится после праздника – после того, как Нина услышит «мама» из уст ребенка, после того, как она окончательно поверит, что бог наградил ее этим счастьем за все страдания. Ведь когда человек счастлив, он наиболее уязвим...

Вот тогда-то Маша и бежит.

На праздник Алексей Кисанов не пошел, да и Нина его пригласила весьма холодно, не простив ему выходку с игрой в «прятки». Но у него были другие хлопоты, отнявшие целиком два дня.

Вычислить, с кем связана маленькая блондинка никак не удавалось. Вести расспросы впрямую детектив не мог: он бы непременно спугнул преступника. Оставалось одно: наблюдать за девочкой круглосуточно, уповая на то, что убийца не станет откладывать развязку в долгий ящик. Посему Алексей заручился поддержкой бывших коллег из розыска и привел всех в состояние боевой готовности. Он не знал, когда и как это может произойти, но полагал, что убийца выберет дневное время и на улице. У Маши была одна черта, объяснявшаяся ее жизнью в коммуне нищих: она легко подчинялась любому взрослому из своего клана. Что очень облегчало задачу преступника, тем более что и в доме у Нины Маша оказалась тоже в постоянной группе «своих». Нина позаботилась об этом намеренно, боясь, что ребенок, привыкший к толпе площадной жизни и к коммунальному быту нищих, может затосковать, лишенный привычного простора и многолюдия.

Однако на прогулках Тамара теперь не спускала глаз с девочки, а Нина, выходя с ней в магазины или в кино, крепко держала Машу за ручку. Признаться, Алексей не представлял, как преступник возьмется за это дело. Уведет? Украдет? Подговорит?

Хотя... Если учесть, что «фея»... Если его догадка верна, то это случится скорее ночью. Просто потому, что днем с девочки глаз не спускают. Ну конечно, ночью!

Детектив не ошибся. Нине подарили еще три дня счастья. А на третью ночь, около двух часов, Маша вышла из подъезда, совсем одна, озираясь по сторонам. Стоявшие неподалеку неказистые «Жигули» вдруг мигнули фарами, дверца гостеприимно распахнулась, и Маша исчезла в утробе машины.

Ее никто не остановил. Ночной извозчик, наверняка случайный, ехал аккуратно, и проследить за ним не составило никакого труда. У дома на Беговой «Жигули» затормозили, невысокая женщина в шубке расплатилась с водителем, взяла Машу за руку и скрылась с нею в подъезде. Час спустя оперативники установили, кто проживает по данному адресу, и оставили человека для наблюдения. За Машу особо не волновались: она пока в безопасности. *Пока Нина жива.*

К Нине детектив приехал рано, неприлично рано. Шесть утра – отнюдь не время для визитов. Но как раз время для оказания скорой помощи, в которой Нина остро нуждалась.

Теперь наступило время для объяснений, и он объяснял. И почему так бесцеремонно напрашивался в гости, и зачем устроил нелепую игру в прятки, чего примерно ожидать в ближайшие пару дней и как себя вести... После десятка заверений, что с Машей ничего не случится, Нина вняла наставлениям Алексея и согласилась с его условиями. Она была сильной женщиной, эта хрупкая, нежная, интеллигентная Нина...

В первый вечер Нина не подходила к телефону, а на звонки в дверь выходила Тамара и приглушенно объясняла: «Сами понимаете, какое горе... Она с постели не встает...»

На второй день Нина преобразилась.

– Нет, не беспокойтесь за меня, – отвечала она всем по телефону с необыкновенной твердостью. – Я не сдамся. Я буду бороться. Я найму десять частных сыщиков, если понадобится! Но мы найдем Машу! Только сейчас мне надо побыть одной...

На третий вечер после исчезновения Маши к Нине вторглись, чуть ли не против ее воли, друзья в полном комплекте: Сурен, Степан и Ирина.

– Это не дело, – гудел Сурен, – ты тут одна, а тебе нужна сейчас поддержка близких людей, даже если ты в этом не отдаешь себе отчета!

– Ниночка, не гони нас! – вторила Ирина. – Мы просто тихо посидим рядом, разделим с тобой твои тревоги...

– Нина! Ты не должна быть в такую минуту одна! – мучительно искал слова Степан. – На что же друзья, если... В том смысле, что когда плохо...

– А что говорит милиция? – Это Сурен обеспокоился.

– Да, что она говорит? – хором поддержали Ирина и Степан.

– Ищут, – сурово ответила Нина.

Вечер протянулся в тоске и тревоге. Об игре в карты не могло быть и речи; гости не знали толком, чем заняться и что сказать. Наконец начали прощаться. Первым откланялся Сурен, за ним Ирина. Степан медлил.

– Нина... – проговорил он, когда за Ириной закрылась дверь. – Нина, милая... Ты знаешь, как я... Как близко принимаю к сердцу все, что происходит с тобой... Я принес хороший коньяк... Тебе нужно немного расслабиться, Нина! Посидим, поговорим...

Нина удивленно подняла брови.

– О чем, Степан?

– О жизни... О любви... Ты ведь догадываешься, что я... Я никогда бы не осмелился тебе сказать, пока Георгий был... – Он запнулся. – Пока ты была не одна... И потом, я женат... Моя жена, ты знаешь, она больной человек...

– К чему ты, Степан?

– Прости. Такие дни, столько потрясений... Я хотел сказать... Что я люблю тебя, давно, вот, что я хотел сказать. – Он взял Нину за плечи. – Прости, это, наверное, неуместно в такой день. Но мне хочется сказать тебе что-нибудь нежное, что-нибудь теплое... Чтобы ты знала, что ты не одна...

Нина легонько отстранилась, и руки Степана упали.

– Степан, – улыбнулась она, – это ни для кого не секрет. Все знают, что ты человек влюбчивый. Все знают, что твоя жена больна. Тебе нужна женщина, но я явно не гожусь для этой роли. Меня сейчас ничто не интересует в жизни, кроме Маши.

Степан грустно посмотрел на Нину. Он был похож на большого доброго медведя, которого сильно огорчили.

– Ну что ж... Прости, Нина, все это, наверное, и впрямь лишнее. Ты не сердисься?

– Нет, – мягко ответила Нина.

– Давай выпьем по рюмочке за то, чтобы Машенька нашлась?

Нина кивнула, и Степан отправился на кухню: «Сиди, сиди, не беспокойся, я все принесу». Вернулся он с двумя стопками, уже наполненными.

– Ах, извини, – сказал он, увидев, что Нина приготовила низкие пузатые рюмки, которые достала из серванта-бара в гостиной. – Я на кухне взял, по-простому, по-нашему...

– Неважно, Степан. Принеси мне лимон, пожалуйста, он в холодильнике. И сахарницу.

Вернувшись, Степан закрыл дверь в гостиную.

– Чтобы Тамару не разбудить, – пояснил он.

– Не разбудишь. Она приняла снотворное. Иначе спать не может: все казнится, что Машу упустила...

– Бедняжка. В этом ее вины нет... Просто девочка привыкла к вольной жизни и вернулась к ней...

Нина... Я с тобой, знай это...

– Спасибо, Степан. Давай выпьем. За то, чтобы нашли Машу поскорее, живой и невредимой.

Нина сделала два глотка и поставила рюмку обратно.

– Что ты, что ты! – всполошился Степан. – За такие вещи надо пить до дна, Нина!

Нина послушно допила свою рюмку, закусив коньяк кусочком лимона, сдобренным сахаром. Степан, робко поцеловав Нину, засобирался.

– Я вижу, ты устала... Я пойду, Ниночка.

– Да, весь этот стресс... Глаза закрываются сами... – Пробормотала Нина.

– Ложись... Я пойду.

– Иди, Степан...

Входная дверь тихо хлопнула. Нина, шатаясь, добрела до кровати и рухнула на нее, не раздевшись. В квартире воцарилась абсолютная тишина. Прошло, наверное, минут пятнадцать, когда наконец послышались шаги. Из коридора в гостиную, из гостиной в спальню Нины.

В темноте появилась фигура.

Нина не шелохнулась.

Человек склонился к ней...

Неожиданно вспыхнул яркий свет.

– Стой, где стоял, – раздался голос Алексея Кисанова.

Детектив, как черт из табакерки, появился из платяного шкафа. От двери, с того места, где находился выключатель, сделал пару нетерпеливых шагов человек в милицейской форме.

– А рюмочку-то держи, держи в руках, как держишь... – Ласково проговорил Алексей, подходя к Степану. – Что там, голубчик? Яд? Высокая доза снотворного? Держу пари: снотворное! Ведь Нина уже однажды пыталась отравиться, и ты об этом знаешь. Имеется прецедент, как у вас, юристов, принято говорить? Молчишь? Ну, молчи: экспертиза все равно установит. Так, значит, это вы, господин адвокат, у нас такой затейник?

К вечеру Алексея Кисанова ждали у Нины. Собралась большая компания (за исключением Степана, который свой вечер проводил уже за решеткой), предвкушавшая – детектив в этом не сомневался – его подробный рассказ. Не сказать, чтобы предстоящий сольный номер радовал Алексея. Он прекрасно знал: в отличие от романов, где в финальной сцене сыщик поражает воображение благодарных участников событий своей логикой, в реальности все выглядит не так захватывающе. Слушатели, как правило, испытывают разочарование, словно их обманули, словно они ждали какого-то особого секрета, маленького чуда циркового фокусника, кролика из шляпы... А тут – просто логика. Просто ход мысли и умозаключений. Ничего загадочного. И им начинает казаться, что все элементарно и очевидно и что они и сами на месте детектива рассудили бы точно так же.

«Вот взяли бы и рассудили, – ворчал мысленно Кисанов, входя к Нине. – А то все горазды в Шерлоки Холмсы задним числом...»

Его худшие ожидания оправдались: народ уселся в полукруг, отведя ему место «на сцене»: кресло напротив. Деваться, однако, было некуда: украдкой утерев щеки, смоченные благодарными слезами Нины, Алексей уселся, вздохнул и приступил к повествованию.

Уже после того, как были описаны его похождения на привокзальной площади, наблюдения, сомнения и выводы, которые сузили круг подозреваемых до ближайших друзей дома, народ оживился.

– И кого вы подозревали? Меня? – с вызовом произнесла Ирина. – То-то вы все смотрели на меня так странно! Я уж было подумала, что у меня завелся новый поклонник! – язвительно улыбнулась она.

В ее словах тайлось разочарование. Алексей кивнул:

– Всех. Я подозревал всех, даже Тамару.

Та ахнула и покраснела, Сурен неодобрительно крякнул, остальные, «неподозреваемые», радостно зашумели.

Нина вовремя вмешалась: вместе с Тамарой они разнесли напитки, и народ вновь притих, слушая детектива.

– Понятно, что просто убить Нину преступник не мог – это вызвало бы слишком много подозрений. Он, хорошо ее зная, был убежден, что новой потери ребенка Нина не выдержит и уйдет из жизни сама. Мой маленький эксперимент с «игрой в прятки» и реакция Нины подтвердили мою догадку. Стало быть, Маша должна была пропасть. Причем так, чтобы все подумали, что девочка сбежала сама, на «волю». Убийца ведь был прекрасно осведомлен обо всех сомнениях Нины по поводу маленькой нищенки...

Я долго думал, как он к этому подступится. Когда? Днем, ночью? Днем Тамара, которую к тому времени я уже перестал подозревать, – любезно улыбнулся детектив, а Тамара вновь покраснела, – и Нина не спускала с девочки глаз. И тут я вспомнил про «фею». Теперь мы знаем, что это любовница Степана, которой он пообещал развестись и жениться на ней, если она «внесет свой вклад» в их будущую безбедную жизнь в Испании... Степан врал ей, что дела его плохи, что болезнь жены съедает все средства... Так же, как он ввел всех вас в заблуждение, прикидываясь влюбленным в Нину... Наша «фея» сумела познакомиться с одной из подруг Нины с тем, чтобы получать приглашения на большие праздники. И она была здесь, когда праздновалось удочерение Маши... Всего этого я тогда не знал, мне не удавалось ее вычислить. Но она где-

то существовала, и ей уже удалось завоевать доверие Маши, пообещав ей «маму». Нина, можно позвать Машу?

Маша играла в своей комнате: Нина не желала, чтобы ребенок слышал подробности. Но девочку привела.

– Что сказала тебе фея на празднике, Машенька? – спросил детектив.

– Что я хорошая девочка, – гордо ответила Маша.

– И фея пообещала тебе награду?

– Она сказала, что подарит мне и маме Нине папу! И у нас будет настоящая семья!

По гостиной прошелестел тихий ропот.

– И она сказала, что вы поедете за папой ночью... Верно? А как же ты проснулась среди ночи? Или ты вовсе не спала?

Маша вдруг всплеснула руками, побежала в свою комнату, откуда принесла большую коробку с игрушками, поставила ее посреди гостиной и, покопавшись, вытащила оттуда крошечный серебристый мобильный телефон.

– Фея велела его вернуть, когда я пойду с ней за папой, – пробасила Маша. – Но я забыла! Мама, надо позвать фею, чтобы его вернуть!

Нина порывисто прижала к себе девочку. В гостиной поднялся шум.

– И вправду «хорошая девочка», – саркастически заметила Ирина, но глаза ее подозрительно покраснели. – Может, и впрямь твои гены, Нина?.. А вы, значит, вот так взяли и догадались? – прищурилась она в сторону детектива.

– Когда хочешь приманить ребенка, то даришь ему одну игрушку, а в следующий раз другую... – пожал плечами Алексей. – Сначала «маму», потом «папу»... Мне оставалось только спровоцировать убийцу, чтобы он решился как можно скорее на преступление: требовалось взять его с поличным, ведь намерение еще не преступление! Поэтому на второй день Нина заявила вам всем, что будет бороться до конца. Преступник на это вовсе не рассчитывал: он надеялся на самоубийство! И мы тем самым подтолкнули его к решению «помочь» Нине покончить с собой. До последнего момента я не знал, кто из вас троих вызовется в «помощники», а допросить «фею» мы не могли: это спугнуло бы убийцу. Но я был уверен, что он непременно придет...

– Ну, сволочь! – вдруг выступил Сурен. – Неужели он думал, что я дам ему захватить половину бизнеса? – От волнения его армянский акцент проступил сильнее.

Алексей едва заметно улыбнулся.

– Это сейчас, Сурен, вы считаете, что не допустили бы подобного, но разве вы что-нибудь заподозрили, когда Нина рассказала вам о встрече с Машей? Разве вы забеспокоились, когда она решила девочку удочерить? Нет, Сурен... Даже если бы Нина наложила на себя руки, а Степан вызвался удочерить Машу, вы бы ничего не заподозрили. Все знали, что адвокат влюблен в Нину и что он мечтает о ребенке! Вы бы и на него посмотрели глазами доброго папочки и сделали бы дорогой подарок в день удочерения. И встrepенулись бы только тогда, когда Маша исчезла бы или погибла, а Степан оформил наследство на ее долю в бизнесе. Вот тогда, возможно, вы бы и заподозрили вашего адвоката в махинациях... Только неизвестно, были бы вы к тому времени живы, Сурен... Может, ваш роскошный «Мерседес» съехал бы под откос, как знать? Степан пока еще не поделился со следователем своими планами на ваш счет.

Сурен вскочил, открыл возмущенно рот, чтобы возразить, но вдруг махнул рукой и неуклюже рухнул обратно на стул.

– Дальше понятно, – поторопился закончить свою миссию Алексей. – Нину я проинструктировал, она была готова. Она попросила лимон и, пока Степан ходил на кухню, подменила коньяк в своей рюмке. В той, что Степан налил, содержалась высокая доза снотворного. Степан, даже если и знал, что Тамара глуховата, не мог рисковать и позволить себе возиться с бесчувственным телом: он рассчитал так, чтобы Нина сама дошла до кровати. И тогда он собирался добавить нужную дозу. Ну, а мы ему не дали этого сделать. Вот, собственно, и все.

Алексей встал и несколько холодно кивнул публике, давая понять, что откланивается.

Он не сразу понял, что случилось. А когда понял, то не поверил своим ушам: ему хлопали. Да-да, ему аплодировали!

Что ж, иногда под Новый год случаются хеппи-энды и для частных детективов...

Дарья Донцова

Настоящая рождественская сказка

Не хочешь себе зла, не делай людям добра. Лично мне эта поговорка кажется неправильной. Я всегда была уверена, что доброта притягивает к себе хорошее, светлое, а зло, наоборот, темное и липкое. Моя бабушка постоянно поучала маленькую внучку:

– Никогда не делай людям плохого, не злобствуй. Если кто-то тебя обидел, просто уйди, не имей больше дела с этим человеком. Если последуешь моему совету, годам к тридцати обзаведешься настоящими друзьями и поймешь, что злых и гадких людей на свете намного меньше, чем порядочных и добрых.

Я очень любила бабушку и верила ей. Хотя есть среди моих подруг Аня Викулова, в отношении которой народная мудрость права на все сто процентов.

Судьба свела нас в институте, мы оказались в одной группе, и Анька стала списывать у меня домашние задания по французскому языку. Сначала она мило просила:

– Даша, дай поглядеть, как сделала упражнение. Я не успела, в кино бегала.

Через три месяца Аня сменила тон:

– И где задания? Что ты так поздно приходишь? Осталось пять минут до звонка!

Накануне же летней сессии, когда я не успела написать сочинение на вечную тему «Моя комната», Анька налетела на меня коршуном:

– Безобразие! – орала она. – Теперь из-за тебя «неуд» получу!

Следовало возмутиться, но я по непонятной причине принялась оправдываться и лепетать:

– Не сердись, завтра принесу.

Дружба наша продолжалась и после получения диплома, но была она, как говорил мой первый муж Костик, «в одни ворота». Я сидела с Анькиной дочкой, бегала для нее за продуктами на рынок и прилежно выгуливала собак, которых Викулова просто обожает. Если же в ответ на очередную просьбу о помощи я пыталась сопротивляться, то Анька моментально заявляла:

– Мы же подруги, поэтому обязаны поддерживать друг друга в трудную минуту.

В конце концов я поняла, что превратилась в бесплатную домработницу для Аньки, и хотела уже взбунтоваться, но тут случилась перестройка. Сеня, муж Викуловой, из никому не известного инженера превратился в акулу бизнеса и феерически разбогател. Анька переехала в загородный дом, обзавелась горничными, массажистами, парикмахером, шофером и перестала пользоваться моими услугами. Впрочем, психотерапевта у нее нет, сия роль отведена мне. Викуловой ничего не стоит позвонить в три утра и заорать:

– Скорей приезжай, я умираю.

Первое время я терялась, потом поняла, что ничего страшного не происходит, просто Аньке в очередной раз приспичило пожаловаться на Сеню, рассказать, какой он стал невнимательный, злой, грубый. Слезы Аня проливает, сидя в своей шестидесятиметровой спальне на третьем этаже особняка, набитого антикварной мебелью. Носовой платочек у нее стоит, как новенькие «Жигули», а к вискам она прижимает пальцы, унизанные кольцами, продав которые можно накормить всех голодающих в Африке. Мне отчего-то совсем не жаль Викулову, но я выслушиваю ее стоны и пытаюсь вложить в голову подруги одну простую мысль: коли сидеть дома и ни хрена не делать, можно сойти с ума. Надо найти себе какую-нибудь работу.

Понимаете теперь, почему сегодня я, увидев в окошке определителя хорошо знакомый номер, не поторопилась снять трубку? В конце концов, я имею собственные планы и вовсе не обязана мчаться к Викуловой, у которой истерика – единственный способ прогнать скуку!

Но звонок настойчиво орал. В конце концов, вспомнив бабушку, я схватила трубку и мрачно сказала:

– Алло.

– Ой, Даша, – зачастила Катюша, дочь Ани, – у нас такая беда!

– Что случилось? – испугалась я.

В голове мигом завертелся вихрь не самых приятных мыслей. Небось Сеня, постоянно обманывающий государство при заполнении налоговой декларации, попал в лапы правосудия и отправлен в тюрьму, или у него инфаркт...

– Мусик пропал, – зарыдала Катюша.

Я испугалась еще больше. Мусик – это мопс, щенок моего Хуча, мой, так сказать, внук по собачьей линии. Совершенно очаровательное, умильное, толстое существо, закармливаемое свежей вырезкой и крабами. Несмотря на полную вседозволенность, разрешение спать у хозяйки на голове, развалившись на

подушке, заправленной в тысячедолларовую наволочку с ручной вышивкой, и нежные поцелуи хозяина, обнаружившего, что Муся изжевал новый пиджак из последней коллекции Армани, Мусик хороший пес. Он приветлив со всеми, очень любит детей, дружит с кошками, исправно использует в качестве туалета специально отведенный уголок в саду, умеет приносить тапочки и всегда пребывает в веселом настроении. А то, что Мусик со вкусом лопает печенье на бешено дорогом пледе из натурального меха, никак нельзя поставить ему в вину. Мопсу никто не объяснил, что ему это запрещено.

– Как пропал? – закричала я.

– Его нигде нет, – стонала Катя, – мама слегла, папа валокордин пьет. Приезжай скорей!

Я вскочила в машину и понеслась к Викуловым. На дворе была настоящая зима, до Рождества оставалось всего ничего. С неба крупными хлопьями падал снег. Вокруг большого ярко освещенного дома Ани и Сени стояли сугробы. Пейзаж напоминал сказку про госпожу Метелицу. Бедная девочка на небесах сейчас трясет перину, а землю засыпают белые хлопья.

Зареванная Катя сама распахнула дверь, за ней топтался растерянный Сеня в тренировочном костюме. В прихожей сильно пахло валокордином.

Я вошла и осмотрелась. У милого Мусика есть одна не слишком приятная привычка. Стоит кому-либо войти в холл, как мопс со всех лап несется вниз, причем то, что в дом проник посторонний с улицы, он чувствует всегда, даже лежа на третьем этаже, в кровати хозяйки, под пятью пуховыми одеялами. Обнаружив человека, Мусик принимается яростно лаять. Только не подумайте, что он хочет укусьить или обидеть вошедшего. Нет, Мусик выражает таким образом бешеную радость и подчас не может успокоиться добрых полчаса. Сеня зовет мопса подлым предателем. Когда Викулов возвращается домой поздно ночью, Аня к тому времени уже спит в своей комнате, и муж вовсе не собирается докладывать ей, в какую пору появился дома. Но Мусик моментально подскакивает и летит встречать Сеню. Естественно, Аня просыпается, смотрит на часы и устраивает загулявшему мужу разбор полетов. Правда, с некоторых пор Сеня нашел «противоядие». Дело в том, что Мусик бежит по лестницам молча, сопя от напряжения. Заливаться счастливым лаем он начинает, лишь увидав человека, поэтому Сеня, входя в дом, держит в руках кусок обожаемого мопсом сыра, граммов этак двести. Едва Мусик раскрывает пасть, как хозяин всовывает туда сырный кляп и утаскивает пса в баню. Там, слопав угощение, Мусик может орать сколько угодно, все звуки разбиваются о толстые стены и двери, лай не проникает даже на первый этаж. Сеня изобретателен, как большинство российских мужчин.

Но сейчас радостно лающий Мусик не кружился под ногами.

– Спокойно, – сказала я, – слезами горю не поможешь! Нужно обыскать весь дом. Думаю, Мусик куда-нибудь залез, а вылезти не удалось.

– Мусик сразу бы начал орать, – всхлипнула появившаяся в прихожей Аня.

– Вдруг голос подать не может, – решила не сдаваться я и сняла куртку. – В гардеробную ходили? А в топочную к котлам? Насколько я знаю, они сильно гудят, небось воеет там Мусик, а вы его и не слышите!

– Все осмотрели, – зарыдала Катюша.

– Значит, начнем поиски заново, – не унывала я.

– Верно, – влезла в наш разговор горничная Леся, – хоть бы трупик найти, чтобы похоронить нормально.

Услыхав ее слова, Катя завывала в голос, Аня в изнеможении рухнула на диван, а Сеня начал материться.

– Леся, – велела я, – ступай на кухню и займись делом, а вы прекратите рыдать и подключайтесь к поискам.

Четыре часа подряд мы лазили по огромному домину. Заглядывали в шкафы, шарили на полках, ползали по закоулкам. Обнаружили массу потерянных ранее вещей и нашли такие места, куда со дня строительства ни разу не шагнула нога человека, но Мусик словно сквозь землю провалился.

– Может, его украли? – растерянно пробормотал Сеня.

– Кто? – взвилась Аня.

– Ну, Ленка, – предположил муж, – твоя подруга взяла моду постоянно сюда шляться! Каждый день заявляется.

Я хотела было возразить, что Ленка Рябцева не любит животных, но тут Аня, уперев кулаки в бока, принялась орать на супруга:

– Моя подруга тебе не угодила! Ходит она сюда часто! А твоя маменька чего таскалась!

– Не смей тревожить память мамы! – взвился Семен.

И началось! Я стояла, вжав голову в плечи. Под потолком повисла брань, ни Анька, ни Сеня не стеснялись в выражениях. Если бы один из моих бывших мужей сказал мне хоть сотую часть того, что сейчас Семен выдал жене, я бы моментально ушла прочь, чтобы никогда не возвращаться. В конце концов

Семен завизжал так, что в буфете жалобно зазвенели рюмки.

– Дрянь! Хватит! Больше так жить не могу! Лучше отравиться! Или застрелиться.

На секунду мне стало страшно. Первый раз за долгие годы знакомства я увидела Сеню в таком состоянии. Губы у него тряслись, руки дрожали, щеки сделались фиолетовыми. Беспреданно рыдавшая Катя притихла, горничная Леся, до сих пор слушавшая скандал с разинутым ртом, ужом юркнула в кладовку, но Аня не испугалась.

– Опять роль репетируешь? – прищурилась она. – Совсем заигрался!

Сеня стал багровым. Секунду он молча смотрел на жену, потом со всей силы пнул ногой хлипкий диванчик на паучьих изогнутых ножках. Тот, издав жалобный треск, превратился в набор разнокалиберных деревяшек. Семен пошел вверх по лестнице, Аня фыркнула и убежала в гостиную.

– О какой роли говорила мама? – растерянно спросила я у Кати.

Та вдруг совершенно спокойно ответила:

– Папа взялся продюсировать фильм, боевик, многосерийный. Собрал нас в кабинете и заявил: «Всю жизнь мечтал актером стать, вот теперь представилась возможность!»

– Он в фильме кого-то играет? – Я стала потихоньку «въезжать» в ситуацию.

Катя кивнула:

– Ага. Только, видно, с талантом у папульки незадача вышла. Его герой в начале второй серии умирает, застреливается в кабинете! Так что роль невелика, но папенька нас уже до обморока довел! Только с работы явится, тут же требует: «Эй, ну-ка, слушайте! С какой интонацией лучше произносить данную фразу?» И давай шпарить текст! Мы быстро сломались. Одна Света энтузиазм не потеряла.

Я только покачала головой. Свету, родную сестру своей жены, Сеня нежно любит. Пару раз он пытался выдать ее замуж за своих приятелей. Но, увы, ничего у него не вышло. Сеня содержит сестру жены, о чем никогда не напоминает родным. В общем, отношения Сени и Светы нетипичны для дальних родственников.

Удивленная пропажей мопса, я попрощалась с Катей и пошла к машине, припаркованной с внешней стороны забора. Огромный участок Викуловых был завален снегом. Большие сугробы обрамляли дорожки, которые вели от дома к гаражу и калитке. Я медленно брела к автомобилю, вдыхая свежий, пахнущий антоновскими яблоками снег, утрамбованный, он поскрипывал под ногами, небо было усеяно огромными, ослепительно сияющими звездами. Последние годы в России в конце декабря моросят дожди, уж и не помню, когда у нас стояла такая истинно рождественская погода.

Внезапно накатило воспоминание. Вот я, восьмилетняя девочка, сижу за столом в огромной кухне нашей коммунальной квартиры. Часы показывают почти полночь, мне бы давно пора спать, но бабушка сегодня работает в ночную смену, внучку она, как всегда в таких случаях, оставила с соседкой, тетей Розой Мюллер. Роза Леопольдовна плохо говорит по-русски, она вдова немецкого антифашиста, сгинувшего в сталинских концлагерях. Фрау Мюллер была напугана арестом мужа и тем, что сама по непонятной причине осталась на свободе. На улицу Роза Леопольдовна практически не выходит, продукты ей приносит бабушка, а немка, в благодарность, приглядывает за мной и часто поет мне странные песни. «Ich weisse nicht, was soll es bedeuten, das ich so traurig bin...» Обычно тетя Роза трепетно соблюдает режим дня, но сегодня она оставила меня на кухне рисовать, а сама возится у плиты. Часы начинают медленно бить двенадцать раз. Роза Леопольдовна вдруг дрожащим голосом заводит никогда мною ранее не слышанный от нее напев: «Heilige Nacht...» Потом она ставит меня на подоконник и говорит:

– Видишь вон ту звезду? Это она указала путь волхвам. Сегодня Рождество, мое солнышко. Ты знаешь про малютку Христа?

– Нет, – качаю я головой.

Тетя Роза осторожно гладит меня по волосам, потом бормочет:

– О боже! Нет, все же они не правы. Как можно жить без Иисуса! Послушай, расскажу сейчас сказку, но ты, Дашенька, потом ее никому не передавай, пусть это будет наш секрет. Жил когда-то на свете плотник Иосиф...

– Значит, в Рождество всегда случается чудо? – спросила я, когда Роза Леопольдовна замолкла. – И подарки?

Фрау Мюллер кивает:

– Закрой глаза.

Я повинуюсь приказу.

– А теперь смотри, – произносит старушка через пару секунд.

На столе высится только что испеченный пирог, вернее, медовая коврижка, а рядом сидит невероятной красоты кукла с длинными блестящими волосами. Где тетя Роза, боящаяся выходить на улицу, раздобыла

игрушку, я в тот момент не задумалась.

– Солнышко мое, – улыбнулась немка, – запомни, на Рождество всегда случается чудо.

С тех пор прошло много лет, тети Розы давно нет на свете, впрочем, бабушки тоже. До последних дней пожилые женщины нежно дружили, а когда нам наконец-то дали отдельную квартиру, фрау Мюллер переехала жить туда. Как все люди, пережившие сталинские репрессии, и бабушка, и Роза боялись всего. Соседям по новому дому было сказано, что Роза – эстонка, оттого и говорит с сильным акцентом. Но я об этой истории расскажу как-нибудь в другой раз. Бабушка и Роза Леопольдовна похоронены в одной могиле, над ними высится памятник с надписью: «Здесь лежат Афанасия Васильева и Роза Мюллер. Они были подругами при жизни, они остались ими за чертой смерти». Много лет утекло после того вечера, когда я впервые услышала рассказ про малютку Христа, но с тех пор всегда в Рождество жду чуда.

Страхнув с себя воспоминания, я ускорила шаг. Мороз просунул холодные пальцы под мою куртку. Внезапно глаза наткнулись на кусочек чего-то желтого, лежащего на дорожке. Я нагнулась и подняла комочек. Сыр!

Если бы нечто подобное я обнаружила тут летом, не стала бы удивляться. В теплую погоду Аня любит устраивать пикники на свежем воздухе. Но сейчас зима. В такую погоду мало кто захочет устраивать пикник во дворе!

Я стала внимательно осматривать снег и нашла еще кусочек сыра, чуть поодаль, потом увидела новый желтый комочек. Неожиданно до меня дошло. Некто, хорошо знавший о любви Мусика к сыру, дал мопсу добрый ломоть лакомства, заткнул ему пасть в самом прямом смысле этого слова, а потом понес собаку по тропинке. Мусик пытался сжевать угощение прямо навесу, на снег падали крошки... Но кто и куда поволок домашнего любимца? Я стала оглядываться по сторонам и увидела на дороге небольшой деревянный домик, вернее вагончик.

В начале декабря в столице было совсем тепло, градусник показывал ноль, ничто не предвещало суровых морозов, и Сеня нанял бригаду рабочих, чтобы поставить новый забор.

Но не успели поставить для гастарбайтеров вагончик, как столбик термометра обвалился вниз, и Сеня отложил затею до весны.

Я кинулась к вагончику, распахнула незапертую дверь и вскрикнула. На голом полу, покрытом нестругаными, обледеневшими досками, молча лежало светло-бежевое тельце.

Ноги подкосились, я рухнула возле Мусика и через секунду поняла: мопс жив. Ушки его были холодными, животик и лапки тоже, слабое дыхание вырывалось из сырого носа. Я хотела схватить Мусика и увидела, что от его ошейника тянется длинная веревка, примотанная к железному штырю, торчащему из стены.

В обычной жизни я рассеянный человек, способна потерять ключи, зонтик, перчатки, документы. Еще я не умею быстро принять решение. Если вижу в магазине две подходящие пары туфель, начинаю метаться между ними, пока не упаду без чувств. Но в экстремальной ситуации откуда-то берутся хладнокровие, решительность и ясность мыслей.

Я мгновенно расстегнула ошейник, потом сняла с себя куртку, свитер, завернула в них безучастно обмякшее тело Мусика и понеслась к машине, чувствуя, как мороз дерет мои голые плечи.

Устроив мопса на сиденье, я включила на полную мощность подогрев кресла и, накручивая одной рукой руль, второй принялась нажимать на кнопки телефона. Сын моей ближайшей подруги ветеринар, владелец одной из лучших в Москве клиник для животных, а Мусику, если я сумею довести его живым, надо немедленно оказать помощь.

Когда умирающий пес был вручен бригаде врачей, я упала в кресло и попыталась собрать расплывающиеся, словно муравьи, мысли. Викуловым звонить и сообщать о находке Мусика я не стала. Вам мое поведение кажется странным? Вы бы мгновенно утешили людей, оплакивающих любимого мопса? Меня от звонка Ане удерживал простой вопрос: кто посадил Мусика в бытовку? Чьи руки сначала подманили веселого, никогда не видевшего от людей ничего плохого песика, а потом привязали его в ледяной будке? Наверное, Мусик плакал, пытался разорвать веревку, а потом смирился и решил умереть, покорились судьбе, маленький, несчастный пес, не понимающий, за что его так... А действительно, за что? И кто? В доме Викуловых посторонних людей практически не бывает. Тех, кто переступает порог шикарного особняка, можно пересчитать по пальцам. Здесь находятся лишь свои. И кто из них решил убить Мусика? Сеня? Аня? Катя? Горничная Леся? Света? Шофер Коля? Бред. Все они обожают мопса и нещадно балуют его, но, как ни тяжело это признавать, кто-то из своих безжалостно бросил собачку замерзнуть в таком месте, где его бы гарантированно не нашли до весны. Думаю, через неделю убийца бы зашел в вагон, снял с трупика ошейник, отвязал веревку от штыря и ушел. Дело потом можно было представить как несчастный

случай. Ну пошел Мусик пописать, толкнул из любопытства дверь бытовки, попал в вагончик, а наружу выйти не сумел. Створка-то раскрывается внутрь, из сараюшки ее мопсу никак не открыть.

Значит, сейчас я ничего никому сообщать не стану, вернусь домой, лягу спать, а утром попытаюсь сообразить, что делать дальше.

Но на следующее утро меня одолела мигрень. Тот, кто знаком с этой болячкой, пожалеет меня. Раскаленный железный прут вонзился в мозг, к горлу подступила тошнота, озноб колотил тело. Целых три дня я провалялась под одеялом, неспособная поднять даже веки, потом мигрень, как всегда внезапно, оставила меня в покое.

Первым делом я позвонила ветеринарам и узнала радостную весть: Мусик жив и здоров, похоже, приключение не отразилось на его настроении и аппетите. Он с охотой ест все, что ему дают, спует по служебным помещениям клиники и превратился во всеобщего любимца. Напомнив Денису, что он никому не должен рассказывать о местонахождении Мусика, я собралась выпить кофе, но тут зазвонил мобильный:

– Даша, – слышался совершенно убитый голос Кати, – срочно приезжай! Сегодня огласят папино завещание!

– Что? – заорала я. – Какое завещание?.. Чье завещание?..

– Папино... – тихо ответила Катя.

– С какой стати оглашать завещание Сени! Он, слава богу, жив-здоров!

– Ты что, Даша, папа же умер!

– Что? – заорала я. – Когда?

– Той же ночью, когда мы искали Мусика.

– Не может быть! Почему же я до сих пор ничего не знаю, – в растерянности забормотала я. – Впрочем, я три дня валялась в кровати, сотовый отключила, к домашнему телефону не подходила. – Сеню уже похоронили?

– Нам пока не отдали тело, – заплакала Катя. – Не знаю почему, милиция какие-то формальности соблюдает... Я тебя умоляю, срочно приезжай. У нас тут происходит нечто несусветное.

– Еду! – завопила я и бросилась во двор.

В доме Викуловых опять пахло валокордином.

– Входи, – кивнула Катя, – ступай в кабинет.

– Но... – забубнила я.

– Иди, иди, – велела Катя, – все уже там.

– Кто?

Дочь Сени не ответила на вопрос, она молча подтолкнула меня к лестнице. Я поднялась на второй этаж и огляделась.

В большой комнате вокруг овального стола сидели люди, большинство из которых я отлично знала. Аня, одетая в черное платье, ее сестра Света, тоже в трауре, горничная Леся и шофер Коля. Впрочем, была тут и незнакомая пара. Мужчина лет шестидесяти и девушка, похожая на студентку.

– Теперь все в сборе? – спросил мужчина.

– Да, – прошептала Света, – хотя мы ничего не понимаем...

– Начну сначала, – спокойно сказал незнакомец, – я, Андрей Валерьевич Ильин, адвокат. У меня хранится завещание Семена Сергеевича.

Аня подняла глаза, обведенные черными кругами.

– Сениного юриста зовут Иван Петрович Юдин.

– Верно, – кивнул Ильин, – но завещания-то у него нет.

– Нет, – эхом отозвалась Света, – он нам звонил и сказал, что не раз напоминал Сене о необходимости составить распоряжение на случай возможной кончины, но тот только смеялся... Ну кто бы мог подумать, что он так поступит!

В голосе Светы звучали слезы.

– Прекрати, – неожиданно сказала Катя.

– С какой стати ему такое в голову пришло, – причитала та, – застрелиться! Бросить нас!

Леся кинулась к двери, я побежала за ней.

– Погоди!

Горничная остановилась.

– В чем дело? Я хочу воды принести.

– Семен покончил с собой?

– Да. Вы не знали?

– Нет.

– Ужасно, – поехала Леся, – это произошло в ту ночь, когда Мусика бедного искали. Вы уехали, Катя спать пошла, а Семен Сергеевич с Анной Тимофеевной ругаться снова затеяли. Я от греха подалеже в своей комнате затаилась. Хозяева последнее время частенько ссорились, вот я и побоялась под горячую руку им попасть. Повизжали они, потом все стихло, а я заснула, чаю выпила и закемарилась, да так крепко! Меня Колька разбудил, шофер. Вошел и говорит: «Че с хозяином? Велел к девяти «мерс» подавать, я приехал, стою, жду, уж одиннадцать пробило, а Семен не выходит. Мобильный молчит, домашний тоже никто не берет, спальня заперта, может, он проспал?»

Встревоженная Леся пошла на второй этаж и постучалась к Сене. В ответ не раздалось ни звука. Тогда горничная поскреблась к хозяйке и обнаружила Аню спящей. Подумав, что хозяйка после скандала с мужем приняла снотворное, Леся толкнулась к Кате и удивилась, та тоже посапывала под одеялом.

Не решившись их будить, горничная стала стучать в дверь Семена, в конце концов перепуганный Коля плечом снес створку. Леся глянула в комнату и рухнула в обморок. Хозяин сидел в кресле, голова его была окровавлена, около безвольно опущенной руки валялся пистолет.

– Откуда он взял оружие? – прошептала я.

– В тумбочке держал, – пояснила Леся, – все честь по чести, купил в магазине, разрешение от милиции имел. Хотя и в охраняемом поселке живем, да лес кругом, мало ли что случиться может.

– С какой стати Сеня покончил жизнь самоубийством? – пробормотала я. – Он письмо оставил?

– Нет! – воскликнула Леся.

– Тогда отчего вы решили, что он сам застрелился?

Прислуга вытерла лицо рукавом.

– Так он запись сделал, кассета в магнитофоне стояла. Менты приехали, щелкнули клавишей, и сразу голос раздался. Меня-то в понятия взяли, вот я и услышала: «Жизнь моя стала ужасной. Сплошной скандал. Я очень устал. Больше не могу! Прощайте! Завещание слушайте все вместе. Оно покажется вам странным, но так вам и надо! Тащил всех в зубы, нет больше сил. На этом свете было только два существа, которые искренне любили меня. Моя собака, она уйдет со мной, и моя настоящая дочь»... Я ничего не поняла! – шмыгнула носом Леся. – Настоящая дочь. А собака! Семен Сергеевич, что, Мусика убил? Но он же его вместе с нами искал.

Я схватила Лесю за рукав.

– Ну-ка расскажи еще раз о том, как милиция осматривала кабинет Сени, включала магнитофон и так далее.

Леся покорно забубнила. Я выслушала ее и, стараясь не показать своей настороженности, велела:

– Пошли в кабинет, нас там ждут.

– А вода? – напомнила Леся.

– Хорошо, бери бутылку и поднимайся, – кивнула я.

Спустя полчаса мы узнали невероятное. Сеня составил чрезвычайно странное завещание. Документ он отдал на хранение неизвестному домочадцам Андрею Валерьевичу, мотивировав свой поступок просто: не доверяю никому, кроме Ильина. Если последняя воля будет известна семейному адвокату, то, скорей всего, и Аня, и Катя попытаются сделать так, чтобы правда о наследстве не выплыла за стены кабинета. А Иван Петрович Юдин, юрист, великолепно знавший женскую часть семьи Викуловых, поможет им спрятать концы в воду, слишком много лет его принимали в доме как своего человека, он стал почти родственником и ради благополучия Ани и Кати забудет о профессиональном долге вкупе с этикой и порядочностью. Впрочем, не стану вас больше томить неизвестностью, лучше послушайте, каким образом Сеня решил распорядиться своими средствами.

Огромная московская квартира, в которой до постройки загородного особняка жили Викуловы, доставалась Ане. Кате он отписал двухкомнатную квартиру, ранее принадлежавшую матери Сени. Света получила золотую антикварную шкатулку, довольно дорогую вещь. Остальное: гигантский особняк, гектар земли, акции, ценные бумаги, накопленный капитал, в общем, все-все, включая идиотски большой джип, на котором Сеня рассекал по Москве, доставалось... Нине Викуловой. Той самой девице, что сидела возле адвоката.

Услыхав новость, Аня разинула рот, Света ойкнула, а Катя растерянно спросила:

– Она кто? Мы ее впервые видим. Честно говоря, я решила, что девушка секретарь адвоката.

– Нина – ваша единокровная сестра, – пояснил Ильин, – вот, кстати, ее метрика.

Я уставилась на потрепанный зеленый листочек. Просто невероятно! Мать – Ангелина Федоровна Приходько. Отец Семен Сергеевич Викулов.

Аня и Катя, бледные, словно обезжиренный кефир, смотрели на непонятно откуда взявшуюся родственницу.

– Уж простите, – пожалала плечами та, – я сама удивилась, когда мне Андрей Валерьевич позвонил. Мама всегда говорила, что мой отец умер, и вдруг такой зигзаг. Даже перед смертью мать не открыла мне правды.

– Ангелина Приходько, Ангелина, – тупо стала повторять Света, – откуда мне это имя знакомо? Вспомнила! Это же домработница Аня!

– Верно, – прошептала моя подруга, – мы звали ее Ашкой. Вороватая особа! Выгнали ее за мухлеж со счетами. Только дело-то давно было.

– Похоже, эта особа не только деньги стырила, – сердито заявила Света, – она еще и Семена увести хотела.

– Поосторожней с выражениями, – нахмурилась Нина.

– Но с какой стати, – залепетала Катя, – мы ничего об этой дочери не знали, она, насколько я понимаю, о своем отце тоже.

Андрей Валерьевич кивнул:

– Семен Сергеевич объяснил мне ситуацию. Он в последнее время столкнулся с крайней неблагодарностью своих домашних. И жена, и дочь были с ним грубы, в доме постоянно разражались скандалы.

– Мы ссорились, – растерянно ответила Аня, – это верно, но в семье всякое случается.

– Я папе не хамила, – покачала головой Катя. – С мамой он ругался, но со мной нет.

Андрей Валерьевич прищурился.

– Не хочется вас упрекать, но Семена Сергеевича многое обижало, например, то, что он, возвращаясь домой, обнаруживал вас спящими.

– Но папа частенько приезжал после полуночи! – воскликнула Катя.

– Еще вы отказались поехать с ним в Турцию!

– Мне врач запретил бывать на солнце! – отозвалась Аня. – Сеня знал об этом.

– С его письменного стола вечно пропадали ручки, – заявил адвокат.

– Господи, – закричала Катя, – верно! Я брала у папы из стакана копейное шариковое барахло! Неужели из-за этого?

– Еще хозяйка постоянно забывала покупать лимоны, – методично перечислял претензии Ильин. – Сами вы не любите цитрусовые, Семену Сергеевичу хотелось кислого.

– Бред, – шептала Аня.

– Может, и так, – согласился Андрей Валерьевич, – только капля камень точит. Капало, капало и перелилось через край. Знаете, что он мне сказал, подписывая завещание? «Надоели они мне, кровопийцы, уж присмотрите, чтобы Ниночку не обидели. Виноват я перед ней, искупить вину хочу».

Аня закрыла глаза рукой.

Андрей Валерьевич глянул на меня.

– Вы Дарья Васильева?

Я кивнула.

– Верно.

– Вам Семен Сергеевич оставил картину, ту самую, что висит в холле, три мопса, играющие в карты.

Я притихла, оценивая положение.

Сеня обожал мопсов, впрочем, я тоже люблю этих собак, в нашем доме проживает отец Мусика, Хуч. Несколько лет назад я стала собирать мопсов, надеюсь, понимаете, что не настоящих? Сначала коллекцию составляли фигурки, сделанные из различных материалов: фарфора, глины, железа, дерева. Затем появились подушки с соответствующей вышивкой, полотенца, пледы, украшенные изображениями собачьих морд. Венец всему – занавески в моей спальне, на них по зеленому фону раскиданы в живописном беспорядке картинки с весело улыбающимися мопсами. На то и коллекционер, чтобы окончательно потерять чувство меры.

Сеня тоже пал жертвой собирательства. Изредка мы сравнивали с ним «экспозиции», и я скрипела зубами от зависти. Ладно, у меня занавески, но у него-то есть кресло, на обивке которого вышиты мопсы! Пусть моя кровать завалена думками, сделанными в виде собачек, но у Сени есть чайник в форме сидящего мопса. А когда он невесть где раздобыл огромную картину, на которой масляными красками, в духе старых голландцев, были изображены собаки моей любимой породы, режущиеся в бридж, я потеряла покой. Чего только не делала, чтобы заполучить это полотно! Предлагала Сене обмен, просила продать мне картину, но приятель лишь усмехался и говорил:

– Я ее сам обожаю.

И вот теперь вождеденная вещь достается госпоже Васильевой.

– Это как же понимать, – внезапно вырвалось у меня, – значит, вы, Андрей Валерьевич, были в курсе того, что Сеня собрался застрелиться? И не предупредили его жену? Не вызвали бригаду психологов? Позволили своему клиенту, у которого от усталости помутился разум, подписать завещание и уйти? Отправили его на смерть?

Ильин удивленно вскинул брови:

– С чего вам в голову пришла подобная мысль? Семен Сергеевич казался совершенно адекватным.

– Не прикидывайтесь! – обозлилась я. – А то вы не понимаете! Человек явился подписать завещание! С какой стати! Семен ничем не болел, возраст его еще не преклонный!

Андрей Валерьевич нахмурился.

– Видите ли, любезнейшая, – завел он, – многие люди, обладающие трезвым умом, составляют завещания. Все под богом ходим, разное случиться может. Нить, удерживающая человека на белом свете, настолько тонка... Разве вы не понимаете, что оборвать ее ничего не стоит. Сегодня жив, завтра нет! Пошел за хлебом и попал под машину. Сел в метро, а рядом взорвалась бомба, да и кирпич на голову свалиться может. Вот у меня недавно случай был! Женщина возвращалась домой, шла вдоль здания, на нее сверху свалилась кастрюля с супом. И никто не виноват. Кошка по подоконнику гуляла и котелок скинула. Осудить некого, не сажать же киску в СИЗО? Ну и что получилось? Хозяйка в могиле, семья грызется из-за наследства. Дети от первого брака дерутся с сыном от второго, муж не желает оставлять квартиру дочери... Мрак! А составь она завещание? Ей-богу, никаких проблем не было бы. Умные люди поступают, как Семен Сергеевич. Остальные рассуждают немудро: что со мной случиться может? Ну, умру, так ведь мои дети друг друга любят! Знали бы граждане, какое количество родственников близких из-за рубля поубивали, так мигом бы в нотариальные конторы понеслись. В момент подписания завещания Семен Сергеевич был абсолютно нормален. Причины, по которым он решил отписать имущество незаконнорожденной дочери, я вам назвал. Хотя никакого значения они не имеют. Гражданин волен распорядиться своим имуществом как пожелает.

– Какая-то глупость, – прошептала Света.

– Вам происходившее казалось ерундой, – вздохнул адвокат, – а господин Викулов считал иначе! Впрочем, можете подать в суд.

– Нет, – покачала головой Света, – Сеня так решил, с какой стати нам оспаривать его волю? Значит, он нас не любил... Когда прикажете дом покидать? Сразу-то Ане не собратся! Вещей полно! Одна библиотека несколько тысяч томов.

– Посмею напомнить, что Нина Семеновна получает здание со всем содержимым, – скривился Ильин, – посуда, мебель, книги, картины, электроприборы, кастрюли...

Света вскочила и закричала:

– Какая гадость! Раз так, я моментально увожу сестру! Ей разрешено прихватить свои трусы? Или эта дрянь их станет донашивать? Впрочем, бросим все, Аня, Катя, вы уходите голыми, вот так, в чем стоите. Давайте в машину!

– Никто не велит вам уезжать немедленно, – начал было Андрей Валерьевич, но тут его перебила Аня.

– С какой стати ты, Света, решаешь за меня? – зло спросила она. – Я не собираюсь двигаться с места. Завещание пока не вступило в законную силу, надеюсь, и не вступит! Я подам в суд! Найму лучших адвокатов.

– Ваше право, – пожал плечами Ильин, – но хочу предупредить, шансов на успех практически нет.

– Еще посмотрим, кто кого, – решительно заявила Аня.

Я во все глаза смотрела на подругу. Ну и ну! Мямля и плакса Анька, вечно жалующаяся и ноющая эгоистка, неспособная даже щелкнуть самостоятельно выключателем, решила бороться за свое финансовое благополучие?

– Аня! – в невероятном изумлении воскликнула Света. – Вот уж не ожидала от тебя! Не смей унижаться! Поехали ко мне. Не пропадем с голоду!

– О каком унижении ты толкуешь? – спокойно спросила Аня.

Света бросилась к сестре.

– Милая! Семен последнее время едва скрывал раздражение при виде тебя. Скандалы у вас разгорались по любому поводу! Если он так решил распорядиться своими деньгами, тебе лучше уйти. Начнется суд, набегут газетчики. Вся Москва узнает об этом. Да от одной Ленки Рябцевой можно с ума сойти! Начнет звонить и фальшиво сочувствовать!

– Наплевать, – решительно заявила Аня, – не желаю куковать нищей! С какой стати эта начнет пользоваться моими средствами?

– Капитал заработал Семен Сергеевич, – напомнил Ильин.

– А кто ему помог? – возмутилась Аня. – А? Между прочим я вела дом! И все у нас хорошо было, пока Сеня фильм снимать не начал!

В моей голове мигом что-то щелкнуло, разрозненные кусочки головоломки начали складываться в целую картину. Кино... самоубийство... Нет! Семена убили! Теперь я знаю это точно! Однако странно, что милиция, осматривавшая место происшествия, сразу не увидела очевидных вещей...

– Аня, – умоляла Света, – собирайся! Ты же всегда говорила, что любишь Сеню! Так уважай его последнюю волю, и потом, может, Нина тебе пенсию назначит!

– С какой стати? – возмутилась счастливая наследница.

– С какой стати? – повторила Аня, поворачиваясь к Ильину. – А ну, говори, кому в первую очередь принадлежат деньги, если муж внезапно умирает?

– Если не составлено иное распоряжение, то в первую очередь жене и детям, – спокойно возвестил адвокат.

– Вот, – с торжеством заявила Аня, – совершенно верно! Мне то же самое говорили.

Света ойкнула и прижала руки к лицу, Катя побледнела.

– Мама, – тихо протянула она, – что ты имеешь в виду?

Глаза Ани забегали из стороны в сторону.

– Ну... так... ничего... Я консультировалась у специалиста, спрашивала, что случится, если Сеня вдруг умрет. Просто так вопрос задала, из любопытства.

– Интересно, – буркнул Ильин, – шокирующие детали начинают выясняться.

Я закашлялась и пошла прочь из кабинета. В коридоре никого не было. Я вытащила из кармана мобильный и набрала номер Дегтярева – моего ближайшего друга и полковника милиции. Обычно до Александра бывает трудно дозвониться, но сейчас он сразу схватил трубку.

– Да!

– Привет.

– Чего надо? – рявкнул полковник.

– Ты занят?

– Нет!

– Можешь приехать к Ане домой? У нее творится нечто, на мой взгляд, ужасное, – заявила я, готовясь к нудной беседе.

Дегтярев очень не любит, когда кто-нибудь нарушает его планы. Сейчас он примется сыпать вопросами. Что случилось? Нельзя ли разобраться без него? За какие грехи господь послал ему постоянно действующее несчастье по имени Даша Васильева? Но Александр Михайлович вновь удивил меня, второй раз за полторы минуты. Сначала он мгновенно схватил трубку, а теперь коротко рявкнул:

– Уже еду! Жди.

В состоянии глубочайшего изумления я вернулась в кабинет Семена и поняла, что страсти за время моего отсутствия накалились до предела.

Аня, красная, потная, стояла у окна. Света, белая до синевы, ломала руки. Катя рыдала, свернувшись клубочком в кресле. Горничная Леся и шофер Коля дрожали, словно щенки, забытые нерадивым хозяином под дождем. Андрей Валерьевич кусал губы, одна Нина спокойно сидела, откинувшись на спинку кресла, и весьма равнодушно обводила взором присутствующих.

– Аня, – взмолилась Света, – ради памяти покойной мамы, умоляю, поехали отсюда.

– Нет, – твердо ответила сестра, – я подам в суд!

– Остановись! Наплрой на деньги!

– Нет!

– Аня, – в полном отчаянии выкрикнула Света, – поостерегись! Помни, они знают то же, что и я.

– Да, – кивнул Ильин, – погляди на это!

– Что? – заорала Аня.

И тут Света, зарыдав, достала из кармана кольцо с довольно крупным бриллиантом и бросила его на стол. Перстенок попал прямо внутрь большой хрустальной пепельницы.

– Узнаешь? – спросила Света.

– Да, – растерянно ответила Аня, – мой перстень. Потеряла его пару дней назад. Спасибо, что ты его нашла.

– Спроси: «Где?» – прошептала Света.

– Где? – машинально повторила Аня.

Света села на диван.

– Когда Леся подняла вопль, я первая вбежала в комнату к Семену и сразу поняла: помочь ему невозможно, он умер. Сама не пойму, почему не потеряла голову и не пустила вас внутрь, заперла дверь снаружи и вызвала милицию.

– Ментам звонил я, – ожил шофер Николай, – и дверь тоже сам запираю.

– Да какая разница! – взвилась Света. – Перед тем как вызвать милицию, я обратила внимание на один момент. Левая рука Сени была сжата в кулак. Тело еще не заоченело, я сумела разогнуть пальцы, и увидела твое кольцо. Сразу поняла, в чем дело! Вы с Сеней лаялись последнее время, как собаки, он тебя попросту достал, вот ты и решила избавиться от него!

– Вот страсть-то, – закивала Нина, – почему просто не развелась?

– Тогда ей деньги бы не достались, – пояснила Света, – она же не знала, что есть внебрачная дочь и завещание. Я кольцо спрятала, милиция объявила произошедшее самоубийством. Но, похоже, Ильин пронюхал...

– Вот именно, – кивнул Андрей Валерьевич.

У меня закружилась голова. Аня убийца Сени? Сотни женщин ругаются с мужьями. Но одно дело орать на супруга, другое – выстрелить в него!

– Аня, – молила тем временем Света, – пойми, ты проиграла! Давай скорей уедем. Пусть они получают капитал, дом и станут молчать, ведь так?

– Как рыбы, – усмехнулся Андрей Валерьевич. – А если в суд подадите и станете завещание оспаривать... Ну, тогда сидеть вам на зоне в бараке.

– Нет! – закричала Света. – Не позволю! Хотите, забирайте и доставшуюся Ане квартиру! Только пусть моя сестра будет на свободе!

– Мать Божья, – принялась мелко креститься Леся.

Катя затихла в кресле, похоже, она не вынесла переживаний и лишилась чувств. Аня вцепилась пальцами в подлокотник.

– Нет, неправда... Света! Ты сошла с ума.

Света бросилась к сестре.

– Пошли, надо спасаться! Любой следователь тут же докажет твою причастность.

Я растерянно посмотрела на дверь. Ну где же Дегтярев! Мне одной с преступником не справиться! Аня сделала шаг вперед. Света ухватила ее в охапку, на лице Ильина появилось плохо скрытое выражение ликования. Я, решив вмешаться в ситуацию, набрала побольше воздуха в легкие, но тут дверь распахнулась, на пороге возник Александр и заорал:

– Милиция. Всем оставаться на своих местах.

Присутствующие окаменели. Я же, обрадованная до невозможности, подскочила к сестрам, уцепила Свету за кофту и заверещала:

– Скорей арестуй ее! Это она убила Сеню!

Андрей Валерьевич и Нина, разом, словно партнеры, исполняющие бальный танец, ринулись к другой двери, ведущей в спальню к Семену. Но она сама распахнулась им навстречу, и на пороге возникли крепкие мужские фигуры.

– Финита ля комедия! – довольно провозгласил Дегтярев. – Прошу проследовать в машину. Особых удобств не обещаю, но к месту предварительного заключения вас домчат быстро.

Я воззрилась на приятеля, надо же! Он, оказывается, знает какие-то фразы на иностранном языке. Ей-богу, это меня удивило больше, чем все происходящее.

За час до наступления Рождества мы опять сидели у Ани в гостиной. Правда, Света отсутствовала, она встретит праздник в тюрьме.

– С какой стати Света придумала это ужасное преступление? – спросила Катя.

Дегтярев вздохнул:

– Она всю жизнь завидовала сестре. Своей семьи у нее нет, личное счастье не сложилось, да и денег особых не имелось.

– Папа ее содержал, – напомнила Катя.

– Правильно, – кивнул полковник, – но Свете хотелось большего, потом она встретила парочку аферистов: Андрея и Нину Ильиных. Папа с дочкой занимались мерзкими делишками и, как ни странно, ни разу не попались в поле зрения милиции. Андрей понял, что при помощи Светы может получить немалый капитал. Влюбить ее в себя ему не составило никакого труда. Ну, а дальнейшее вы знаете. Метрика поддельная, завещание тоже, рассказ о внебрачной дочери – ложь.

– Значит, он не адвокат? – уточнила я.

– Почему? – удивился Дегтярев. – Юрист по образованию, это же не мешает заниматься мошенничеством, наоборот. Света должна была убедить Аню немедленно уехать, оставив имущество негодяям. Кстати, Света уверяла любовника, что Анна человек аморфный, ленивый, нецепкий... Она растеряется и не станет сражаться, удовольствуется квартирой. Ильин потом хотел продать полученное незаконным путем наследство и уехать за границу. Свете он пообещал жениться на ней. Только, думается, она бы не дождалась марша Мендельсона. Ильин очень хитер. Он подготовил и запасной вариант: запугать Аню ее якобы найденным в кулаке трупа кольцом.

– Его там не было? – подскочила Леся.

– Нет, конечно, хотя, подчеркну, это был крайний вариант. Мерзавцы рассчитывали, что Аня, как и все, поверит в самоубийство мужа.

– Но откуда взялось предсмертное звуковое послание Семена Сергеевича? – спросила Леся.

– Знаю! – воскликнула я. – Сеня репетировал роль, хотел безупречно сыграть ее, проговаривая слова перед микрофоном, потом слушал, меняя интонацию.

Полковник кивнул:

– Точно! Идея с фальшивой дочерью и самоубийством пришла Андрею в голову, когда Света пожаловалась ему на Сеню, который замучил всех репетициями. Ильин попросил принести ему одну из кассет и написал «сценарий». Скажи, Даша, когда ты поняла, что это убийство?

Я улыбнулась:

– А сразу после разговора с Лесей. Она сказала, что была понятой. Милиционеры посадили ее в кабинете, нажали на кнопку, и из магнитофона полилась предсмертная речь Сени. Но человек, сделавший запись, покончил с собой, вряд ли он стал бы перематывать кассету назад. Нет, если рассуждать логично, то, договорив до конца, Семен должен был выстрелить в себя. Но тогда, после того как оперативники включили магнитофон, из него ничего бы не прозвучало. Вопрос: кто перемотал кассету на начало? Зачем, а? Дальше, кто сообщил адвокату Ильину о смерти Сени? Ведь о его существовании в семье не знали. И третье. Светка кричала, что нашла кольцо и никому об этом не обмолвилась, и тут же заявила, тыча пальцем в юриста: «Он, похоже, все знает». Так откуда? Если Света обнаружила перстень в одиночестве, а потом молчала, кто рассказал Ильину о кольце? Он совсем не удивился, услышав вопль Светы, было похоже, что адвокат полностью в курсе дела! Лично мне странно, почему профессионалы, проводившие осмотр места происшествия, не увидели нестыковки в истории с магнитофоном. И потом, прости, Дегтярев, ну что за уроды у вас работают экспертами. Даже я знаю о наличии методик, позволяющих с почти стопроцентной точностью сказать: убил себя человек сам или его кто-то застрелил? Положение трупа, местонахождение выпавшего из руки пистолета... Уж не буду тут перечислять все детали.

– Слишком ты умная, – прищурился полковник, – а мы, менты, тупые, лишь бы от дела избавиться. Да? Списать на самоубийство, чтобы ничего не расследовать...

– Замолчите, – прошептала Аня, – хватит, сил нет вас слушать! Хоть меня пожалейте! Сеню не вернуть.

– И Мусика, – шепнула Катя.

Мы с Дегтяревым переглянулись.

– Сегодня Рождество, – торжественно заявил полковник. – А в эту ночь случается все! Исполняются самые невероятные желания.

Аня вскочила на ноги.

– Вот уж не думала, что вы настолько жестоки! Считала вас своими лучшими друзьями.

– Мамочка, – бросилась было к ней Катя, но тут из коридора донесся задорный лай.

Анечка и Катюша замерли.

– Это кто? – хором прошептали они.

– Ага! – завопил Дегтярев и толкнул дверь, сделанную из цельного массива дуба. – Встречайте! Настоящая рождественская сказка!

Створка распахнулась, в проеме появилась знакомая фигура. На руках у мужчины восседал визжащий от счастья Мусик.

– Папа, – всхлипнула Катя, рушась на пол.

– Сеня! – еле выдавила из себя Аня, медленно оседая возле дочери.

– Не может быть! – закричала я. – Дегтярев! Там же должен был быть один Мусик! Мы же привезли его вместе. Сеня-то откуда взялся! И живой!

Спустя некоторое время все пришли в себя и бросились целоваться.

– Но... как... ничего не понимаю, – бормотала Аня, – жив, жив, жив.

– Живее некуда, – кивнул Сеня. – Света и Ильин решили нанять киллера, кто-то же должен был выстрелить мне в голову. Сами они боялись. Лучшей кандидатурой на роль убийцы им показался шофер

Николай. Знали, что парень мечтает о квартире, и думали соблазнить его деньгами. Коля подыграл мерзавцам, затребовал крупную сумму, а сам рассказал все мне. Я мгновенно соединился с Дегтяревым, и мы решили разыграть спектакль. В курсе дела были, естественно, сотрудники милиции, увозившие «труп». Кстати, самым трудным для меня оказалось не шевелиться, когда Леся обнаружила «труп». Коля дал ей полюбоваться пару мгновений на «самоубийцу», запер дверь и никого не впускал внутрь до приезда сотрудников МВД. Потом меня упаковали в мешок и унесли, а Света, Ильин и Нина принялись действовать.

– Ты ничего не сказал мне! – возмутилась Аня.

Сеня хмыкнул:

– Нам нужно было изобличить преступников. Скажи я, что Света замыслила меня убить, какую реакцию увидел бы от тебя?

Аня прикусила нижнюю губу.

– А Мусик! – воскликнула Леся. – Он-то тут при чем?

Сеня почесал лысую макушку.

– Понимаете, Николаю следовало ночью, тайком, войти в дом и «убить» меня. Чтобы домашние не помешали, Света должна была подсыпать всем в чай снотворное, но Мусик-то слышал шаги сквозь любой сон. Света боялась, что мопс учует его, бросится встречать и начнет лаять... Не дай бог кто-нибудь из домашних проснется, несмотря на снотворное, и затея провалится. Поэтому она решила заранее избавиться от Мусика. Света, приезжавшая к сестре как к себе домой, имела ключи от особняка. Ранним утром, хорошо зная, что все в доме еще спят, она осторожно открыла дверь, быстро сунула Мусику кусок сыра и отволокла мопса в бытовку. Несмотря на то что Света задумала преступление, убить собаку она не смогла. Поэтому решила «пожалеть» пса и заперла его в вагончике, пусть уж сам тихо умрет от холода. Потом мерзавка уехала. Вечером, как ни в чем не бывало, заявила к нам в дом. А когда все заснули, выпустила Колю.

– И охрана поселка не заметила, что Света рано утром приезжала? – удивилась я.

Семен вздохнул:

– Она свою машину в лесу оставила. А сама пролезла в дырку между прутьями забора. Ей казалось, что преступление очень хорошо продумано, учтены все мелкие детали. Ну, допустим, Даше по завещанию отходила картина. Это было сделано для того, чтобы она не усомнилась в его подлинности. Я же видел, как ей хотелось заполучить полотно с собаками, играющими в бридж. И решил якобы оставить его Дарье, которая тоже коллекционирует мопсов.

– Вот дрянь! – вырвалось у меня.

– Я удивился, что пес не лает, – внезапно сказал молчавший до сих пор водитель, – но потом подумал, что она его в бане заперла. В голову не пришла мысль про ледяной вагончик. Ну почему Света собаку извести решила?

В комнате повисло молчание. Потом Сеня тихо сказал:

– Она ненавидела нас до такой степени, что готова была на все.

– Но почему? – тихо спросила Катя. – Что мы Свете плохого сделали? Жила за наш счет, пила, ела, одевалась, отдыхать ездила...

– Не хочешь себе зла, не делай людям добра, – отчеканил Сеня.

Я хотела было сказать, что не одобряю это высказывание, что моя бабушка... Но вовремя прикусила язык. Увы, встречаются люди, которые начинают ненавидеть вас за поддержку и помощь.

Часы начали бить двенадцать раз.

– Рождество, – закричала Аня, – ура! Пусть у всех сбываются желания, пусть вокруг царит мир, пусть родственники любят друг друга, пусть у нас будет много хороших друзей, способных прийти на помощь в горе и порадоваться вместе нашему счастью!

– Отличный тост! – воскликнул Сеня.

Катя бросилась к отцу. Леся поглаживала Мусика.

– Милый мой, – бубнила она, скармливая мопсу строго-настроено запрещенные, но столь обожаемые собакой пирожные, – ешь, бедняга. Настродался, котик!

– Коля, иди сюда, – позвал Сеня, – чего один тоскуешь? Да знаю я, что у вас с Катей любовь, только меня боитесь. Я не против вовсе. Живите вместе!

Катя вспыхнула, Коля закашлялся. Я взвизгнула. Да уж! Все счастливы, настоящая рождественская сказка. Кое-кто может не поверить в такой поворот событий, но я твердо знаю: неправдоподобное случается в жизни чаще, чем в сказках.

Анна и Сергей Литвиновы

Волны мести

– Купи свинины. Тридцать килограммов. Парной. Нужна очень быстро. Действуй.

Ну и задачка: под самый-то Новый год. В магазинах сейчас полный дурдом – даже в самых навороченных супермаркетах толпы народа, и продавцы хмят вполне в духе сельпо. Утром Лесю уже грозились уволить – из-за того, что ей хлеба с отрубями купить не удалось, с обычным ржаным вернулась. А уж мясо – тем более парное, да под вечер, она точно нигде не найдет.

Так что только и оставалось сесть в машину и попросить шофера:

– На водохранилище меня отвези.

Водитель, чудик Владик, – как и она сама, не москвич, поэтому сочувствовать пока не разучился, – спросил тревожно:

– К проруби, что ли, послали? Рыбу ловить?!

– В прорубь, – кивнула Леся. – Только не ловить. Сама утопиться хочу. От такой-то жизни...

Впрочем, Лесю сразу предупредили: на легкую жизнь в особняке Кремневых можно не рассчитывать.

– Хоть и обидно, деточка, а примиришься сразу, – сказала ей тогда пожилая менеджерша из агентства по трудоустройству. – Твои амбиции, знания и планы на жизнь там никого интересовать не будут. В университет собираешься? А потом – свою фирму открыть?! Забудь, ласточка. Держи свои мечты при себе, а лучше вообще их из головы выброси... И на работе помни одно: они – баре. Ты – прислуга. И задача твоя – выполнять буржуйские прихоти. Четко, полно и по первому свистку. А не то – мигом вышвырнут.

М-да уж, тухловатая перспективка. Но иных вариантов у нее не было.

Леся тогда только что провалилась в университет. Что грустно, студбилет престижного вуза был совсем рядом, почти подмигивал – единственного балла не хватило. Когда пошла на апелляцию, ее даже не поняли:

– А что вы, девушка, так переживаете? К нам обычно с двойками приходят. А у вас две четверки, пятерка и тройка. Вполне достойный результат. Спокойно поступаете на контрактной основе, а после первого курса, бог даст, и на бесплатное переведетесь.

И поди объясни бесппроблемным московским профессорам, что контрактное отделение (целых пять тысяч долларов за год!) – это только для всяких столичных штучек с богатыми предками не проблема. А для нее, как и для мамы, терапевта из городской поликлиники славного города Томска, такая сумма абсолютно неподъемна. Мамочка, правда, предложила поменять их «хрущобу» – двушку на комнату в коммуналке с доплатой, – чтоб только дочка в милом сердцу универе училась, но Леся отказалась. Категорически.

– Ерунда, мам. Не суетись. Ничего страшного не случилось. Прокантуюсь годик в Москве, похожу на курсы, денжат подкоплю. Ну а следующим летом опять поступать буду. И клянусь тебе: в этот раз все получится.

Хвала мамуле: причитать, что дочка одна в чужом городе, она не стала. И обижать Лесю подозрениями, что та в столице на панель отправится (из их класса девчонок пять по такому пути пошли), – тоже. Об одном попросила:

– Ты только постарайся хорошую работу себе найти. Чтоб сильно не нервничать, а еще – чтобы жилье и стол предоставляли. Сама ведь знаешь: с твоим гастритом сухомытничать нельзя. И высыпаться обязательно нужно.

Леся от такого совета, признаться, про себя хмыкнула. Можно подумать, в жесткой столице подобных тепленьких мест – сто штук на выбор. Вообще-то ей пока только на рынке стоять предлагали – по двенадцать часов в день торговать китайскими шмотками. Ну, или в юридической консультации курьером, – за двести долларов, при том, что только за чахлую общагу по сотне в месяц нужно отстегивать.

Поневоле задумаешься: может, правда в девицы по вызову податься? Тем более оказалось: за подготовительные курсы при универе тоже платить надо – и очень немало... Но уж больно картина сюрная (это от слова сюрреализм – Леся подслушала, так в любимом универе студенты выражаются) получалась: она, в пеньюаре и вульгарном черном белье, в перерыве между клиентами сидит на кровати-сексодроме и повторяет спряжения английских глаголов...

Поэтому, когда вдруг свалилось место младшей горничной – и не где-нибудь, а в особняке крупного бизнесмена Кремнева (полный пансион, семьсот долларов в месяц, один выходной в неделю), – Леся едва рок-н-ролл не станцевала. Прямо перед столом менеджерши по трудоустройству.

Впрочем, от плясок удалось удержаться, но радостных ноток в голосе (а также провинциальной – как

насмехались абитуриентки-москвички – глупой восторженности) Леся скрыть не смогла. Пылко откликнулась:

– Йес, то есть да! Конечно, я согласна!

– Что ж... – задумчиво протянула тетенька, которая восторга соискательницы явно не разделяла. – Возможно, вы, Леся, и правы...

Почему-то вздохнула и протянула девушке солидную пачку анкет и опросников. А потом стала объяснять специфику работы.

Смысл долгой речи оказался таким: она, Леся, идет в барский дом «прислужой за все». Или другая формулировка – «девицей на побегушках». Ну и совсем грубо: «Последней шестеркой». И начальником ей будет далеко не сам бизнесмен Кремнев и даже не его супруга, а некая Таисия Андреевна. Старшая экономка особняка и, как следовало из осторожных намеков сотрудницы агентства, натуральная церберша.

– Женщина она, скажем так, не без странностей, – рассказывала Лесе менеджер. – Я ее хорошо знаю: уже третью помощницу за год ей отправляю... Таисия эта – очень сухая, очень требовательная. Лени, панибратства, беспомощности категорически не приемлет. Сама работает сутками, – и от тебя того же требовать будет. И еще – только, Леся, строго между нами – с внешностью у Таисии Андреевны, мягко сказать, не очень... Поэтому красоток она на дух не выносит. Вы, к счастью (Леся насупилась), на фотомодель не тянете. Но все равно: будьте осторожны. Никакой косметики, волосы – под косынку, юбку – ниже колена. Все понятно?

«Понятно. Глаза долу, ни пикнуть, пахать без продыху и выглядеть крокодилком», – быстро пронеслось у Леси в мыслях. Но вслух она благоразумно сказала:

– А что, по-моему, все нормально. Я ведь пока не доросла условия диктовать...

И полетели будни.

Первые дни Лесе, правда, показались лучше самых суперских праздников. Такой шок был, когда в кремневский особняк первый раз попала! Все думала: сон ей снится... Раньше-то, когда фильмы по телевизору смотрела, не сомневалась: подобная роскошь, с фонтанами, мрамором, фресками, хрусталем, блестящим золотом паркетом, только в Голливуде бывает. И то достигается путем сложных комбинированных съемок. Кто подумать мог, что ближее Подмосковье американской фабрике грез сто очков вперед даст.

Три этажа и сорок семь венецианских окон в золоченых оправах. Восемь ванных комнат и бассейн (не очень большой, всего двадцать метров, зато с минеральной водой, которая из самого Израиля поставлялась). А чего стояли газоны и клумбы с такими экзотическими растениями, что сразу стало жалко, что она не на биологический факультет готовится! Вольер, где разгуливали надменные павлины! Гараж на семь, одна другой краше, автомашин!..

Да и хозяин, Владимир Борисович Кремнев, оказался, против ожиданий, вполне нормальным дядькой. Ничего демонического – почти обычный, только очень усталый и с жесткими глазами мужик. Даже снисходил, чтоб здороваться, – имени Лесиного, правда, так и не запомнил.

Жена хозяина была похуже. Придира. Голос скрипучий, шаги сторожкие. И вид еще более измученный, чем у супруга (но только тот на работе устает, а хозяйка – на бесконечных подтяжках-массажах). Дети, мальчишки-близнецы, по счастью, большей частью обрелись в Англии – обучались джентльменству и хорошим манерам. Умудрялись, правда, и из своего Альбиона вредить. Например, глубокой ночью звонили на Лесин мобильник и со зловецким придыханием шептали: «Этто я, ттвоя сммерть...»

Ну а самой колоритной фигурой, как и предупреждали в агентстве, оказалась непосредственная начальница. Таисия-громовержец. «Вот уж кто смерть так смерть», – иногда думала Леся.

Возраста домоправительницы, собственно, не определить. Лицо удивительно гладкое. Ни морщин, ни мимики. Говорит одними губами, об улыбке – и речи нет. Маска, в общем. Одни глаза – холодные, пронизательные бусинки – в этом лице живые. Смотрит на тебя – и так страшно... Будто напротив удава стоишь, который в любую секунду может наброситься. К тому же еще и кончик языка у Таисии, как заметила Леся, слегка раздваивался. В общем, настоящая змеюка. Так и хочется глубокими ночами (скорее даже к утру – раньше начальница отправляться в постель не позволяла) раскинуться на простынях и трактат сочинять. Под условным названием «Сто и один способ умертвить Главную Экономку».

А ведь она, Леся, по сути своей не злая. Это ж как надо ее довести, чтобы она кому-то смерти пожелала! Но Таисии допечь Лесю удалось. Любой день возьми – и обнаружишь ярчайший пример. Вот, например, вчера: Леся три часа без продыху оттирала от патины старинный подсвечник. Пальцы стерла до крови, глаза от медной пыли заслезались, зато красота получилась неопишная! Блеск, шик, раритет! А Таисия подсвечник шварк – и в пыль. И скрипит:

– Безобразно. Переделать. Немедленно.

А сегодня, двадцать девятого декабря, двадцать ноль-ноль, когда Таисии вдруг свинины приспичило?! Ну что стоило предупредить хотя бы вчера, чтобы Леся, в свою очередь, поставщиков озадачила?.. Старшая экономка сама ведь прекрасно знает – в Москве под Новый год только с водкой да дешевыми колбасами перебоев нет. А дорогие, качественные продукты нужно заранее заказывать.

– ...Короче, за свининой меня послали. За парной. Нужно тридцать кило, – просветила Леся шофера.

– Е-мое! – темпераментно откликнулся Владик.

– Видно, шашлык затевают.

– Ну, тогда точно: пушное животное к тебе пришло, Леська. То бишь писец, – покачал головой водитель.

– Вот и я говорю: только в прорубь... – согласилась Леся.

– Не нужно в прорубь. Мне без тебя скучно будет, – серьезно сказал шофер.

– А может, хозяину в ноги броситься?.. Сказать все, как есть. Объяснить, что нереально это, – задумчиво произнесла девушка. – Он вроде нормальный мужик, поймет... Ну, не знаю я, где эту свинину брать, не знаю!!

– Хозяина по ерунде дергать нельзя, – вздохнул Владик. – Тем более, если Таисия ему уже шашлык посулила...

– А раз посулила: пусть сама мясо и достает! Черт! Черт! – Леся безжалостно залепила автомобильному подлокотнику пару пощечин.

Владик поморщился – не терпел, когда кто-то машины, его любимые игрушки, обижал. Но промолчал. И робко предложил:

– Ну? Куда едем? В Москву?

И Леся глубоко вздохнула и приказала:

– Нет. Езжай в Осташково. Там, кажется, свиноферма была.

– Бесплезно, – покачал головой водитель. – Времени восемь вечера. Они давно закрылись.

– Пусть бесплезно, – отчаянно буркнула она. – Но сам же понимаешь: без мяса я вернуться не могу.

И устало прикрыла глаза – ну и жизнь у нее! Ну и счастливые предновогодние денечки!..

...А когда пару часов спустя Леся гордо приволокла в кухню сумку-холодильник, полную, как и заказывали, парной свинины, Таисия на ее добычу даже и не взглянула. И уж тем более не стала выслушивать драматичную сагу о приключениях на свиноферме. Равнодушно велела:

– Поставь в холодильник. Хотя нет – отдай охране. Пусть шашлык себе сделают.

– Как?!! – вырвалось у Леси.

И это после того, как она у сторожа чуть не в ногах валялась, чтобы тот признался, где директор свинофермы живет?.. А перед директором, пьяным и наглым, едва канкан не плясала, чтоб тот забойщика вызволил и велел ему свинью зарезать и разделать?!

– Ты здесь не за тем, чтоб задавать мне вопросы, – пригвоздила Таисия. И велела: – Избавься от мяса и немедленно звони в авиакабсы. Мы с тобой летим в Сочи, рейс не позднее трех утра, билеты пусть доставят немедленно.

– Куда мы летим?.. – опешила Леся.

– Девочка, ты начинаешь меня раздражать, – выплюнула начальница. Но все-таки снизошла, объяснила:

– Планы на Новый год изменились. Хозяин с хозяйкой будут праздновать в Сочи, прием на шестнадцать персон, наша с тобой задача его организовать. – Повернулась к Лесе спиной и уже на ходу добавила: – Мне возьмишь бизнес-класс, себе – обычный.

– О господи, – простонала младшая горничная.

В отчаянии пнула сумку-холодильник с никому теперь (охрана, ясное дело, не в счет) не нужным мясом. И пошла к телефону – интересно, есть ли такие авиакомпании, что присылают курьеров двадцать девятого декабря, поздним вечером, да еще и за город?.. Наверное, нет. Но только доставать билеты все равно придется...

...А той же ледяной ночью они с Таисией уже прилетели в Сочи. Леся в знаменитом городе прежде не бывала, но слышала про него, конечно, немало. Про пальмы, особняки, тенистые аллеи, красавцев спасателей с городских пляжей... Однако сейчас красавцами здесь и не пахло – на зиму, видно, в спячку ушли. Сотрудники в аэропорту хмурые, таксист и вовсе – цедил сквозь зубы и косился, что обидно, не только на страшилище Таисию, но и на саму Лесю. В общем, обстановка самая неприветливая. «И как, интересно, в таких условиях праздничный банкет устраивать? В незнакомом городе? За полтора оставшихся дня?!»

На молчаливый Лесин вопрос ответила Таисия. Процедила сквозь зубы:

– Предупреждаю: дел будет много. Так что имей в виду: спать, по крайней мере до первого января, не

придется.

И обрисовала план действий: праздник будет иметь место в съемном особняке (пятьсот квадратных метров, пляж, рокарий и сад).

– По контракту к особняку прилагаются две уборщицы, официантка, поставщик продуктов и повар, – просветила Лесю начальница. – Но ты же понимаешь: все они местные, – словечко прозвучало с нескрываемым презрением, – так что доверять им нельзя. Тем более что гости к Владимиру Борисовичу придут серьезные.

– Партнеры по бизнесу? – с умным видом уточнила Леся. Вопрос, как немедленно продемонстрировала начальница, получился неудачным. По крайней мере Таисия тут же скривилась и назидательно заявила:

– Бизнес, деточка, на Новый год не ведут. И деловых партнеров на семейный праздник не приглашают. Состав другой. – И она начала перечислять – столь известных персон (артистов, певцов, светских дам и политиков), что у таксиста с каждым новым именем – Леся в зеркальце заднего вида подсматривала – челюсть отпадала.

«Ух, вот я автографов наберу! – порадовалась Леся. – И вообще, наверное, весело будет!..»

Младшая горничная пока не знала, до какой степени она ошибается.

* * *

Сказочный особняк с видом на море Лесю не впечатлил.

Хотя кругом и росли пальмы, но больше ничего южного, *теплого*, в доме не было. Скорее он походил на поместье какого-нибудь сурового кельта: выложенные камнем стены, надменные арочные окна, нервный бег флюгера на крыше из черной черепицы. Соседство с долгожданным морем и вовсе выглядело зловеще – особняк, словно гнездо гигантской ласточки, прилепился на краю скалы, а метрах в сорока ниже, сразу же за узенькой полоской каменистого пляжа, яростно шумели волны – ледяные, свинцовые, в рваном кружеве пены.

«Вот будет история, если кто-то из гостей перепьет... и вниз свалится, – покачала головой Леся. – Высота-то – примерно как двенадцатиэтажный дом. И ограждение – совсем несолидное...»

...Гостей, как и предрекала Таисия, на банкет явилось ровно шестнадцать – отказаться от бала у Кремнева (как и от бала у Сатаны в известной книге) никто не посмел.

Так что Леся, на обочине бесконечной гонки («подмети подъездную дорожку... подай в гостиную фрукты... вынеси на ледник еще один ящик шампанского»), то и дело натыкалась на знакомые по телеэкрану физиономии.

Вот известный пародист (светский, томный, безупречный костюм, многодолларовый галстук) притулился у окна, задумчиво смотрит на море, и лицо настолько возвышенное, что Леся даже в восхищении приостановилась. Впрочем, любовалась красавцем недолго – ровно до того момента, как тому потребовалось прочистить нос. Носовым платком VIP-персона решила не пользоваться – проделала манипуляцию точно в кадку с магнолией, которой Леся все утро полировала листья.

Не лучше оказалась и известная певица. По телику знает поет про «чистую любовь» да «хрустальные поцелуи», а в интервью – обожает разоряться про женскую гордость и про возвышенные чувства. А тут, в особняке, что творит?! С кем только уже не обжималась! И у скандального депутата на шее висела, и на коленках у знаменитого автора детективных романов, роскошного пышноусого красавца, восседала... И даже с самим хозяином целовалась – причем остальная публика, включая жену Кремнева (вот странные эти буржуи!), вела себя, будто так и надо: во все глаза наблюдала за поцелуем, громко хлопала и заключала пари – дотянет ли парочка до минуты.

«Эх, жаль, что я не в журналисты готовлюсь, – посетовала Леся. – А то такой бы репортажик можно было состряпать!»

Впрочем, чем ближе подбирался Новый год, тем больше ей становилось *все равно* – так с бесконечной беготней замоталась. Актер – жутко известный, его фотки у всех одноклассниц над кроватями висели, – случайно столкнулся с ней в дверях и бархатным голосом попросил «пардон». Ну и что? Режиссер – как положено богеме, в свитере грубой вязки и с трубкой в зубах – помог вынести на террасу поднос с коктейлями, а по пути плел, что у нее «интересный типаж» и «безграничные перспективы»? Подумаешь... Когда ты на ногах почти двое суток да еще и под неусыпным оком Таисии – уже не до известных лиц. Не до их бархатных улыбок и изысканных комплиментов.

Леся с грустью вспоминала, как встречала Новый год раньше, еще когда жила в Томске, с мамой. Как делила тридцать первое декабря на вехи. От неизбежной «Иронии судьбы» до вечернего концерта, от

концерта до выступления президента. От боя курантов до эротических клипов, которые всегда выползали на экраны в районе четырех утра... И она еще смела жалеть, что такой, предсказуемый и чинный, Новый год – это скучно! Эх, сегодня бы ей так *поскучать*! Сейчас, когда праздник разделен совсем на другие вехи – от аперитива до горячего. От десерта до барских плясок. Ну, и еще об одном нужно постоянно заботиться: когда на кого-то из высоких гостей нападает охота заорать: «С Новым годом!», под рукой у него должен обязательно оказаться бокал с шампанским, и разве легко за этим уследить?!

...К четырем утра первого января, когда по телику, Леся краем глаза заметила, запустили эротику, а гости устроили хоровое пение в зимнем саду, она уже начала наткаться на мебель и засыпать даже с подносом хрустальных бокалов в руках. Тогда Таисия наконец позволила младшей горничной пойти к себе.

– Отдыхай до десяти, а после – изволь быть в гостиной. И всем, кто пожелает, чтобы горячий кофе подала.

Леся почему-то ждала, что начальница ее поблагодарит за лихо исполненную адскую работу. Или хотя бы с Новым годом поздравит. Но, конечно, не дождалась.

– Все, иди, – отвернулась от нее Таисия.

– Хорошо, – грустно откликнулась младшая горничная. – Кстати, с праздником вас!

– Что-что? – удивленно обернулась к ней церберша.

– С праздником. С Новым годом, – выдержала ее взгляд Леся.

– А, ты об этом, – равнодушно откликнулась шефиня.

И удалилась – надменная, прямая, без единой доброй эмоции.

А Леся, перед тем как отправиться в вожделенную спальню, все же потратила десять минут «на праздник». Умыкнула из кухни бокал, полный «Дом Периньона», и вышла в сад. Миновала рокарий, пальмовую аллею, остановилась на обрыве. По глоточку смаковала шампанское, наблюдала, как пенится далеко внизу море... Думала, что этот Новый год вышел самым необычным и тяжелым в ее жизни, и о том, как хорошо, что он наконец кончился...

* * *

Леся проснулась, когда чья-то рука – даже сквозь дрему чувствовалось, насколько она ухоженная и мягкая, – коснулась ее плеча, а женский голос, смутно знакомый, прошептал: «Вставай! Вставай, пожалуйста!..» И еще – на нее пахло спиртным. Очень сильно.

Она открыла глаза, застонала – такое ощущение, будто в мозги свинцом плеснули, – и снова смежила веки. Впрочем, успела заметить, что на улице еще темно – значит, подаренные Таисией шесть часов сна точно не истекли. «А если так – хоть трава не расти! Дальше спать буду!!!»

И Леся, не раскрывая глаз, пробормотала:

– Уйдите... прошу вас!

– Хорошо, – покорно отозвался голос.

По полу, удаляясь, зацокали каблучки, а Леся в изумлении распахнула глаза и увидела, что в ее клетушку, оказывается, изволила пожаловать сама хозяйка. Изможденная диетами, пластикой и «Дом Периньоном» мадам Кремнева собственной персоной.

Сна тут же как не бывало – Леся рывком вскочила с постели, бросилась вслед, крикнула:

– Наталья Николаевна! Стойте! Подождите! Что случилось? Я могу вам чем-то помочь?

Хозяйка послушно приостановилась, опять пахнула на нее перегаром, переспросила:

– Помочь?.. Да нет, ты мне не нужна.

Ее плечи сутуло сникли, и она вновь поцокала в направлении двери.

«А фиг ли приперлась тогда, разбудила?! – подумала Леся. – Вот уж заколебали: хозяйева, блин, жизни. Буржуи прибабахнутые!»

Она позволила хозяйке покинуть комнату, взглянула на часы (всего-то без десяти семь утра) и попыталась снова уснуть. Но Морфей, видно, ошарашенный тем, что в келью домработницы снизошла *сама хозяйка*, возвращаться не захотел. Только и оставалось – ворочаться в жесткой (слугам-то иных не полагается) постели и гадать, что за ерунда с мадам Кремневой стряслась. Раньше ведь в *служебные помещения* сроду не заходила. А уж сутулые плечи вкупе с покорным голосом – для хозяйки и вовсе нонсенс, это ж как надо было в новогоднюю ночь перепить!

«Может, уволиться? – в который уж раз за бесконечные так называемые «праздничные» дни подумала Леся. – А что? Увольюсь прямо завтра и к маме домой улечу!.. Новый год праздновать будем!»

Мысль казалась сладостной. Леся продолжала ворочаться в неудобной постели и смаковала идею,

лелеяла, холила...

Откуда-то издалека, с хозяйской территории, раздавалась музыка. В саду шумели пальмы. Билось о прибрежные камни море.

И вдруг Леся услышала душераздирающий, отчаянный крик.

Кричали с улицы, из сада. Голос был женский, очень громкий, хорошо поставленный. Кажется, то вопила Певица.

– Вот ведь чертовы алкаши, – пробормотала Леся. – Точно: перепилась элита...

– Он мертвый! Мертвый! Мертвый! – повторял женский голос.

* * *

Тело Владимира Борисовича Кремнева обнаружили внизу, на узкой полоске пляжа.

В половине седьмого новогоднего утра Пародист с Певицей, утомленные плясками и шампанским, отправилась прогуляться. Чинный променад по саду и рокарию парочку почему-то не вдохновил – решили спуститься «поближе к стихии», на пляж.

Лестница, искусно прорубленная в скале и оснащенная перилами, находилась в восточном крыле сада и не освещалась. Не освещался и пляж – но Пародист и Певица, пусть оба и сильно нетрезвые, а фонарик с собой захватить догадались. Впрочем, пользовались им, только пока спускались по отвесной лестнице, а когда оказались внизу, тут же выключили. Почему – не скрывали: они немедленно начали целоваться.

Впрочем, целоваться *стоя* парочке показалось неинтересным – гораздо веселее было облизывать друг дружку на ходу, постоянно рискуя навернуться на острых камнях. И в какой-то момент они все же споткнулись. Упали. Расхохотались, потому что получилось совсем не больно. И включили фонарик – решили рассмотреть, что же помешало «целовательному пути». Ну и увидели: причудливо изогнутое тело хозяина с лужей крови, натекшей под головой...

Ступор длился недолго – буквально спустя минуту парочка уже взлетела по крутой лестнице наверх, в сад. Тогда Леся и услышала отчаянные крики, которые издавала Певица.

...Милиция подъехала поздно, аж к девяти утра, – тоже ведь Новый год у людей, – и констатировала: хозяин убит. Единственный ножевой удар в область сердца оказался смертельным. Ну а потом тело, судя по всему, перекинули через несолидный, всего-то метровый, забор, отделявший территорию особняка от *территории стихии*, и швырнули вниз, на пляж, на острые камни.

Свидетелей убийства, разумеется, не нашлось – как и желающих в нем признаться.

* * *

Прошло два дня, всюду буйствовал новый год, бесконечно дул ледяной, несусветный по силе ветер (Лесе объяснили, что он называется норд-остом), а убийцу хозяина так и не нашли. Подозреваемых, правда, было много – подписку о невыезде вручили доброй половине гостей. Но ни единого ареста так и не последовало. Как презрительно сказала Таисия: «Наши знаменитости местным властям глаза застили. Разве ж они решатся на кого-то из таких звезд ножку поднять?»

Леся – она обожала, когда начальница вдруг не очередное поручение выдавала, а говорила «по-человечески», – тут же потребовала:

– А вы, Таисия Андреевна, как считаете: кто убийца?

Старшая экономка нахмурилась, видно, колебалась: приструнить младшую горничную или все же ответить? Наконец решила снизить, отрезала:

– Полагаю, убить мог любой из шестнадцати гостей. Но мое мнение к делу не относится.

«Вот как, – пронеслось у Леси, – кто-то, полагаешь, из гостей? И только? А жена, Наталья Николаевна, получается, вне подозрений?»

Леся прекрасно помнила, как хозяйка, непривычно забитая и покорная, непонятно зачем заходила в ее комнату. За двадцать минут до того, как поместье сотряс отчаянный крик Певицы.

Однако, когда Лесю вызывали на допрос, она об этом происшествии умолчала. Не потому, что боялась «дать неправильные показания» и потерять теплое местечко – на самом деле от этой работы ее уже тошнит. Ей просто показалось, что местные милиционеры (подавленные роскошью особняка, бриллиантами хозяйки и авторитетом звездных гостей) этой информацией и распорядиться-то толком не сумеют. Начнут на

Кремневу тупо «давить», запугивать, добиваться признания, не понимая, что ее (вот уж женщина с говорящей фамилией!) подобными примитивными приемчиками не проймешь. Поэтому и хозяйка на свободе останется, и она, Леся, только почему зря себе серьезного врага наживет.

Вот если бы у нее более веские доказательства были – виновности, хотя бы чьей-то!.. Загадка ведь – интереснейшая. Вполне в духе классических детективов и уголовных дел из учебников по юриспруденции – новогодняя ночь, хозяин, хозяйка, шестнадцать гостей и пять человек персонала (они с Таисией плюс трое местных, тоже оставшиеся обслуживать барский праздник). Посторонние на территории оказаться, скорее всего, не могли – в отличие от хилого ограждения, выходящего на море, внешний забор высок, на воротах – сложная система электронных замков, да и камеры, установленные на входе и по периметру ограды, услужливо демонстрировали: незваных гостей на празднике у Кремневых не было. Значит, убил кто-то из присутствующих. Но кто? Кто до такой степени смелый? Кто не побоялся, что в сад – а убийство, как свидетельствовали следы крови на дорожке, произошло именно там – в любой момент выглянет кто-то из подгулявших гостей? Кто не испугался, что Кремнев сильный и еще совсем не старый мужик, окажет сопротивление или как минимум закричит?

«Бесстрашный человек, – думала про убийцу Леся. – И сильный: в хозяине-то нашем добрых сто килограммов было. Поди такую тушу через забор, хоть и метровый, перекинь... И все же очень странно, что ни единого свидетеля не нашлось... Но, может, они все-таки есть? И молчат – как и я молчу о том, что хозяйка ко мне в комнату заходила?.. Эх, как бы узнать!..»

И Леся, пока еще не все гости разъехались, прилагала к этому все силы. Будто случайно оказывалась под дверью, за которой беседовали Пародист с Певницей. Пряталась в саду, пытаясь подслушать, о чем говорят Режиссер с Актером. Осмелилась заглянуть в компьютер Автора детективных романов. Покопалась в личных бумагах хозяйки. И даже с Таисии на всякий случай не спускала глаз.

Однако ничего выдающегося разведать ей так и не удалось, и сыщицкий Лесин азарт потихоньку начал угасать, как вдруг (это было четвертого января) ее срочно вызвала старшая экономка. И озадачила удивительным поручением.

Оказалось, что Наталья Николаевна, хозяйка – убитая горем или, наоборот, упоенная собственной безнаказанной наглостью, – решила выплатить вознаграждение. Тому, кто поможет найти преступника. Вознаграждение было абсолютно сумасшедшим: сто тысяч долларов. Леся таких денег и представить не могла – это ж не в Московский универ, а в любую Сорбонну с Йелем можно поехать. И мамочку из унылой «хрущобы» переселить. И норку себе купить – даже получше той, в которой щеголяет задавака Певница. И...

«Деньги будут выплачены немедленно по предоставлении фактов, убедительно указывающих на истинного преступника», – гласил составленный хозяйкой текст. Лесе следовало его, во-первых, разместить на правах рекламы в трех местных газетах. Во-вторых, развесить в виде плаката на прилегающей к особняку территории. И, в-третьих, разослать письмом всем шестнадцати уже разъехавшимся звездным гостям.

«Ну, и, в-четвертых, – думала Леся, еще и еще раз перечитывая текст и смакуя восхитительную цифру 100 000, – мне нужно раскрыть это дело самой. А что – слабо? Чем я хуже ментов – особенно местных, которые хозяев моих сверхбогами считают? А я ведь, между прочим, на юридический собираюсь! И не сомневаюсь, что юрист из меня получится что надо. Ну же, детка, давай, не все тебе посуду мыть и шампанское подавать! Шевели мозгой! Начнем от печки. Qui pro? Кому? Кому была выгодна смерть Кремнева?»

* * *

Пятнадцать лет назад Эвелина, для друзей – Эва (не путать со старорежимным именем Ева), собиралась замуж, и ей это очень нравилось. Нравилось не уже *быть замужней*, то есть при кухне, ворчле и капризах законного супруга, а только *собираться*. Часами выбирать себе платье – по каталогу или в салонах. Искать самые тонкие в городе чулки. Подбирать макияж. Ловить завистливые взгляды холостых подружек. Ну и, конечно, «тестировать» рестораны – этим они вдвоем с Мишутиком, будущим мужем, занимались. «Нужно ведь банкет, чтоб все упали, так? – рассуждал жених. – Так что давай уж подберем самое зашибенное местечко. Заранее».

Эвочка, конечно, с ним соглашалась. Ходить по кабакам – то есть, пардон, их тестировать – было интересно. Да и встречали их с Мишутиком везде, будто самых наидорогих гостей (а попробовали бы иначе – в городе каждая собака знает, что за Мишенькой всюду джип с охраной ездит, и ребята в том джипе с пушками). Кормили тоже славно – если форель, так только что из озера, а если шашлык, то, бывало, и барана показывали, которого они через час есть будут, да с самыми свежими травами, помидорчиками,

ледяной водочкой... Неудивительно, что официантки, особенно смазливенькие, на Эву голодными волчицами косились.

А кто спорит: Мишутик – партия завидная. Все при нем. Денежки, бизнес, авторитет, да и выглядит настоящим джигитом – копна смоляных волос, берущий за душу взгляд, сильные, уверенные руки...

– Везет тебе, Эвка! – в один голос пели подруги.

Одна мама вздохнула:

– А мне твой Мишутик не нравится. То ли дело Вовочка был. Не красавец, конечно, и не богач. Зато умник какой, все время с книжками, и в институте учится. И добрый.

«Ага, добрый, – усмехалась про себя Эва. – Знала бы ты, какой он скандал устроил. Когда узнал, что я за другого замуж выхожу».

Вспоминать, как бесновался Вовочка – кричал, что покончит с собой, и называл ее предательницей, – было даже приятно. Одно беспокоило: когда экс-поклонник понял, что все его красноречивые доводы меркнут в сравнении с «Мерседесом» и лопатником конкурента Мишутика, он пообещал:

– Ну, смотри, Эвка. Дело, конечно, твое. Только как бы ты кровавыми слезами не умылась! Как бы не пожалела!..

– А чего мне жалеть? – жестоко усмехнулась она. – Ты, Вовочка, парень, конечно, что надо. Но с Мишутиком – извини, тебя не сравнить.

И ушла, и больше отвергнутого Володю не видела, но червячок страха, увы, остался. Изводил, нервировал, точил... И слова Вовчика о том, что она «пожалует», не забывались.

Однако свадьба с Мишутиком близилась, уже и ресторан выбрали, и платье Эва купила, и туфли, и к стилисту на шесть утра в день регистрации записалась, и даже подсмотрела, какое кольцо ей жених купил, а Вовчик все сидел в тине и никаких неприятностей не доставлял.

Ну, а счастливым днем – тем самым, который у нее в паспорте проштампуют и на всю жизнь увековечат, – Эва проснулась, хоть и в страшную рань, в пять часов, а без будильника. Не позавтракав, выскочила на балкон. Долго любовалась первыми проблесками рассвета, бескрайним небом, далекими, едва на горизонте, горами. И улыбалась, вспоминая, как вчера Мишутик пообещал, что после свадьбы каждый день ей будет кофе в постель подавать. Интересно, наврал или нет? Впрочем, это она узнает очень скоро – уже через сутки. И Эва весело побежала на кухню – варить свою последнюю «девическую» чашечку кофе... Позавтракала, умылась, пригладила волосы, впрыгнула в платье – еще не в свадебное, в обычное – и бросилась вон из квартиры. Чтобы в салон, к стилисту, не опоздать.

Но дошла Эва только до выхода из подъезда.

* * *

Сочинский вестник, 7 июня 198* года

Телетайп новостей

Страшная трагедия произошла сегодня на проспекте Новаторов. Эвелина Р-ва вышла из дома в половине шестого утра. Она спешила к стилисту, чтобы сделать праздничную прическу и макияж, – а в десять часов у девушки должна была состояться свадьба с Михаилом Т-ным, известным в нашем городе бизнесменом.

Едва Эвелина вышла из подъезда, как увидела, что ей наперерез бросается человек – и через секунду почувствовала нестерпимую боль. На крик девушки выскочили соседи и обнаружили, что она сидит на траве, закрывает руками лицо и повторяет: «Вовчик! Это был Вовчик!!!» Приехавшая «Скорая помощь» диагностировала ожоги кислотой третьей-четвертой степени тяжести. Эвелина помещена в отделение реанимации, поисками Владимира К-ва – именно он, по словам пострадавшей, выплеснул ей в лицо содержимое банки с кислотой – занимается милиция. Свадьба отложена на неопределенный срок.

* * *

Леся подкараулила Таисию на веранде.

Старшая экономка – как обычно, прямая, бесстрастная и ледяная, – смаковала утренний кофе. За натертыми (ох, как же тяжело было полировать!) стеклами разгорался новый день, из-за гор робко выглядывало солнце.

– Доброе утро, Таисия Андреевна, – весело поздоровалась Леся.

Экономка вскинула на девушку мрачный взгляд. На приветствие, разумеется, не ответила. Буркнула:

– Иди в кухню. Я сейчас подойду.

– Да ну ее, эту кухню! – усмехнулась Леся. И без приглашения плюхнулась в соседнее кресло. – Там душно. Давайте лучше здесь посидим. Поболтаем.

– Что-о? – выдупилась на нее пораженная экономка. Не ожидала, видно, демарша, привыкла уже за полгода своего безоговорочного террора, что Леся себя тише воды ниже травы ведет.

– Ну, что вы как неживая. Нет бы улыбнуться, кофейку мне предложить, круассанчик... – продолжала веселиться младшая горничная.

– Вон, – тихо приказала Таисия.

Леся в своем кресле не шевельнулась. Улыбнулась еще шире – и закончила фразу:

– А еще – сто штук баксов отсыпать... – И, понизив голос, произнесла: – Я ведь все про вас знаю... Эвелина Петровна.

– Повтори, – велела начальница.

– Повторяю, – вздохнула Леся. – Я все поняла. И выяснила. Что на самом деле – никакая вы не Таисия. И не Андреевна. Вас зовут Эвелина, Эвелина Петровна Русанова. И Владимира Кремнева, нашего хозяина, убили вы. За то, что он, в свою очередь, много лет назад искалечил вам жизнь. Выплеснул в лицо кислоту – в тот день, когда вы должны были выйти замуж за другого. Вы давно решили ему отомстить. Для того и на работу сюда устроились. И вот случай представился. Убийство в новогоднюю ночь, очень романтично...

– Как ты догадалась? – тихо спросила экономка.

«О, как просто! – пронеслось у Леси. – Она даже не отпирается!»

И Леся призналась:

– Да, в общем-то, случайно. Во-первых, рискнула к хозяйке подойти. К Наталье Николаевне. И спросила ее, зачем она первого января в мою комнату приходила. За полчаса до того, как тело хозяина нашли...

– Она заходила в новогоднюю ночь? К тебе?! – удивилась Таисия. Нет, не Таисия, а Эвелина.

– Да. Хозяйка прямо в комнату ко мне приперлась, когда я спала. Пьянющая была вусмерть и чего хотела – непонятно. Тогда я ее спросонья, можно сказать, послала – и она покорно ушла. А сейчас я набралась наглости и спросила хозяйку: зачем она ко мне приходила? И она сказала, что искала вас. Очень долго искала, по всему дому. И никак не могла найти. Но это ведь странно – раз вы меня услали спать, значит, сами-то должны быть с гостями! Вот тут я вас и заподозрила.

– И что дальше? – остро взглянула на нее старшая экономка.

– А дальше... дальше я вспомнила, как Пародист рассказывал, что вы в четыре с хвостиком ночи им абсент подали. В больших бокалах. Хотя никто об этом не просил. Ну, они и налакировались – так, что с ног попадали, почти все. А зачем вам было их спаивать? Сами же меня наставляли, что задача хорошей экономки – чтобы гость ни в коем случае не надрался, а выпил точно свою меру... И еще: вы ведь женщина сильная. Я сама видела, как вы одна мешок с сахаром однажды подняли. Без проблем. А это, извините, целых пятьдесят килограммов. Так что, значит, и хозяина через забор перебросить могли без труда.

– Это все, конечно, не доказательства, – вздохнула начальница, – но...

– Ну, а потом я в Интернет полезла, – перебила ее Леся. – Про хозяина нашего нашла там статей и всякой информации – миллион. Вот я и попыталась его связи установить – со всеми из шестнадцати гостей. И с вами.

– И что же?

– Ничего, – вздохнула Леся. – Никаких разногласий, конфликтов, романов, имущественных претензий. Ни с кем из присутствующих. Так что только и оставалось – «чернуху» из любой оперы на Кремнева поискать. Вот я и выкопала – эту старую историю с девочкой Эвой. Хозяина нашего тогда ведь едва не посадили. Пока он не доказал, что все утро убийства провел в другом городе. Шесть свидетелей, железное алиби. А Эве, то есть, простите, вам – он в то утро на нервной почве померещился...

– С чего ты взяла, что я – это она? – нетерпеливо выкрикнула Таисия.

– Да очень просто. Во-первых, у вас лицо какое-то мертвое, без мимики – явно пластическая операция была, и не одна. Во-вторых, характер несносный: видно, что в жизни тяжело пришлось. А в-третьих... – Леся смутилась, – вы, хотя свой чемодан и запираете, а однажды за ним не уследили. Ну, и сами понимаете: мы, младший персонал, – народ любопытный. Я и вырезки из газет нашла, и много еще чего любопытного...

– Понятно, – протянула Таисия, она же Эва. И спокойно спросила: – Значит, ты хочешь получить награду? Сто тысяч долларов?

– Хочу, – кивнула девушка.

– У меня, как ты понимаешь, таких денег нет, – пожала плечами экономка. – И что? Что ты будешь

делать дальше?

Леся выдержала паузу. Не спеша налила себе кофе. Откинулась в кресле. Старшая экономка – ох, как же это было необычно! – ее не одергивала, молний не метала. Наоборот: смотрела вопросительно и жалобно.

– Так что? – повторила Таисия. – Выдашь милиции? Мне идти вещи собирать?

– Ох, как же вы меня за эти полгода извели, – тихо сказала Леся. – Как я вас ненавидела. Сколько раз смерти вам желала...

– Что ж, теперь есть шанс расквитаться, – пожала плечами церберша.

– И расквитаюсь, – заверила Леся. – Значит, так: только посмей еще раз на меня вякнуть. Или рожу покривить. Или мораль прочесть. Придушу. Как цыпленка. Поняла?.. А теперь, – она сделала еще один глоток кофе и снова перешла на вежливый тон и «вы»: – Можете отправляться в кухню. Начинайте мыть посуду. Когда я закончу завтракать – может быть, присоединюсь к вам.

И Таисия – вот восхитительное зрелище! – ей повиновалась. Послушно побрела в кухню – несчастная, уничтоженная, слабая. Леся смотрела ей в спину со смесью презрения и застарелой обиды.

«Может быть, все же выдать ее? Получить сто тысяч? Отомстить – за все издевательства и придирки? И справедливость восстановить – она убийца, а убийц надо карать?»

Искушение было велико, Леся даже с кресла встала – идти с оглушительной новостью к вдове Кремнева. Да вдруг представила юную, примерно в ее возрасте, Таисию-Эвелину. Красивую, беспечную, полную радужных надежд... И Кремнева – тоже молодого, но, не в пример девушке, уже расчетливого и подлого. Который перечеркнул все ее счастливые планы. Растоптал. Искалечил. Уничтожил.

«Да я б на месте Таисии и ждать бы так долго не стала, – подумала Леся. – Еще б раньше такую сволочь грохнула...»

Так что нет. Выдавать старшую экономку никак нельзя. Подлость будет – похуже кремневской. А сто тысяч... Что ж. Придется пока обойтись без них.

«Нюхом чую: не последние это в моей жизни деньги, – улыбнулась про себя Леся. – Если уж я сейчас, когда мне всего восемнадцать и образования – одна школа, смогла убийцу вычислить?! А что будет тогда, когда юридический закончу? Да я лучшим следователем в Москве стану! Или еще лучше – свое детективное агентство открою. Назову его, скажем, «Мисс Леся Марпл»... И продолжу раскрывать убийства – но уже за оглушительные гонорары!

Леся снова улыбнулась. Девушка больше не сомневалась: в младших горничных она точно не задержится. Ну а Таисия-Эвелина... Бог ей судья.

Гатьяна Полякова

Новогодняя сказка

Ну, что опять? – спросила я, распахивая дверь настежь и отходя в сторонку, чтобы Юлька могла войти в мою квартиру. Она сделала пару шагов, прислонилась к стене и сказала трагически:

– Я утоплюсь.

– Может, не стоит тебе спешить, а? Может, ты для начала расскажешь, что случилось?

С Юлькой всегда что-нибудь случается, тут уж ничего не поделаешь. Трижды в неделю она теряет ключи, ходит в разных перчатках, потому что они тоже теряются, причем не обе сразу, а по одной, покупать новые нет смысла, это Юлька поняла еще лет пять назад и теперь при очередной потере обзванивает знакомых растяп, и непарная перчатка у кого-нибудь непременно находится. В прошлом году я подарила ей варежки, долго размышляя: может, дело не в Юльке, а в перчатках? Но варежки она потеряла в тот же день, и с тех пор я больше не экспериментировала.

Юлька обхватила голову руками и отчаянно взвыла, а я испугалась по-настоящему.

– Ты мне скажешь наконец, в чем дело?

– Деньги, – медведем проревела она.

– О господи... Зарплату свистнули? – Юлька отчаянно замотала головой. – Сама потеряла? Много денег-то?

– Шесть тысяч, – проблеяла она, шмыгнула носом, вздохнула жалобно и затихла.

– Ни фиги себе, – покачала я головой. – Шесть тысяч – это деньги...

– Баксов, – тихохонько добавила Юлька и испуганно поежилась.

– Шесть тысяч баксов? – нахмурилась я, а потом разозлилась: – Что ты плетешь, юродивая? Откуда у тебя такие деньги?

– Шеф дал, – всхлипнула Юлька, глядя на меня с большой печалью, и добавила: – Может, мне вправду утопиться?

– Дурак он, что ли, твой шеф? Чего ему в голову взбрело?

– Чего, чего... он мне их не давал, то есть дал, конечно, но совсем не для того...

– Чтoб ты их потеряла, – закончила я. – А потолковее нельзя?

– Какая теперь разница, – прошептала Юлька. – Я уходить собиралась, а он меня вызвал, я уже в шубе, вхожу, а он: «Юля, отнеси в сейф», сейф у нас в бухгалтерии.

– Он что, сам отнести не мог?

– Значит, не мог. Я пошла. А тут Людка Фомина, высокая, с короткой стрижкой, помнишь ее? Она еще в Вовкин день рождения с нами на шашлыки ездила?

– Наплевать на нее, давай про деньги.

– Я про деньги и рассказываю. Выходит Людка, тоже домой собралась, мы стали поздравлять друг друга с наступающим, она мне кошелек подарила, красивый и с монограммой...

– Ты мне про деньги расскажешь?

– А я что делаю? Мы зашли в бухгалтерию, там девчонки отмечают, нас позвали, ну, я шампанского выпила, потом все вместе вышли... Я девок по домам развезла, домой приехала, стала перчатки искать, сунула руку в карман, а там баксы. Я их в Людкин кошелек положила, чтоб не потерять, и на работу быстрее, а офис закрыт, сигнализация. Куда мне? Я Игорю звоню, его дома нет... Я к Надежде Ивановне, главбуху, думаю, пусть лучше у нее деньги лежат, приехала, а кошелек-то и нет.

– Как нет?

– Так и нет.

– Куда же он делся?

– Откуда я знаю?

– Стоп, – разозлилась я. – Когда ты деньги в кошелек положила, его куда дела?

– На сиденье.

– И что?

– Ничего. Лежал на сиденье.

– Но если бы он на сиденье лежал... А когда ты в офис пошла, брала его с собой?

– Да... или... не помню. Я подъехала, света нет, но я выходила, это помню.

– Дай ключи от машины! – рявкнула я.

– Да она не заперта.

Я открыла рот, чтобы высказать наболевшее, но Юлька выглядела такой несчастной, что я лишь чертыхнулась и, накинув куртку, бросилась к машине. После тщательного обыска я смогла убедиться: кошелек там не было. Юлька стояла за моей спиной, переминаясь с ноги на ногу.

– Я уж искала... они резиночкой перетянуты, красненькой... ни кошелек, ни баксов.

– Садись, – кивнула я и сама устроилась за рулем.

Возле офиса мы были через пятнадцать минут, Юлька указала место, где оставила машину, раз двадцать мы прошли из конца в конец расстояние, разделяющее офис и машину, обследовали ближайшие сугробы, конечно, безо всякого толку, проехали к дому главбуха и вновь приступили к поискам, с тем же нулевым результатом.

– Да я уж искала, – вздохнула Юлька, помолчала немного и задала вопрос: – Что теперь делать?

– Не знаю, – разозлилась я.

– У нас каникулы, – кашлянув, заметила подруга. – До третьего января. До третьего января денег не хватает... Я бы мамину квартиру продала, но ведь до третьего ничего не сделаешь.

– Конечно, не сделаешь.

– А если меня с работы выкинут... где ж такую дуру еще возьмут?

– Это точно. – Устроить Юльку на работу было нелегким делом, и я с тоской поняла: либо мы где-то найдем эти шесть тысяч, либо... Об этом даже думать не хотелось.

– Может, ты у мужа займешь? Месяца на два? – робко заметила Юлька, косясь на меня.

– Я с ним развожусь.

– Ну и что? Одно другому не мешает...

– Заткнулась бы ты лучше.

Юлька притихла, нахохлившись, и уставилась в окно.

– Поехали к Вовке, – сказала я. – Может, он чего путное посоветует.

Вовкин «Фольксваген» притулился в переулке в нескольких метрах от крыльца нового здания Сбербанка. Бывший одноклассник зарабатывал на жизнь обменом валюты. Я подошла и постучала в окно, Вовка кивнул, а я прогулялась до угла, успев заметить, что в машине он не один. Через минуту из «Фольксвагена» показался мужчина в добротном пальто и норковой шапке, улыбнулся мне и направился в сторону троллейбусной остановки, вслед за ним показался Вовка.

– Привет, – сказал он, поднимая воротник куртки и зябко ежась. – С наступающим...

– Спасибо. Тут такое дело... у тебя займы не будет? Юлька деньги потеряла.

– Много?

– Шесть штук.

– Ну... найдем. Надолго?

– Ты не понял. Шесть тысяч баксов.

– Ты спятила? – растерялся Вовка. – Откуда у меня такие деньги? И откуда они у этой чокнутой? – Пришлось Вовке объяснять, что к чему, он выслушал, кивнул, покосился в сторону машины, где с разнесчастным видом сидела Юлька, и сказал: – Тысячу дам. Больше нет. Честно. Завтра приезжай домой.

– Может, займешь у кого? Она материну квартиру продаст.

– Свет, кто просто так даст пять штук? Ты ж не маленькая... Слушай, спроси у своего. Что, у Олега денег нет, что ли?

– Спрошу, – огрызнулась я и направилась к машине, а Вовка занял пост у дверей банка, ожидая клиентов.

– Ну, чего? – робко поинтересовалась Юлька.

– Тысяча.

– Где ж мы еще пять возьмем?

– Откуда я знаю? – «Мы возьмем» звучало здорово, стало ясно: пять тысяч долларов – это теперь не Юлькина проблема, а моя.

В девять утра я подъехала к офису, где совершал свой трудовой подвиг еще один бывший одноклассник. Офис находился в центре города, неподалеку от Сбербанка, в крохотном переулке, дома здесь построены еще в прошлом веке и давно требовали ремонта. Двухэтажный особняк был увешан, точно новогодняя елка, вывесками всех цветов и размеров.

Я поднялась на второй этаж и подергала дверь. Она была заперта. Оглядевшись и не обнаружив признаков жизни, я спустилась на первый этаж, из-за ближайшей двери раздавался стук молотка, что-то с шумом осыпалось, намекая тем самым, что некто накануне праздников затеял ремонт.

– Есть кто живой? – крикнула я и подергала дверь.

Шум стих, дверь, не та, возле которой я стояла, а соседняя, распахнулась, и в коридоре появился мужчина, невысокий, худой, лет сорока пяти, в очках, рабочем халате.

– Здравствуйте, – сказала я. – Наверху фирма «Лана», вы случайно не в курсе, куда они все запропастились?

– По-моему, у всех каникулы, – улыбнулся дядька, лицо которого показалось мне почему-то знакомым. – Я один во всем здании.

– Ясно. А когда каникулы кончатся?

– Наверное, после Рождества... Хотите чаю? – вдруг спросил он. Я смерила дядьку удивленным взглядом.

– Я? Нет. Спасибо.

– А жаль... Чай у меня отличный.

– Верю на слово, – кивнула я, сделала ручкой и вышла на улицу.

Весь день я потратила на то, что разъезжала по городу, навещая многочисленных знакомых с просьбой одолжить денег, в пересчете на доллары удалось собрать пять сотен. К одиннадцати вечера стало ясно: мне ничего не остается, как навестить мужа. Делать это очень не хотелось, свидание не обещало быть приятным, к тому же обращаться к нему с просьбой накануне развода... в общем, сами понимаете...

Оттого, подъезжая в половине двенадцатого к казино, я пребывала в скверном расположении духа.

– Олег здесь? – спросила я у дежурившего в холле парня. Он кивнул, а я, не снимая шубы, прошла в ресторан. Все столики в нишах были заняты, что настроения тоже не прибавило. Разговор с мужем придется вести на повышенных тонах, а скандалить лучше всего подальше от граждан.

Но в тот день везением и не пахло, оттого я устроилась за столом в центре зала, бросив шубу на соседний стул. Подошел официант и спросил:

– Будете ужинать?

– Нет, – ответила я, он исчез, но через пять минут вновь стоял рядом и говорил, сияя улыбкой:

– Олег Петрович освободится только через час.

– Ничего, – в ответ улыбнулась я, думая при этом: «Вот дерьмо», и добавила ласково: – Я подожду.

Прошло минут двадцать, в течение которых я без всякого интереса разглядывала скатерть, и тут почувствовала на себе чей-то взгляд, повернулась и за столом слева обнаружила дядьку, с которым утром встретила в офисе. Правда, теперь на нем был хороший костюм, рубашка и галстук, а я вдруг сообразила, отчего лицо его показалось мне знакомым, это он вчера вечером выходил из Вовкиной машины. Что ж, человеку надо было разменять валюту или, наоборот, купить ее, дело обычное. Правда, для рядового строителя заведение моего мужа явно не по карману.

– Здравствуйте, – сказал он и застенчиво улыбнулся, а я кивнула в ответ. Дядька тут же поднялся со своего места и пересел ко мне.

– Чего вам там не сиделось? – проявила я интерес.

– У вас плохое настроение, – вздохнул он.

– Точно. А вы что, специалист по хорошему настроению?

– Конечно. – Он опять улыбнулся, протянул руку и на моих глазах на его ладони каким-то фантастическим образом появился апельсин. – Прошу, – сказал дядька.

– А, вы фокусник, – хмыкнула я и взяла апельсин.

– Нет. Хотя, род моей деятельности несколько сродни этому виду искусства.

– Вы имеете в виду работу строителя? – съязвила я. – Похоже на правду. Мы въехали в новую квартиру, она выглядела как картинка, а потом... потом пришлось делать капитальный ремонт.

– Я не это имел в виду, – засмеялся дядька. – Строитель не основная моя специальность, то есть у меня их очень много...

– Я поняла, – довольно неучтиво перебила я. – А теперь, если вы не против, я еще немного поизучаю в одиночестве узор на этой скатерти.

– Извините, – пожал он плечами. – Я чужой в этом городе... А у вас глаза грустные. И я подумал...

– Много думать вредно. Двигайте за свой стол.

– Извините, – еще раз сказал он и так улыбнулся, что мне вдруг стало стыдно. Я покачала головой и принялась объяснять:

– Я жду мужа. Мне предстоит крайне неприятный разговор.

– У вас все будет хорошо, – кивнул дядька и пересел за свой стол, а в зале появился Олег. На целых пятнадцать минут раньше.

– Привет, – сказал он хмуро, сунул руки в карманы брюк и на меня уставился.

– Может, ты сядешь? – разозлилась я.

– Зачем? Я могу выслушать стоя все, что ты пожелаешь мне сказать.

– Сядь, черт возьми, – не выдержала я. Он сел, взял салфетку и принялся вертеть ее в руках. – Завтра Новый год, – неожиданно для себя сказала я.

– Да, я слышал.

– Где собираешься его встречать?

– У Славки, наверное.

– Большая компания?

– Не интересовался.

– Слушай, – вздохнула я, – мне нужны деньги.

– Много?

– Пять тысяч долларов.

– Зачем? – удивился муж, а я разозлилась:

– Денег дашь?

– Разумеется. Если скажешь, для чего. Пять штук серьезная сумма.

– У меня... неприятности.

– Да? – не поверил муж. – Расскажи мне о них.

– Слушай, какая разница? – Я вздохнула и добавила на полтона ниже: – Юлька потеряла деньги, до третьего их надо вернуть.

– А-а, – кивнул Олег. – Ясно. С прискорбием вынужден констатировать: в жизни ничто не меняется, по крайней мере в твоей.

– Прекрати паясничать.

– Уже прекратил. – Он отбросил салфетку и посмотрел мне в глаза. – Денег не дам. Все.

– Послушай...

– Все, – повторил Олег. – Когда я на тебе женился, я считал, что иду под венец с красивой, веселой, умной девчонкой, немного со сдвигом, но зато доброй, а получил мать Терезу, которая то приводит бездомных собак, то сидит с чужими детьми, устраивает кого-то на работу, кому-то чертит диплом, твои чокнутые подруги месяцами живут у нас, потому что у одной в квартире ремонт, другая разводится с мужем, а третья ключи теряет... И так два года подряд. Скажи на милость, ты сама как считаешь: это нормально?

– Они мои друзья...

– Ага. А я твой муж. Но тебе на меня наплевать. Пусть твоя Юлька сама выкручивается. – Он поднялся и, не оборачиваясь, прошел через зал, а я, подхватив шубу, в крайней досаде направилась к выходу. Ведь знала, что ничего путного из этого разговора не выйдет...

– Этот парень ваш муж? – раздалось откуда-то слева, а я от неожиданности вздрогнула, оглянулась и увидела своего недавнего собеседника.

– Теперь, можно сказать, бывший.

– Он вас любит, – заявил дядька, а я усмехнулась.

– Это вы в его глазах прочитали?

– Конечно. Пойдемте выпьем.

– Хотя я и развожусь с мужем, но привычек не меняю, так что...

– Зря отказываетесь, – заметил он лукаво. – Завтра Новый год. Время, когда любое чудо возможно.

– Я не верю в чудеса.

– Быть этого не может.

– Откуда вам знать? Впрочем, я забыла, вы фокусник. Подарите мне еще один апельсин или надувной шарик?

– Ну, это ерунда, этим я обычно развлекаю детишек, но раз в год я выполняю настоящие желания. Могу осуществить вашу мечту или что-то в этом роде.

– Слушайте, кто вы? – невольно засмеялась я, а он ответил:

– Санта-Клаус, разумеется. Так как насчет выпить?

– Хорошо, – кивнула я, и мы отправились в бар. Он был занятым собеседником, и мы просидели часов до трех, а потом он проводил меня домой. – Кофе пить не приглашу, – заявила я возле подъезда.

– Да я не рассчитывал, – улыбнулся он. – Так что там насчет желаний?

– Три желания? – усмехнулась я.

– Это только в сказках. На самом деле я готов выполнить их все, только раз в год и только для вас.

– Что ж, – засмеялась я, а потом неожиданно серьезно сказала: – Я хочу помириться с мужем.

– Чего ж проще, он вас любит...

- На самом деле все очень сложно...
- Считайте, вы уже помирились, – отмахнулся он. – Что еще?
- А я разозлилась и ответила:
- Еще пять тысяч долларов. Потянете? – Он засмеялся и спросил:
- Еще?
- Хватит с вас, – бросила я, входя в подъезд.

Мой новый знакомый появился у меня в половине десятого вечера, я как раз пекла пирог, намереваясь встречать Новый год в одиночестве. В дверь позвонили, я открыла и увидела Санта-Клауса. Конечно, никаким Санта-Клаусом он не был, но его имя было мне неизвестно, в общем, выходило, быть ему Санта-Клаусом.

- С наступающим, – сказал он.
- Спасибо.
- Зайти можно?

– Конечно. – Он снял пальто и шапку, я проводила его в комнату, бросив насмешливо: – У вас осталось всего два с половиной часа.

Он протянул мне коробочку в пестрой обертке, украшенной лентой, и сказал:

- Откройте ровно в двенадцать, и вы поверите в чудо.
- Разумеется, в коробке домовый, который будет следить за тем, чтобы мы с мужем не ссорились.
- Ну... – Он пожал плечами, а потом засмеялся.
- Хотите чаю? – В этот момент сработал таймер, и я бросилась в кухню вынимать пирог из духовки.

Мой гость вошел следом.

– По-моему, превосходный пирог, – заметил он, выглянул в окно, и что-то похожее на беспокойство мелькнуло в его лице. Я тоже выглянула: прямо напротив подъезда остановился Вовкин «Фольксваген», а вскоре и он сам появился.

- Это мой приятель, – заметила я.
- Что ж, не буду вам мешать.
- А как же чай? – удивилась я.

– Я зашел только на секунду, – хохотнул дядька, быстро оделся и вышел. – С Новым годом, – сказал он и подмигнул мне, а я, теряясь в догадках, ответила:

– С Новым годом. – И закрыла дверь, но запирать не стала, ожидая, когда появится Вовка. Через пару минут он влетел, как ураган.

- Слушай, у тебя есть кто-нибудь в управлении? – заорал он с порога.
- А в чем дело? – опешила я.
- Поехали... Черт, да одевайся ты быстрее.

– Ты что, с ума сошел? Через два часа Новый год. Какое управление? – Вовка пролетел в комнату и принялся метаться, как тигр в клетке, что-то невнятное бормоча под нос. – Чего случилось-то? – робко спросила я, сообразив, что Новый год не сулит мне ничего хорошего.

- Кинули меня, на пять штук, соображаешь?
- О господи, – простонала я, опускаясь на диван. – Как же так?
- А вот так... Ну, артист, ну...
- Может, толком объяснишь, что к чему?

– А чего объяснять... обвел вокруг пальца, как пацанов. Три дня назад подошел мужик, поменял двести баксов. Нормальный мужик, интеллигент, одет прилично. И физиономия, ни за что не скажешь, что жулик. Вчера опять подходит, говорит: «Ребята, две тысячи не поменяете?» Ну, мы: «Поменяем», а он: «Давайте ко мне в офис», здесь, говорит, за углом. Пришли, он, я и еще один парень из наших, у меня столько бабок не было. Сидим, базарим, этот гад рубли у нас взял, в сейф положил и в соседнюю комнату, дверь не закрывает, базарит с нами, принес, значит, бабки. Они у него в той комнате лежали, ну и все путем... А потом говорит: «Ребята, крупная сумма нужна. Сделаете?» Я говорю: «Когда?» – «Возможно, завтра». Я, говорит, подойду. И подошел... ну, артист.

– Сегодня подошел? – уточнила я.

– Ну... и все опять как в прошлый раз: взял рубли, пересчитал, убрал в сейф и в соседнюю комнату за баксами. А мы, два придурка, сидим, сейф-то вот он, перед нами, даже сердце не екнуло. А мужик все говорит и говорит, уболтал вконец, ушел в комнату и что-то больно долго его нет. Тут мы, конечно, забеспокоились, пошли узнать, в чем дело, а в офисе ни души. Чудеса, думаем, как же мы теперь без этого придурка баксы из сейфа вытащим? Вызвали милицию...

– И что?

– Ничего. В соседней комнате дыра, как раз в той стене, возле которой сейф стоит, и в сейфе дыра тоже: в задней стенке. Он вышел, взял через эту дыру наши денежки из сейфа и смылся...

– А где этот офис? – насторожилась я.

– Говорю, в Казанском переулке, фирма «Лана», ты ж знаешь...

– Конечно, – пробормотала я. – Но если он офис снимал...

– Снимал... Три дня. Пришел к хозяину, говорит, помещение нужно под офис, я, говорит, ремонт сначала сделаю, а потом, говорит, заключим договор, чтоб аренду платить с учетом ремонта. Соображаешь? Отремонтировал, гад, дырку в стене соорудил. Ну, артист...

– Постой, ты, когда сюда входил, никого в подъезде не встретил?

– Нет.

– Как же так? – растерялась я.

– Никак. Поехали, ментов поторопить надо, может, найдут. Ведь где-то этот гад...

Тут хлопнула входная дверь, и в квартиру влетела Юлька.

– Я их нашла! – заорала она, кидаясь ко мне в объятия.

– Кого? – обалдела я.

– Кого, кого, деньги. Отгадай, где? Ни за что не догадаешься. Я ведь думала, что кошелек на сиденье бросила, а на самом деле засунула его во внутренний карман шубы и даже на пуговичку застегнула, чтоб не потерять. А сегодня ключи искать стала и нашла.

– Что же ты, дура несчастная, кошелек в шубе найти не могла? – рявкнула я.

– Так я ведь в шубе-то не искала, я думала, он в машине.

– Знакомая все публика, и речи тоже знакомые, – услышала я голос мужа, вздрогнула от неожиданности, повернулась и увидела его, он стоял, прислонясь к двери, без намека на оптимизм в глазах.

– Ты приехал? – пробормотала я.

– Ага. Зашел поздравить. С Новым годом, дорогая, – хмыкнул он и приоткрыл дверь. Я бросилась за ним, ухватила его за рукав и втащила назад в прихожую, потом распахнула дверь пошире и рявкнула:

– Давайте на выход, Юлия Максимовна, Владимир Иванович, прошу...

– Ты чего? – удивился Вовка.

– Ничего. Выметайтесь. Я никуда не поеду, потому что скоро Новый год, а Новый год нормальные люди встречают дома...

– Ты их выгнала, – сказал муж, когда мои друзья наконец покинули квартиру. – Глазам своим не верю...

– Я тоже. Но не это главное. Один тип вчера сказал, по твоим глазам видно, что ты меня любишь. Это правда?

– Еще как, – вздохнул Олег, а потом засмеялся.

За окном шел снег, часы били полночь, и мы пили шампанское. И вот тут я вспомнила про подарок, маленькую коробочку в яркой обертке. Улучив момент, когда Олег вышел в кухню, я торопливо ее вскрыла и засмеялась: доллары были аккуратно свернуты в трубочку. Я была уверена: здесь пять тысяч, и пересчитывать не надо, пробралась в ванную с телефонной трубкой в руках и позвонила Вовке. Конечно, он начал приставать с расспросами, но я предложила ему заткнуться и пусть не думает приезжать сейчас, ничего с его долларами не сделается, если пару дней полежат у меня...

– Мой новогодний подарок, – сказал Олег, надевая мне кольцо на палец. – И давай договоримся: на всю жизнь.

– На всю, – кивнула я и неожиданно фыркнула: – Сукин сын.

– Я сукин сын? – удивился Олег.

– Нет, конечно. Санта-Клаус.

Лариса Соболева

Последнее слово

Он встречал праздник живым, значит, вдвойне счастливым. В минуты, когда косая строила ехидные рожи, он видел глазенки шестилетней дочки Дуни и говорил себе: не смей умирать. Выжил ради нее и старшей дочери Насти, ради внуков, ради жены, да и ради себя тоже. Надо было очутиться перед костлявой, чтобы понять, как любит он близких и этот мир, как мало отпущено времени, как не ценил счастливые минуты, как стремительно пронеслась жизнь. Нет, еще чуть-чуть, хотя бы несколько месяцев вырвать у косой... Почему месяцев? Лет! Да, Борис Львович собрался пожить. Но теперь будет именно жить, а не биться над черт-те чем. Все, баста! Наука – молодым, а ему – мир, покой, счастье.

Напевая, в гостиную впорхнула Яна с двумя блюдами в руках, осмотрела стол в поисках свободного места. Это она сидела ночами у его постели до и после операции, это она выхаживала его с жертвенной самоотдачей, она боролась вместе с ним. Он залюбовался женой – молодой, стройной, прекрасной, как весна. Ей тридцать пять, а ему... страшно подумать, сколько ему лет. Нисколько! Он молод, в нем просыпаются новые силы, способные горы свернуть.

– Боря, телефон, – бросила Яна.

Он очнулся, трубка лежала на коленях и трезвонила.

– Настя? – улыбнулся Борис Львович. Дочь звонила уже пятый раз за вечер. – Отлично чувствую, как новый. Честное слово. Перестань...

– Дай мне, – забрала трубку Яна. – Он сидит в коляске, не встает, ничего не делает, я не разрешаю. Встречайте Новый год спокойно, завтра приедете...

Когда отец объявил, что женится на Янке, дочь пришла в ярость: папа сошел с ума. Иногда ему тоже так казалось, но Яна была не единственная влюбленная в него юная особа. Бориса Львовича никогда не обходили вниманием женщины, внешне он до сих пор хоть куда. Не худой, а стройный, не седой, а блондин, немножко приболел, ну, так с кем не бывает? Семьдесят? Ха, будет в марте. Он придет в норму. Восемь лет женитьбы опровергли прогнозы, мол, молодуха тебя в гроб вгонит раньше срока, рога вырастут до облаков и т. д. Родилась Дуня, потом дочь Настя смирилась, а внезапная операция – шунтирование – сделала жену и дочь закадычными подругами.

Борис Львович посмотрел в окно. Хлопья снега клубились под фонарями, остальное – земля и деревья – закуталось в голубоватый плед, делающий ночь светлой. Прожить почти семьдесят лет и ни разу не заметить, что снег бывает голубым, а под фонарями бледно-желтым. Куда ушла жизнь?

– Яна, твои гости, – сказал он, увидев, как по аллее осторожно движутся к дому две фигуры. Жена убежала встречать гостей.

Поскольку выписали его неделю назад, Яна отменила встречу Нового года у них, как бывало раньше. Настя поддержала ее, одна семья старшей дочери насчитывает шесть человек, а папе нужен покой. Но как оставить Янку без любимого праздника? Он уговаривал жену пригласить хотя бы кого-то из подруг, она не соглашалась. С друзьями жены не было времени познакомиться: работал, работа и довела его... но это в прошлом. Только сегодня, по привычке готовя на большое число гостей, жена расстроилась: кто же это съест?

– Тебе некого позвать? – спросил он.

– Есть одна подруга, у них с мужем тридцать первое – доходный день, работают до упора, может, и согласятся. А вдруг они тебе не понравятся? Это простые люди...

– Звони. Не хочу, чтоб ты скучала со мной.

Подруга и ее муж дали согласие, ведь из-за напряженных дней уходящего года не позаботились о том, как будут сами встречать Новый год. В гостиную вошел видный, высокий мужчина и славная, пухленькая женщина со смешливыми глазами, оба примерно того же возраста, что и Яна, которая светилась от радости, значит, радостно стало и Борису Львовичу.

– Это Лора и Родион, – знакомила жена. – А это Борис Львович.

– Еще кто-нибудь придет? – спросил Родион, вручая цветы Яне.

– Нет, – ответила она, забирая букет. – Нас будет четверо.

– А кто по двору шастал? Кажется, мужчина. Дворник?

– Не знаю... – озадачилась Яна, растерянно посмотрев на мужа. – Мы не держим дворника. Может, сосед елку решил спилить? У нас противный сосед.

– Где Дуня? – спросила Лора, вынув из пакета обезьянку.

– Дуню забрала моя мама, – ответила Яна. – Боре сейчас нужен покой, а Дуняшка у нас как ураган. Давай игрушку, передам ей. Садитесь за стол, а я поставлю в духовку гуся.

– Ничего себе, галерея! – произнес Родион, выставляя на стол бутылки и рассматривая стены, увешанные живописными работами.

– Вы бывали у нас? – осведомился Борис Львович.

– Не доводилось. Жена бывала, говорила, у вас картин море, но чтоб столько... И все-все настоящие?

– Нет, Борис Львович сам рисовал, – съязвила Лора, присев у камина и протянув к огню руки. – Обожаю живой огонь. А дом какой, а? Чудо из чудес. Уютный и красивый.

– Ну, дом, положим, старый, к тому же деревянный, – усмехнулся Борис Львович. – Его начал строить мой дед, тогда это место было пустым и почти ничего здесь не росло, а называлось загородной дачей. Теперь это черта города и даже не окраина. Отец продолжил строительство, а я только ремонтировал.

– Жена рассказывала, вы академик. Над чем работаете?

– Над новыми технологиями, – кратко ответил он.

Не хотелось говорить на эту тему. Ну академик, ну публиковался в иностранных журналах, получал награды, ездил на симпозиумы, работал за рубежом. Ему везло, как никому, удача просто баловала. А настоящая ценность вот – вошла в розовом воздушном платье до пят с вазой в руке и улыбкой, она вытщила его с того света. Еще Дунька, Настя, внуки, да и сама жизнь, каждое ее мгновение – истинная ценность. Тем временем Родион, изучая одну из стен, поинтересовался:

– Это кто?

– Врубель, – подойдя к нему, ответила Яна. – Дедушка Бориса был знаком с ним лично. Это Крамской, Рокотов... эскиз Бенуа... Репин. На этой стене русская живопись, а на той западноевропейская. Есть два рисунка Дюрера, голландцы.

– Я в живописи ни бум-бум... – Родион был потрясен, имена-то художников на слуху. – Но это же сокровище. Вы не боитесь жить в доме одни?

– У нас крепкие замки и решетки на окнах, – пошутила Яна. – За стол, ребята, уже одиннадцать! Мы придерживаемся традиции провожать старый год.

Борис Львович подъехал к столу на инвалидной коляске, хотя прекрасно может обходиться без нее, но Янка запретила ходить. Стоило послушаться, она ревела в три ручья, звонила Насте, ябедничала, дочь приезжала и... ужасные девчонки! Ему, привыкшему к непоседливости, невозможно усидеть. Да это ладно, можно потерпеть, а без сигаретки жизнь просто не мила. Однажды он втихую решил выкурить сигареточку – Янка застучала, словно специально следила. Ух, и скандал устроила! Зарекся курить, пока не разрешат выходить на воздух, уж там-то он найдет местечко, где его не поймают.

Родион налил женщинам шампанского, себе коньяк и хотел налить в рюмку Бориса Львовича, но Яна отвела горлышко, коньяк пролился на скатерть, а она строго предупредила гостя:

– Боря пьет сок. Апельсиновый, свежееотжатый.

– Янушка, в честь праздника... – попробовал возразить Борис Львович.

– Ни-ни, – упрямо тряхнула головой жена. – Я говорю тост. Трудный год был, особенно последние месяцы, но закончился он благополучно. Спасибо ему.

– И тебе, родная, спасибо, – ограничился короткой фразой Борис Львович, а хотелось сказать жене много добрых слов, которых мало говорил. Да при чужих как-то неловко.

Ему понравились друзья жены, они другие, чем он и его окружение, а все равно славные, земные. Борис Львович немного устал, но, глядя на счастливую жену, не жалел, что настоял пригласить друзей. Час промчался, как минута, послушали поздравление президента, загадали желания... Все, двенадцать! Наступил Новый год, вдохнувший новые надежды. Вдруг Яна подскочила:

– Ой, гусь!

– Гусь лишний, не суетись!

Лора не успела задержать хозяйку дома, та убежала. Родион встал из-за стола и разглядывал миниатюрные скульптуры у стен с картинами. Несмотря на то, что Лору смущал хозяин, по слухам очень уважаемый человек в научных кругах, она спросила, чтоб не сидеть дурой:

– Борис Львович, а вон тот мужчина с тигром кто?

– Библейский герой Самсон, раздирающий пасть льва, – ответил Борис Львович. – Он символизировал мощь России. Это бронзовая копия самого Козловского. В Петергофе были? (Лора отрицательно мотнула головой.) Побывайте. Там увидите эту скульптуру во всей красе, из пасти льва бьет фонтан.

Он рассказывал гостям о скульптуре «Поцелуй» Родена, мраморную копию которой сделал его ученик, и о варианте картины «Поцелуй» Густава Климта. Одинаково названы, а сколько разнообразия, таинства,

непостижимого вдохновения! Рассказал о танцовщице Лои Фуллер и тех художниках, кого вдохновил ее танец на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. Одну из картин, запечатлевшую словно летящую в прыжке танцовщицу, приобрел дед. Рассуждал о красоте, без которой жизнь была бы неполной, скудной... В сущности, он говорил не потому, что следовало занять гостей, открывал новизну и для себя в том, к чему привык и не замечал, а теперь многое видел по-новому.

– Что-то долго Яна возится, извините, пойду, помогу ей, – сказала Лора.

Борис Львович проводил ее взглядом и повернулся к гостю:

– Родион, вы курите?

– Курю.

– Так покурите. Мне не разрешают, я хоть подышу.

Вдруг раздался короткий вскрик, мужчины сначала вздрогнули от неожиданности, Родион обернулся, глядя на вход.

– Яна! – позвал Борис Львович. Вошла Лора, закрывая ладонью глаз и половину лица, прислонившись к дверному косяку, она подвывала. – Что там?..

– Меня ударил... – всхлипнула Лора. – Мужик какой-то...

– А Яна где? – запаниковал Борис Львович.

– Там... лежит...

Лора убрала ладонь, под глазом, на скуле, сочилась кровь. Борис Львович встал, намереваясь броситься в кухню, но тело отвыкло от резких движений, мигом ослабло, да и голова закружилась. Родион усадил его:

– Сидите, я сам посмотрю...

Он взял со стола столовый нож и выбежал. Борис Львович отдышался, оставаться в неведении не мог, посему поехал в коляске к кухне. Он не волновался, просто не было времени на переживания, он хотел знать, что произошло, хотел увидеть Янку. Борис Львович проехал широкий и темный коридор, свернул, показался светящийся проем, который почти полностью загородила большая фигура Родиона. Услышав движение за спиной, гость оглянулся, лицо его Борис Львович рассмотрел, когда подъехал близко, на нем отпечатался ужас, да, ужас. В чем причина?

И вдруг на полу Борис Львович заметил розовое платье жены. Платье? Нет, это Яна лежала на полу. Он почувствовал, как сердце внутри, предчувствуя беду, сжалось, стало маленьким, а в груди образовалось много места, так много, что ощущалась незаполненная и ненужная пустота. Еще не понимая, что случилось, он попытался встать, его удержал Родион:

– Туда нельзя, сидите. Я сам...

Он сделал несколько осторожных шагов, приближаясь к Яне, теперь Борис Львович видел жену полностью, она лежала на боку, вытянув одну руку вперед, вторая, согнутая в локте, покоилась у лица, вокруг ее головы блестело красное мокрое пятно. «Что это за пятно?» – недоумевал Борис Львович. И ни одного движения. Родион присел возле Яны, приставил пальцы к шее, затем растерянно посмотрел на хозяина.

– В «Скорую»... позвоните... – выдавил Борис Львович. У него не было сил встать, ноги будто окоченели, отмерзли.

– Да, конечно... – поднялся Родион. Он решительно направился к хозяину, развернул коляску и покатил в гостиную. – Милицию надо...

– Что с Яной? – требовал ответа хозяин. – Помогите ей...

Гость угрюмо молчал, привез его в комнату и растерянно огляделся, потом сообразил, снял с пояса мобильник и вышел в коридор. Борис Львович не слушал, что говорил Родион, только рассеянно смотрел на Лору, промокавшую бумажной салфеткой в дрожащей руке кровь на лице.

В комнату заползала тревога, наполняя пространство вокруг, трепетала в воздухе – ощутимая, будто состояла из невидимой материи. Тревога просачивалась и внутрь Бориса Львовича, наводняла собой пустоту вокруг сердца, оттесняя пульсирующий комок в груди. Приходилось усилием воли выдавливать тревогу, приносившую боль. Вернулся Родион.

– Помогите Яне, перенесите ее сюда, – попросил Борис Львович, так и не поняв, что именно случилось. – Вызовите «Скорую»...

– «Скорая» ей не понадобится, – сказал Родион, опустив голову. – Сейчас приедет милиция.

– Милиция? – вымолвил Борис Львович. – Зачем?

– Что с Яной? – Лора сжалась, глядя на мужа.

– Не знаю... – не находил нужных слов Родион. – Она... (Лора хотела побежать к подруге, но он ее перехватил у выхода.) Туда нельзя! Ждем милицию.

Внезапно пришло понимание: с его Янушкой беда. «Скорая» не понадобится? Почему? Как это

вместить в сознании? Яна только что была, бегала счастливая, улыбочивая, весенняя. Что произошло? Борис Львович откинулся на спинку коляски и запрокинул голову, дышал тяжело – не хватало воздуха.

– Вам плохо? Где лекарства? – засуетилась Лора.

– Коньяк... налейте... – произнес он слабо.

Выпив, не почувствовал облегчения, пытался постигнуть непостижимое, казалось, он спит и видит кошмар, кто-то должен разбудить его и рассеять страшный сон, поэтому ждал этого «кого-то», ждал с нетерпением. Раздался звонок у входной двери, Родион выбежал, Лора плакала. Послышались шаги, неестественно громкие, грубые, дохнуло морозной свежестью.

– Майор Добрынин, – представился мужчина в штатском, за ним стояли двое в милицейской форме. – Где труп?

– Труп? – вяло переспросил Борис Львович. – Какой труп?

Жуткое слово не могло относиться к Янушке. Но она там, на полу кухни... Борис Львович прикрыл лицо длинными и тонкими пальцами, будил себя: проснись, это наваждение. А по дому вновь раздавались шаги, слышались чужие голоса, диссонирующие с тишиной в гостиной, с елкой, праздничными гирляндами огней, с весельем по телевизору. Борис Львович перевел глаза на экран, Лора догадалась о его желании, выключила ящик. Время тянулось нескончаемо долго, а Борис Львович все еще находился в состоянии неопределенности, которое с полным основанием можно назвать шоком.

– Вы хозяин? – вывел его из задумчивости Добрынин.

– Да, – ответил Борис Львович.

– Убитая – ваша дочь?

– Как вы сказали? – Началось просыпание, но оно сулило продолжение кошмара. – Убитая?! Ее... убили?! Как это? Кто?

– Яна жена Бориса Львовича, – сказала Лора.

– Ваши документы.

Лора и Родион отдали паспорта, молодой милиционер что-то писал, сидя у столика в углу, Добрынин ходил по гостиной:

– Итак, минут двадцать первого ваша жена ушла на кухню. Зачем она туда пошла?

– За гусем, – ответила Лора сквозь рыдания. – Он в духовке...

– Кто обнаружил труп первым?

– Я, – сказала Лора. – Мне показалось, Яна слишком долго возится...

– Долго – это сколько? – уточнял Добрынин. Видя, что Лора не поняла, о чем он спрашивал, разъяснил:

– Сколько времени отсутствовала Яна, когда вы решили, что ее нет уже долго?

– Минут двадцать... – неуверенно произнесла Лора. – Или тридцать... Ой, не могу точно сказать. Я побежала помочь ей... Пришла на кухню, а там... она лежала на полу... Ну, я к ней хотела... думала, она в обмороке... и вдруг передо мной мужчина появился...

– Как он выглядел? – спросил Добрынин.

– Не рассмотрела. Он сразу же меня ударил в лицо.

– Что вы делали во время отсутствия Яны?

– Борис Львович рассказывал о картинах и статуэтках, – сказал Родион.

– Кто-нибудь из вас выходил с момента ухода Яны и до того момента, когда был обнаружен труп?

Например, в туалет?

– Нет, мы все время были здесь, – ответил Родион.

– Ну и как же вошел убийца в дом? – скрестив руки на груди, произнес Добрынин, подозрительно глядя на супружескую пару.

– Видимо, когда мы приехали, – нервничал Родион, – Яна забыла запереть дверь. Она торопилась сесть за стол, проводить старый год.

– А почему вы именно так думаете? – подлавливал его Добрынин. – Почему решили, что дверь убитая оставила открытой?

– Потому что, когда вы приехали и позвонили, а я вас встречал, дверь была открыта. Значит, вошел он и вышел...

– Понятно, – прервал его Добрынин, после чего обратился к Борису Львовичу: – Вы хорошо знаете этих людей?

– Мы познакомились сегодня, – с трудом говорил тот.

– Простите, как же к вам в дом попали незнакомые люди? Да еще на такой сугубо семейный праздник?

– Мы подруги с Яной, – вскипела Лора. – Мы предприниматели, работаем в праздники допоздна. Яна позвонила днем и предложила встретиться Новый год у нее дома, мы согласились. Что в этом такого? Вы что,

нас подозреваете?!

– Я выясняю, гражданка, обстоятельства убийства! – прикрикнул на нее Добрынин. – В доме убит человек, кроме вас троих, никого здесь не было...

– Ну, вы даёте! – окрысилась Лора. – Прекрасно начался новый год, нечего сказать! С чего это нам убивать Янку?

Добрынин сделал несколько шагов и остановился напротив Лоры:

– В доме, как я вижу, много ценностей. Вы хотите сказать, что хозяйку убили из-за гуся, которого нет на кухне?

– Что?! – вышла из себя Лора, подскочив. – Родион, слышишь? Между прочим, мы люди не бедные. У нас два супермаркета, третий готовим...

– Гражданка, сядьте! – рявкнул Добрынин.

Лора упала в кресло и залилась слезами, спрятав лицо в ладонях.

В это время вошел второй милиционер, отдал Добрынину некий предмет в целлофановом пакете, который майор положил на край «горки» с посудой.

– Осмотрите пол в коридоре и в кухне на предмет следов ног, – отдал приказ милиционеру. – Если найдете, сравните их с обувью в прихожей. Свидетельница утверждает, будто в дом проник посторонний мужчина.

– Угу, – сказал милиционер и скрылся.

– Тогда ответьте, если вы такой умный, – подняла голову Лора, рыча от возмущения. – Кто мне по скуле заехал? Может, я сама себя до крови разбила?

– А вам, гражданка, не кажется странным, что забравшийся в дом неизвестный мужчина почему-то убил хозяйку, а вам всего-то по скуле заехал?

– Казаться должно вам, – огрызнулась Лора. – Может, он собирался и меня грохнуть, откуда мне знать! Я его отпихнула, потом убежала. Он меньше меня ростом!

– Вы ничего не слышали? – обратился Добрынин к Борису Львовичу и Родиону. – Никакой возни? Шагов? Звуков?

– Телевизор громко работал, – сухо сказал Родион.

– Постойте, постойте... – заерзала Лора. – Получается, раз я выходила... то я и убила?! Да? И чем же я убила?

– Тупым предметом, нанеся удар по голове, – спокойно сказал Добрынин, для которого все было предельно ясно. Он поднял целлофановый пакет, показал всем окровавленный топорик. – А точнее, этим топориком для отбивания мяса. Как видите, тупая часть в крови, а нашли его у трупа.

– Да как вы смеете...

– погоди, Лора, – перебил ее муж, которому явные подозрения майора тоже не понравились. – Вы считаете, моя жена способна нанести удар с такой силой, что и череп проломила?

– Вы примитивно мыслите, – усмехнулся Добрынин. – Ваша жена вышла на кухню, да? Почему не допустить, что она впустила убийцу в дом?

– А, я понял, – протянул Родион, разозлившись. – Вам надо повесить убийство на нас, да? Хорошо работаете! Тогда скажите, зачем мы вызвали вас, а? Грохнули Янку, а Бориса Львовича оставили, да? Нелогично. Почему мы его не прибили, не забрали... эти ценности и не смылись? Чего молчите? Объясните нам наши действия, а то я не пойму, в чем наша выгода.

Он был прав, убийство преследует цель, а цели нет. Добрынин хмурился и смотрел в пол. Вдруг Лора вскрикнула:

– Родион! Мы же видели мужчину...

– Точно! – вспомнил тот. – Когда мы с женой приехали, по двору шастал мужчина...

– Как он выглядел? – подхватил Добрынин.

– Не запомнил, темно было... да и не приглядывался. Ходит и ходит, нас заметил, спрятался.

– Я запомнила, – вставила Лора. – Он на бомжа похож... одет плохо. Мы о нем сказали Яне и Борису Львовичу, верно, Борис Львович?

– Что? – вынырнул из забвения хозяин дома.

– Ну, помните, мы говорили про мужчину, подумали, дворник, – напоминала Лора. – А Яна сказала, что дворников вы не держите...

– Да, да, помню, – едва кивнул Борис Львович.

– Вот вам и объяснение! – размахивая руками, с жаром говорил Родион. – Бомж! Он заглянул в окна, увидел, где кухня, пробрался в дом, когда мы были за столом. Но он не знал, что Яна на кухне, пришел туда и... молотком ее ударил. Потом забрал этого чертова гуся, а тут моя жена... Чем он тебя ударил?

– Кулаком, – ответила Лора.

– Вот! – указал на жену Родион. – Кулаком, потому что молоток валялся на полу, я видел, когда подходил к Яне и прощупывал пульс на ее шее! Моя жена убежала, смылся и он. И не надо вешать на нас...

– Лужин! – позвал майор. В дверях показался кислый и равнодушный лик второго милиционера. – Что со следами?

– Грязные отпечатки есть, а четких следов нет, – вяло, будто ему лень языком шевелить, ответил Лужин. – Чьи они – не разобрать, обувь была в снегу...

– Плохо, плохо, плохо, – проговорил Добрынин, отходя от него к стене, затем через плечо отдал приказ: – Посмотри вокруг дома, нет ли следов. У окон в особенности. – Лужин нехотя поплелся на улицу, а Добрынин, попросив разрешения позвонить по телефону, набрал короткий номер. – Алло, это майор Добрынин. Машина нужна... Труп перевезти... Так мы же на легковой... Я понимаю, происшествий сегодня много, но не до утра же нам тут торчать!.. Понял. – Набрал еще один номер, такой же короткий. – Алло, с вами говорит майор милиции Добрынин, мне нужна ваша помощь... Перевезти труп в морг... Послушайте, мы на легковой, в багажник мне прикажете труп уложить?! А вы «Скорая», это входит в ваши прямые обязанности... Черт! Бросила трубку, ведьма. У них, видишь ли, все машины на выезде! Ну, я ей устрою, век помнить будет. Что скажешь? – спросил вернувшегося Лужина.

– Есть следы у окон в кухню, но снегом занесло. Размер приблизительно сорок второй. Кажется, ботинки армейские.

– Так... – слегка раскачиваясь вперед-назад, произнес Добрынин, он думал, что ему делать. Взглянув с сочувствием на потрясенного хозяина, мягко обратился к нему: – Папаша...

– Его зовут Борис Львович, – процедила Лора.

– Борис Львович, – поправился Добрынин, – мы оставим вашу жену до завтра? А завтра, то есть сегодня днем, перевезем...

– Куда перевезете? – механически спросил Борис Львович.

– В морг. Надо сделать вскрытие, установить причину...

– Не надо в морг, – выговорил он, еще не соизмеряя слова «смерть», «морг», «убийство» с Яной.

– Так положено, – развел руками Добрынин. – Куда можно отнести вашу жену? Нужна холодная комната. Борис Львович, вы меня слышите?

– Слышу, – ответил тот все так же механически, потом указал вялым движением руки. – В той части дома есть комната для гостей... прямо по коридору...

– Отлично, – встал со стула Добрынин, хлопнув себя по коленям, и уже более строго сказал Родиону: – Помогите нам.

Все вышли. Пару минут Борис Львович сидел, глядя в одну точку, заслышав шум шаркающих ног в коридоре, подъехал к дверному проему. Пронесли Яну, один милиционер держал ее за плечи, второй за ноги, а за корпус – Родион. Пепельные волосы Яны, свесившись вниз, раскачивались в такт движениям, половина волос слиплась от крови, безвольная рука с аккуратно покрашенными ногтями болталась, как тряпичная. И только розовое нарядное платье напоминало о празднике, которого ждали с нетерпением, надеясь, что со старым годом уйдет все плохое. Наступил Новый год и в первый же час сделал «подарок» – смерть. Борис Львович пережил многих: уходили близкие, друзья, коллеги, старые и молодые, хорошие и не очень. Он принимал смерть, ведь иначе нельзя, но сейчас не мог принять, не мог, и все тут. Он нашел в себе силы спросить рядом стоявшего Добрынина:

– Вы уверены? Может, она жива?..

Тот скосил на него глаза и лишь отрицательно покачал головой, покачал с жалостью и с состраданием, а чем он еще мог помочь? Борис Львович снова попробовал встать, ему это не удалось, нужны силы, а сил как раз и не было. Когда тело жены пронесли, он поехал за ней в коляске, чувствуя, как быстро слабеет. В комнате Лора включила свет, Яну положили на кровать. Кто-то тронул за плечо, Борис Львович поднял голову.

– Я спрашиваю, простыня есть? – сказал Добрынин. – Накрыть тело.

– В шкафу, – тихо ответил он.

Лора раскрыла створки, достала простыню. Полотно, взметнувшись вверх, покрыло Яну, слегка обрисовав силуэт. А розовые туфельки на высоких тонких каблучках остались открытыми, да край юбки, соскользнув, выбился из-под простыни. Только сейчас, глядя на туфельки и юбку, Борис Львович осмыслил случившееся. Он выжил, а Янка, которая должна была его пережить, ушла. Может, это кто-то там, за облаками, подло посмеялся над ним? Наверно, ему пришло время умереть, но он хотел выжить и выжил. И теперь кто-то сверху отнял Янку, отомстил за его желание жить.

Глаза застил туман – накатили слезы. Борис Львович сильный человек, он не плакал, когда хоронил

мать и отца, не плакал, когда потерял родного брата, не плакал, теряя друзей. Не заплачет и сейчас, хотя больно и обидно. Он прикрыл ладонью глаза, ощущал, что едет, над ним кто-то всхлипывал, видно, это Лора. Затем откуда-то издалека раздался голос Добрынина:

– Мы вынуждены вас задержать.

– Как задержать? – запаниковала Лора, но и ее голос доносился издалека. – На каком основании? Почему задержать?

– Поедем в отделение, откатаем ваши пальчики...

– Послушайте, мы не можем оставить Бориса Львовича, – горячилась Лора. – Недавно он перенес тяжелейшую операцию на сердце. Как его оставить одного в такой ситуации? Вы люди или кто?

– Мы никуда не денемся, откатаете нас позже, – сказал Родион.

– Да не вас откатаем, – хмыкнул Добрынин. – Пальцы. Отпечатки снимем.

– Конечно, не денемся, – заверила Лора. – У нас два супермаркета, готовим к открытию третий... Я что же, брошу все и убегу? Вы еще докажите, что это мы... Ну и Новый год! Все, больше ни на один праздник, ни к каким знакомым, даже к родственникам, не хожу!

– Папаша... Борис Львович, – тут же поправился Добрынин, – вы как?

– Нормально, – отняв руку от лица, сказал он.

– Распишитесь. – Майор положил на колени папку с листом, протянул авторучку. – Вот здесь.

– Что это?

– Протокол. Прочтите и подпишите.

Борис Львович прочел «шапку»... не было сил читать дальше, он поставил росчерк внизу исписанного листа, Добрынин взял протокол вместе с папкой.

– У вас есть родственники? – поинтересовался.

– Да. Дочь.

– Позвонить ей, чтоб приехала? Понимаю, праздник, неприятно получить такой удар... Извините, я должен задержать этих граждан.

– Я сам позвоню. Делайте, что считаете нужным.

– В таком случае прошу пройти с нами, – официальным тоном сказал Добрынин супругам.

Лора подступила к нему почти вплотную и прошипела:

– Вы бессердечный. Вы не человек, вы зомби. Погодите, я на вас жалобу накатаю во все инстанции, я вас так достану...

– Гражданка, прошу пройти в машину. Борис Львович, вы все же позвоните дочери, вам нельзя оставаться одному. И закройте дверь.

– Хорошо, хорошо... – отозвался тот.

Дом опустел. Стало тихо. Лишь маятник напольных часов отмеривал время, в котором теперь не было смысла. Словно специально в такт маятнику зажигались и гасли огоньки новогодних гирлянд. Борис Львовичу не сиделось, он бесцельно проехал вокруг стола, выехал в коридор, где было темно, достиг кухни, включил свет. На полу мелом очерчена фигура, там, где голова, – лужа крови. Борис Львович поехал назад. Гостиная, праздничный стол, огни и много света. Свет раздражал. Он погасил верхний свет, сидел в полумраке, раздавленный и не способный ни на что, пока не раздался звонок. Не торопясь, так как силы иссякали, Борис Львович подъехал к накрытому столу, взял трубку.

– Это я! – послышался радостный голос Насти, затем несколько голосов громко выкрикнули: – Поздравляем! С Но-вым го-дом!

– Спасибо, я вас тоже поздравляю.

– Папа, здоровья тебе! – повизгивала Настя, заливаясь смехом. – Не огорчай нас больше, будь умницей, слушайся Яну. Кстати, где Янка?

Он никогда никого не жалел, об этом вспомнил лишь сейчас. Ему не важны были ни семья, ни дочь с внуками, ни две бывших жены, ни собственная жизнь. Он все отдавал работе, не щадя ни себя, ни других, он был фанатом, для которого существовала только цель – открытие и победа. Разве можно было его любить, прощать? Он даже Янке, отдавшей ему свою молодость, посвятившей всю себя капризам старика, будто делал одолжение, позволяя его любить, а сам любви не додал. Что сказать дочери теперь, когда ему невыносимо трудно, когда он нуждался в участии? Яны нет, по какой-то нелепой случайности ее убили прямо в доме, убийца убежал, а возможно, это друзья жены ее убили. Это сказать? Испортить праздник, как всегда он делал, не считаясь ни с кем, только с собой? Заставить дочь мчаться среди ночи к нему?

– Яна?... Она... на кухне, – солгал он.

– Зови ее!

– Милая, я так устал... Завтра увидишься с ней.

– Ой, прости, папа. Ладно, передай Янке наши поздравления. Еще раз поздравляем тебя, целуем вас обоих. Пока.

– Передам, – сказал он гудкам в трубке.

Один. Впервые Борис Львович почувствовал себя глубоким стариком с усталостью на плечах. Его так придавило, что не мог оставаться в кресле, поехал в спальню, где с трудом перебрался на кровать. Он неудобно лежал спиной на подушках, а сердце, ставшее маленьким, робко вздрагивало: тук... тук-тук... тук... Борис Львович повернул голову – рядом пустовало место. Стоило ему ночью зашевелиться, Яна тут же просыпалась, и тихо, чтоб не потревожить его, если он спит, звучал ее шепот:

– Тебе плохо?

Иногда он делал вид, будто не слышит, часто без причин раздражался или пренебрежительно бросал: «Воды принеси». И Янка мчалась за водой или за чем другим, что ему вовсе не было нужно. Она обладала потрясающим терпением, Борис Львович оценил это еще до операции, у него было время взглянуть на себя со стороны и ужаснуться. Перед больницей он написал ей письмо на тот случай, если никогда не вернется. И не отдал, положил в ящик письменного стола. Она помогла ему выжить и так нужна ему...

Но что, если сон продолжается, а на самом деле ничего не было? Вот сейчас войдет Янка, скажет, как она устала, сбросит платье прямо на пол, переступит через него, на ходу надевая сорочку, и бухнется на кровать. Потом придвинется к нему, станет тепло и хорошо. Если б она вошла...

Он смотрел на дверь, мысленно повторяя: «Войди, а то у меня мало времени». Борис Львович видел в полумраке только дверь, остальное расплывалось, не имея четких линий. С новым вдохом дверь приближалась, а с выдохом удалялась, и удалялась с каждым разом все дальше, дальше... Где она – Янка?

Все же дверь открылась. Борис Львович сначала услышал скрип, потом увидел полоску света и фигуру. Яна пришла, как всегда приходила по первому его зову, она не могла не прийти, хотя ее уже нет. А он есть. Зачем он есть? Он должен был уйти, а не она. Яна неспешно и бесшумно скользила к нему в своем розовом платье, правда, цвет он уже не различал, просто знал: платье розовое. Наконец увидел ее лицо с удивительно внимательным взглядом, будто она собиралась спросить: «Как ты, что хочешь?» Милая, чудная, не оставила его. Только бы успеть сказать, попросить прощения... а сердце все медленнее и протяжнее вздрагивало, он слышал его...

Она наклонилась к нему, Борис Львович вдыхал ее запах. Дурак, атеистом был, оказывается, вон как все выглядит.

– Янушка... – сказал он.

Или ему почудилось, что сказал? Своего голоса не расслышал. И ударов сердца больше не слышал. Но он жив... кажется. Или уже нет? Лицо Яны таяло, таяло... таяло...

Яна тронула его за грудь:

– Борис...

Он не ответил, смотрел перед собой, хотя только что дышал. Яна прощупала пульс. Пульса не было. Значит, конец. Она вышла, плотно закрыв дверь. В гостиной Яна налила коньяка половину бокала, выпила залпом, утерла губы тыльной стороной ладони, потом взяла телефон.

– Янка, ты? – почти закричал Родион.

– Я, я, – говорила она тихо. – Ты где?

– В машине сижу... Ждал твоего звонка. Ну, что там?

– Можешь войти.

Яна поднялась, слегка пошатнулась, потеряла плечи ладонями – она ужасно замерзла, ее била дрожь. Посмотрев в зеркало, салфеткой попробовала вытереть волосы, но они ссохлись. Яна закрутила их в жгут и заколола шпилькой. Вбежал Родион, не раздеваясь и не говоря ни слова, подлетел к столу, налил коньяка в рюмку и опрокинул ее в рот. Только после этого взглянул на Яну с опаской:

– Ты уверена?

– Пульса нет.

– Ну и крепкий старик... А говорила, сразу дуба даст. Нет, представь: видит, что ты труп, – и ничего. Да у него сердце крепче, чем у меня.

– Я сама перепсиховала, особенно когда он разговаривал с дочерью.

– Звонил ей?! – ужаснулся он.

– Она ему.

– Ты, говорила, все продумала... – опешил Родион. – А провод чикануть не сообразила?

– Он ничего не сказал дочери.

– Фу, напугала, – отер пот со лба Родион.

– Боже мой... неужели все закончилось? – Радости в интонациях Яны не слышалось, да и лицо было с

выражением плаксивости, однако держалась она неплохо. – Со всеми расплатился?

– Обижает, – уже улыбался Родион. – Успели даже форму ментам отвезти, бабки тоже, не волнуйся, все остались довольны.

Яна снова налила в бокал коньяка, сделала пару глотков и упала на диван. Дрожь не проходила. Слишком много людей вовлечено, ее это пугало, но спектакль предполагал участие нескольких человек, без них она не могла обойтись. Они не должны были подпустить мужа к ней – труп.

– Нас не сдадут? – задала она мучивший ее вопрос.

– Мои парни? – усмехнулся Родион, подсев к ней и обняв за плечи. – Это надежные ребята, проверенные. Классно разыграли старика, а?

– Бездарно, – промямила Яна. – Ели б он не был в шоке, сообразил бы, что его дурачат.

– М-да, папаша обожал тебя. Мне его даже жалко стало.

– Зря, что ли, я старалась? Не помню, когда спала последний раз положенные семь часов. – Он притянул ее к себе, но она отстранилась. – Не сегодня и не здесь. А твоя артисточка погорелого театра не сдаст?

– Артисточка знает, с кем имеет дело, язык вырвем. – Он обвел взглядом стены. – А теперь скажи честно, на сколько это все тянет?

– Здесь не все, еще в квартире полно, – хмуро проговорила Яна. – Я приглашала одного типа, он сказал лишь приблизительную стоимость коллекции.

– Ну и сколько, сколько? – не терпелось узнать ему.

– Одни голландцы миллионов на восемь потянут. Баксов.

Родион присвистнул, затем улыбнулся:

– А забивала баки, будто устала от папаши. Я, как сюда попал, сразу понял, дело в картинках и статуэтках.

– Я и устала. Ошибочно приняла благоговение перед светилом за любовь, за что и наказана тем же светилом. Я устала настолько, что даже радости не испытываю.

– Брось заливать, за бабки вышла замуж.

– Да особых бабок у него не было, – вздохнула Яна. – Только картины и скульптуры, но ему не приходило в голову расстаться с ними, когда были трудности. Я ему дочь родила, а тут его центр ликвидировали, он уехал за границу, нас оставил, перебивались кое-как, пока наш папочка вновь не стал на ноги. Приму душ. Посиди здесь, а то мне не очень...

Яна мылась тщательно и долго, будто смывала убийство с себя. Да, она убила, но признаться в этом – значит на всю жизнь обречь себя с совестью, а Яна добивалась совсем другого. Был розыгрыш, неудачно закончившийся для одного из участников, вот и все. Вода привела ее в чувство, освежила, она вышла из ванной более уверенной. На кухне быстро вымыла пол, вернулась в гостиную:

– Светает, уезжай, Родион, – сказала она.

– А дочка его не догадается?

– Никто не догадается, – улыбнулась Яна, но вымученно.

Да, случилась естественная смерть. Кого удивит, что человек после операции прожил мало? Ему любое волнение, даже положительные эмоции противопоказаны, а праздник – это всегда волнение, натруженное сердце не выдержало. Яна обняла за шею Родиона, прильнула губами к его губам, потом отстранилась:

– Уезжай. Предстоит трудный день, хочу набраться сил.

Оставшись одна, она поднялась наверх, в кабинет мужа. Ключи, где-то лежат ключи от нижнего ящика письменного стола. Сейфа у него нет, поэтому все ценности он хранил в ящике, оттуда доставал и деньги. Она искала ключи во всех закоулках – на полках, среди книг, в других ящиках, в старинном чернильном приборе, который стоял для украшения. И не нашла. Родиона выставила зря, он бы вскрыл замок. Когда все места были исследованы, Яна с полчаса вычисляла, где мог Борис Львович прятать ключи еще. Внезапная мысль в первое мгновение покорила ее, да только другого выхода не было.

Яна открыла дверь спальни, не переступая порога, всматривалась в тело на кровати. Муж лежал в той же позе, в какой она оставила его, глаза Бориса Львовича все так же смотрели прямо. Преодолевая страх перед мертвецом, она приблизилась к мужу, постояла в нерешительности, затем молниеносно обшарила карманы. Небольшая связка из трех ключей лежала в брюках. Яна взяла их, сказав мертвому телу:

– Прости, я заслужила освобождения...

Выбежав из спальни, Яна понеслась наверх. Открыв ящик, она достала металлическую коробку, подобрала ключ. Пачка баксов – это хорошо, на первое время хватит. Награды. Некоторые стоят баснословные деньги. А это еще что? Конверт. Надпись: «Янушке». Она присела в кресло, читала, слыша его голос:

– «Милая, ненаглядная, Янушка. Я многое передумал и должен сказать тебе, что ты мне послана как награда за мое бескорыстие и труд. Да, я трудился, думал о благе человечества, но не думал о тех, кто рядом со мной, не думал о тебе. Прости меня. Сейчас, не зная, вернусь ли я из больницы, меня не покидают мысли о вас, моих самых родных и любимых. Я должен о вас позаботиться. Янушка, ордена и ценные награды моего деда, включая орден Андрея Первозванного с бриллиантами, а также награды моего отца и мои отдай внуку. Он мужчина, хранить память о нас – это его прямая обязанность. Вклад в банке – к сожалению, я не накопил много – оставь себе. Нашу городскую квартиру со всем скарбом тоже оставляю тебе, обязательно выйди замуж и люби – мой тебе наказ, теперь ты обеспечена жильем, это важно. Дачу, наш старый дом, оставляю Насте, ей хватит, она и так не бедствует. А картины и скульптуры пусть достанутся Дуняшке. Она маленькая, время нынче тяжелое, когда вырастет, меня не будет, а ей понадобятся деньги. Пускай распорядится картинами и скульптурами на свое усмотрение, они ей помогут получить хорошее образование и устроить свою жизнь. Впрочем, я все написал в завещании, оно у нотариуса, моего приятеля. Думаю, ты одобришь мое решение. Но в завещании нет главного – моей любви и благодарности вам. Прощай, моя хорошая, живи счастливо. Боря».

Это был удар. Скомкав письмо, Яна вышла из кабинета, шатаясь, достигла гостиной. Оглядев стены, она беззвучно заплакала, повторяя:

– У меня ничего нет... Ничего... Несправедливо...

Наталья Солнцева

Медальон

Стоял сухой, теплый октябрь – тротуары были усыпаны разноцветной листвой, а небо, еще синее, сквозящее через золотые кроны деревьев, придавало провинциальному городку печальную прелесть, воспетую лучшими русскими поэтами.

Арина с мужем собирались на вечеринку. Они поженились несколько лет назад, летом, после недолгого ухаживания, и были вполне счастливы. Детей, правда, пока бог не дал, но супруги не расстраивались: проживут для себя, порадуются молодым забавам, наладят быт, а там, глядишь... и появится на свет их долгожданный первенец. Они оба хотели мальчика, даже имя ему придумали – Кирилл. Красивое имя.

Дмитрий, муж Арины, придирчиво наблюдал, как жена одевается. Она ему нравилась – очень. После свадьбы с каждым годом все сильнее, с какой-то горькой, мучительной страстью он любил ее, со страхом, что ускользнет, вырвется из его рук эта сияющая жар-птица. Арина, во время их знакомства тонкая, изящная, пышноволосяя, в замужестве словно созрела, как сладкий, налитый хмельными соками плод. Ее фигура приобрела мягкую округлость, плавность линий, горделивую статью, а повадки живой и смешливой девушки сменились неторопливой, томной женственностью. В Арине появился и все разгорался смертельно опасный для мужских сердец огонь, то ледяной, до оцепенения, до стылой дрожи в груди... то жаркий, тяжкий, до остановки дыхания, до изнеможения, до нежнейшей истомы...

– Иногда мне кажется, что ты превращаешь меня в пепел, – признался однажды ночью Дмитрий.

Арина только засмеялась – тихо, блестя в темноте глазами и влажной белизной зубов. Муж лежал рядом, пытался справиться с новой волной желаний.

Она и сейчас поднималась в нем, захватывая с неодолимой, дьявольской силой, – от того, что Арина в своем любимом платье из вишневого шелка стояла перед зеркалом, подняв руки и закалывая волосы в большой небрежный узел на затылке. Она могла не заботиться ни об аккуратности прически, ни о стиле и дороговизне своих нарядов, ни о правильности манер, – ни о чем таком. Она и без того была ах, как хороша! Сказочно, нечеловечески прекрасна! И это пугало и мучило Дмитрия. При том что жена не была красива в общепринятом смысле – черты ее лица скорее неправильны и не отвечали требованиям моды, грудь не выдавалась вперед двумя шарами; талия недостаточно узка, а ноги не соответствовали требуемой длине, – при виде Арины у мужчин, что называется, *дух захватывало*. У всех – от мала до велика, у простых рабочих и очкастых интеллигентов, у спортсменов, клерков, таксистов, военных, у бедных инженеров и богатых бизнесменов – без исключения. Благо эстрадные звезды и олигархи, которых Дмитрий считал самыми опасными соперниками, в их маленький городок не заглядывали. А то бы не видать ему Арины, как собственных ушей. Увезли бы, умыкнули, осыпали золотом и бриллиантами, соблазнили шелестом зеленых купюр, заморскими пляжами и загородными дворцами, – поминай, как звали.

От подобных мыслей мутилось в голове, ломило виски и ныло, болело все тело. В такие мгновения Дмитрий мог решиться на что угодно... на самое страшное. Он готов был грех взять на душу...

– Тьфу, тьфу... – шептал он в ужасе от нарисованных воображением картинок. – Убереги, боже!

Жена закончила причесываться, повернулась к нему с улыбкой.

– Ну, как?

Опять! Так он и думал – на ее открытой шее снова проклятый медальон! И далась ей эта старомодная побрякушка!

– Сними его, – взмолился Дмитрий. – Я тебе золотую цепочку купил, кулон с рубином! А ты не носишь.

Арина лениво повела плечами, вздохнула – от этого ее вздоха тысячи молний пронзили взволнованного супруга – и сделала отрицательный жест.

– Бабушкин подарок, – смиренно опустила она глаза. – Мне к лицу.

Чтобы совсем уж не огорчать мужа, добавила:

– Хочешь, я еще твой рубин надену? Но, Дима, согласишься, два украшения на шее будут выглядеть... вызывающе.

Что она имеет в виду?

– Ладно, пошли, – скрывая недовольство, буркнул он.

Подал, дыша ее духами, легкое полупальто «под леопарда», помог застегнуть короткие сапожки, безукоризненно облегающие точеные щиколотки... с замиранием сердца открыл перед ней дверь. Что он делает? Если бы мог... запер бы Арину в крепкой, надежной клетке, никуда бы не выпустил.

По аллее между красных кленов и старых, раскидистых лип они шли уже в сумерках. Под ногами шуршали листья. Солнце в осенней дымке низко стояло над крышами медным шаром. Из садов тянулись дымы от костров, пахло поздними яблоками, пожухлой травой. Скоро отзвенит бабье лето, пойдут унылые, затяжные дожди, полетят первые мокрые снежные хлопья. Не за горами зима...

Арина молча шагала, держа мужа под руку. Чего он пристал к ней с этим медальоном? Вещь фамильная, старинная, память о бабушке. Подумаешь, не модно! Что такое мода? Мимолетный каприз.

Она вспомнила, как бабушка зажгла свечи, заиграла на коричневом, выдавшем виды пианино... Арина бросила кукол, прислушалась.

– Как эта музыка называется? – спросила она.

– «Молитва девы».

– А о чем *дева молится*?

Бабушка погрузилась, задумалась.

– Да все об одном, – неохотно сказала она. – Мала ты еще! Не поймешь.

– Не мала! – обиделась Арина.

– На, посмотри лучше шкатулку, – предложила бабушка.

Шкатулка из слоновой кости составляла все их богатство – на крышке с закругленными краями была изображена девушка с длинной косой, сидящая у окна. А внутри шкатулки одиноко лежал золотой медальон на бархатной ленте.

– Вырастешь – твой будет, – обещали Арине.

По овалному краю медальона вился цветочный узор, а посередине красовался непонятный вензель: переплетение латинских букв. Вынимать медальон и тем более надевать его Арине строжайше запретили, но она только об этом и мечтала. Однажды она тайком забралась в шкаф, достала из шкатулки медальон и...

– Ах ты, негодница! – возмутилась бабушка, застав Арину на месте преступления. – Сейчас же положи обратно!

Подчиняясь внутреннему порыву, девочка нацепила украшение и ни за что не соглашалась его снять.

– Рано еще, – вздохнула бабушка, устав гоняться за ней по всему дому. – Ну да, видно, так тому и быть. Носи.

– Что это за медальон? – пристала Арина к бабушке. – Расскажи.

– Вещь редкая и не простая. Из-за нее можно самое дорогое потерять, а можно самое дорогое найти.

Больше бабушка ни слова не добавила, как Арина ее ни упрасивала. С тех пор она с медальоном не расставалась и, только выйдя замуж, решила, что украшение сыграло свою роль в ее жизни. Теперь она надевала медальон в исключительных случаях. Сегодняшняя вечеринка не являлась каким-то знаменательным событием, но Арину вдруг потянуло к заветной шкатулке...

– Мы пришли, – сказал Дмитрий, открывая перед женой дверь ресторана «Марица». – Где ты витаешь?

Сие заведение, самое престижное в их скромном городке, славилось дороговизной, блюдами венгерской кухни и пронзительной игрой скрипок. «Под занавес» музыканты исполняли зажигательный «Чардаш», неизменно вызывая восторг публики и пьяные крики «браво».

Вечеринку устраивал приятель Дмитрия – по поводу прощания с родиной: парень решил продать свой талант программиста, компьютерного гения подороже, в Европу, туда, где деловые люди готовы выложить приличную сумму за «русские мозги».

Появление Арины, как обычно, вызвало оживление в зале, несмотря на полумрак. Все свечи запыхают после десяти, когда выйдут на маленькую круглую сцену бородатые музыканты и грянут, рассыплются в воздухе виртуозные пассажи, заплачут, застонут, зарыдают струны... А пока что посетители ресторана вяло переговаривались, был слышен стук приборов, шарканье ног официанток в национальных венгерских костюмах; пахло пряностями, женскими духами и горячим вином. Представители мужского пола искоса, тайком от своих дам, бросали жадные взгляды на Арину. Дмитрий занервничал, он так и не привык к вниманию, которое повсюду привлекала его молодая жена.

Застолье началось шумно, бестолково – часто произносились тосты, звенели рюмки, никто никого не слушал, все весело смеялись, наливали, пили и ели. Когда же гости насытились, захмелели, отяжелели от обильной еды и крепких напитков, им потребовались иные развлечения. Одни занялись разговорами, другие пустились в пляс, тем более что давно уже настроили скрипки бородачи в вышитых рубашках, подпоясанных широкими цветными поясами, и, притоптывая, закрывая от наслаждения глаза, заскользили, запорхали смычками, извлекая из своих инструментов летящие, божественные, сумасшедшие звуки...

Горящие свечи отражались в зеркалах и стекле бокалов, в густой черноте окон... в расширенных темных зрачках женщин, в украшениях на их груди и в ушах, ложились отблесками на гладкую, нежную кожу. Дмитрий невольно взглянул на медальон на шее Арины... и содрогнулся. Отчего? Он и сам не мог

понять. С самого первого раза, как медальон попался ему на глаза, он произвел на него отталкивающее впечатление – тусклый, с красноватым оттенком, покрытый множеством мелких царапин, он казался чуждым свежести и юности Арины, современным тенденциям простоты форм и сияющему гляncy поверхностей, ясному течению жизни, к которому привык Дмитрий. Медальон, словно осколок, жалкий обломок исчезнувшего мира, напоминал о бренности всего вокруг и, главное, о бренности самого бытия, а значит, и человеческого существования, и его любви к Арине, и ее любви к нему. Это уж совсем было невыносимо, и он возненавидел медальон, как никакую другую вещь. Он даже удивлялся порой, что старое украшение вызывало у него – рассудительного и спокойного мужчины – такую бурю чувств. Если быть до конца честным, то от этого медальона у Дмитрия... мороз шел по коже, каждый волосок на теле вставал дыбом, а душу охватывало томительное предчувствие беды: неминуемой и непоправимой. От медальона просто исходил могильный холод, в чем супруг имел глупость признаться Арине.

– Да ты что? – возмутилась она. – Это же фамильная драгоценность! Представляешь, когда-то давно кто-то любящий заказал медальон для обожаемой женщины... она его носила, любовалась им... надевала, быть может, на бал, где решила ее судьба, или на венчание... или на память в разлуке...

Последние слова особенно больно ранили Дмитрия – он взвился, взорвался, не в силах сдержаться, набросился на Арину, осыпая ее несправедливыми, обидными упреками... бессмысленными по сути. Как будто она угадала, каким-то истинно женским чутьем нашла самую уязвимую, самую кровоточащую точку в его душе. Дмитрий быстро остыл, раскаялся и умолял о прощении.

– Не понимаю, что на меня нашло, – виновато оправдывался он. – Ты меня любишь?

– Конечно.

Арина не лгала – она действительно любила мужа... во всяком случае, она искренне так считала. Разве она вышла за него не по любви? Глупости. Какая-то, весьма значительная часть ее, несомненно, любила Дмитрия. Но другая... *скрытая* Арина всегда ждала кого-то... неизвестного, тайного возлюбленного, созданного ее воображением или... запечатленного ее памятью... прадавней, которая не знает времени, не знает пределов... Ум почти не оставляет надежды на встречу с *ним!* Поэтому женщина берет с ладони судьбы то, что предлагается взамен... здесь, сейчас. Но не перестает *ждать* .

Арина думала, так устроены все браки, даже все романы. У нее самой было несколько – еще в школе, потом на первом курсе института. Потом... появился Дмитрий, она сразу влюбилась в него. Мечты и реальность никогда не сходятся! Можно смотреть на звезды... а жить на земле.

Вечеринка в «Марице» была в разгаре. Арину приглашали наперебой, супруг делал вид свободного от предрассудков мужчины, который не ревнует по пустякам и позволяет жене развлекаться. Она ведь не переступает границы приличий – просто веселится, танцует. Она – скромная, не распущенная женщина и не станет вульгарно заигрывать с чужими кавалерами.

– Может быть, хватит? – шепотом спросил он Арину, когда та, раскрасневшаяся и довольная, устало опустила на стул, потянувшись к стакану с водой. – Пойдем домой.

– Ну-у-у... почему, Димка? Тебе скучно?

– Надоела эта цыганщина! – слишком резко, зло произнес он. – Бьет по нервам.

Арина обиженно молчала. Скрипки играли все пронзительней, с надрывом, в их протяжно-визгливых звуках и вправду сквозило нечто цыганское, разгульное, бесшабашное. Как и в нарастающем экстазе танцующих пар.

– Еще немножко побудем? – просяще улыбнулась Арина.

Дмитрий сдался, не сумел ей отказать.

Ближе к полуночи в ресторане появилась новая публика. Пустой столик в углу – видимо, заказанный заранее – заняли два серьезных, респектабельных джентльмена лет сорока: они увлеченно беседовали. Рядом расположилась компания молодых людей «криминальной» наружности; крепко сбитые, коротко стриженные, накачанные, в модных костюмах, с золотыми перстнями на коротких пальцах, они много пили, громко смеялись и отпускали плоские шуточки. Явно не местные, незнакомые и уже «заведенные» парни вели себя вызывающе. Один из них так и прилип взглядом к Арине. Дмитрию это ужасно не понравилось.

«Зачем я ее сюда привел? – с запоздалым сожалением подумал он. – Но не сидеть же ей взаперти?»

– Кто те двое? – вдруг спросила она мужа.

– Где? А! – Дмитрий с облегчением вздохнул: Арина интересовалась не подозрительными молодчиками, а вполне интеллигентными мужчинами. – Вон тот, с проседью и в очках – если не ошибаюсь, чиновник из районной администрации. А второй... кажется, богатый иностранец русского происхождения. Банкир. Небось удачную сделку обмывают!

– Какую сделку?

– Иностранец, по слухам, собирался купить Глухую Пустошь или взять в долгосрочную аренду... что-

то такое. Видимо, они договорились.

Арина, которая всегда была равнодушна к новостям подобного рода, сейчас проявила странное, настойчивое любопытство.

– Глухую Пустошь? – волнуясь, переспросила она. – Зачем?

– Понятия не имею, – пожал плечами Дмитрий. – Там, говорят, поместье чье-то было, задолго до революции. Ну, а теперь... *бывшие* пытаются вернуть себе родовые земли, мода у них такая пошла. Ностальгия!

– Думаешь, это бывший владелец?

– Разумеется, нет. От тех помещиков, наверное, и косточек не осталось. Истлело все – вещи, идеалы, имущество. Взять хоть твой медальон – куда он сейчас годится? Смешно, ей-богу, напяливать на себя трюфельный антиквариат из прабабкиного сундука! Ты бы еще корсет и фижмы носила!

Арина пропустила его сарказм мимо ушей. Известие о продаже Глухой Пустоши взбудоражило ее. Местные обходили этот заросший березами и осинами пологий холм стороной – ни ягод там не собирали, ни грибов, и пикников не устраивали, только приезжие могли остановиться, устроиться на отдых у дороги, развести костер... и то ненадолго. Почему? Да кто ж знает! Холм, пользующийся дурной славой, спускался к пруду – заболоченному, в камышах и осоке. На пруду водились дикие утки, и рыба, говорят, ходила в мутной от ила воде, жирная, непуганая. Но даже заядлые охотники и рыбаки не забрасывали в ивняке у берега удочек, не прятались в засаде между раскидистых кустов. Если в Глухую Пустошь забредала коза – поминай как звали; если отбившаяся от стада корова – осторожный пастух вглубь не заходил, звал хозяев. Их скотина – пусть сами ищут.

О Глухой Пустоши, как и о многом другом, Арина впервые услышала от бабушки. Та была сдержанна: объяснила, что место худое, и запретила туда ходить. Арино любопытство сослужило ей плохую службу: с тех пор ее стало тянуть к зачарованному холму, особенно по ночам. Часто во сне она брела между освещенных луной осин, а белые стволы берез казались призрачными девушками... тонкими, с печально распущенными волосами. «Берегись... – шумели они. – Берегись...»

– Тьфу ты, – тряхнула она головой, отгоняя непрошенные воспоминания. Повернулась к мужу, спросила: – А зачем этому иностранцу Глухая Пустошь?

– Откуда мне знать? – с досадой ответил Дмитрий. – Чудит человек! Богачи, они вообще странные: если что взбредет на ум – вынь да положь. Может, он лесопилку там оборудует или... дом построит – огромные деревянные хоромы с резьбой, с парадным крыльцом, с баней – этаким дворцом-избушкой, – будет заграничных гостей сюда возить, удивлять русской дикостью.

– Почему дикостью? – не поняла Арина.

Супруг хотел растолковать ей особенности национального уклада, но отвлекся: подвыпивший молодчик с бритым затылком, который глаз не сводил с Арины, подошел, шутовски поклонился.

– Она не танцует, – напрягшись, чувствуя, как вспотели ладони, сказал Дмитрий.

– А я и не приглашаю, – осклабился тот. – Слышь, парень, че у твоей телки за побрякушка на шее? Где ты ее откопал, в натуре? На мусорке?

– Гы-гы-гы-гы! – дружно загоготали его приятели.

«Ну, вот, доигралась женушка, – холодея от страха, подумал Дмитрий. – Ведь просил же не надевать чертов медальон! Разве она послушает? Теперь эти не отстанут: нашли зацепку. Как же быть?»

– Тебе-то какое дело? – скрывая растерянность, с показной небрежностью произнес он.

– Купить хочу! Продай.

У Дмитрия скулы свело от бессильной ярости. Он что же, собирается купить его жену? Набил карманы грязными деньгами и возомнил себя большим боссом, хозяином жизни? Как такому ответить, какими словами?

Арина, распахнув серо-зеленые глаза, дергала его за рукав: не связывайся, мол, не нарывайся.

– Это моя женщина! – взревел Дмитрий, теряя над собой контроль. – Понял ты, ублюдок?

– Ты че, псих, да? – оторопел молодчик. – Ребята, он псих! Решил, я его бабу хочу!

Скандал разгорался, привлекая всеобщее внимание.

– Арина, пошли отсюда, – шепнул жене Дмитрий. – Быстро!

Он взял ее за руку и потащил из-за стола.

– Я побрякушку покупаю, мудака! – оскорбленно завопил бритоголовый и потянулся к шее Арины. – Продай мне эту штуку! Сколько просишь? Я не жадный! А телка сама за мной побежит. Гляди! – Он вынул и рассыпал под ноги молодой женщине пачку крупных купюр. – Она «зелень» любит, козел, а не тебя! Кто больше даст?!

Новый взрыв хохота на мгновение заглушил скрипичные пассажи. Дмитрий побледнел, сжал зубы.

– Дай пройти, – процедил он.

Парень между тем присматривался к Арине, – его хмельные глаза скользили от медальона вниз, по ее груди, наливаясь кровью. Она схватилась за бархатку на шее, сжала ее побелевшими пальцами. Продать медальон? Ни за что!

– Вот дура! – ухмыльнулся бритоголовый. – Я тебе брюлики куплю! Оставь своего лоха, на кой он тебе сдался?

Он схватил Арину и дернул к себе. Она вскрикнула, но крик потонул в звуках музыки, хохоте и пьяных возгласах приятелей наглого молодчика. Тот увлек ее танцевать, крепко обнимая за талию. Дмитрий не ожидал подобного, рванулся было следом... его приостановил один из гостей, кто был потрезвее.

– Не кипятись. Пусть потанцуют! Не съест он твою Арину. Не накаляй обстановку!

Свечи обгорали, гасли с тихим шипением, стекали по канделябрам. Из кухни неслись запахи жареного мяса и специй, мешались с запахом разгоряченных человеческих тел, густыми ароматами парфюмерии, живых астр в вазах. Под потолком мелькали, разгоняя душный воздух, яркие лопасти вентилятора. Музыканты вошли в раж, их неистовые смычки заставляли скрипки плакать, захлебываться... В полумраке почти нельзя было разглядеть танцующих, и Дмитрий мучительно напрягался, ловя в вихре рук, ног и развевающихся одежд вишневые всплески Ариной юбки...

– Где она?

Как-то незаметно, вдруг, не стало видно ни этих всплесков, ни самой Арины, ни «крутого» парня, который хотел купить медальон. Дмитрий, не помня себя, никого не слушая, задыхаясь от ужаса, выбежал из зала в холл, из раскрытых настежь дубовых дверей с медными ручками – в холод осенней ночи... и только успел боковым зрением ухватить ускользающие за поворотом красные задние огни автомобиля.

– Они увезли Арину! – ничего более не соображая, не в состоянии ни о чем больше думать, как в горячке, твердил он. – Они ее увезли! Увезли...

Кто-то с сочувствием качал головой, кто-то ахал и охал, кто-то сунул Дмитрию в руку ключи от белого «Жигуля», приткнувшегося у забора, освещенного ресторанными фонарями.

– Езжай! Может, еще догонишь...

На открытую террасу вышли и двое солидных, уверенных в себе мужчин, которые обмывали то ли куплю-продажу, то ли аренду Глухой Пустоши.

– Хороша девка, – не совсем прилично, зато от души, выразился чиновник и поправил очки. – А муж у нее слюняй. Проворонил красавицу! Теперь ищи-свищи!

– Какая девушка? – на ломаном русском переспросил иностранец. – Та, с медальоном? Интересное украшение.

– При чем тут медальон? – с сердцем сказал чиновник. – Пропавшее дело! Разве они девчонку отпустят? Натешатся и бросят... или убьют. Пьяные, они дурные становятся. Звереют! – Он махнул ухоженной, полной рукой.

– Куда они поехали?

– Вам-то какая разница? – с неприязнью покосившись на иностранца, вздохнул чиновник.

* * *

Машина, в которую заставили сесть Арину, мчалась напрямик в Глухую Пустошь. «Крутые» парни не знали местных поверий, они вообще были без предрассудков, – на грунтовку свернули с основной трассы потому, что она вела в лес, подальше от света, от людских глаз и проезжающих автомобилей.

«Куда вы меня везете?» – хотела спросить Арина, но горло свела судорога. Они ее не отпустят, это ясно. От ужаса мутилось в голове, приступами накатывала тошнота. Тот бритоголовый, который хотел купить медальон, сидел рядом, поигрывал ножом. Приставив лезвие к ее ребрам, он вывел девушку из зала – они выглядели как страстно влюбленная пара: тесно приникшие друг к другу, дрожащие. Он – от сильного возбуждения, она – от страха.

– Крикнешь – убью, – шепотом предупредил «галантный» ухажер. – Поняла?

Арина поспешно кивнула: нож упирался острием в бок, больно царапал кожу.

В машине ее покинула последняя надежда выпутаться, спастись. Может быть, это всего лишь кошмар, который иногда ей снится? Когда свернули к Пустоши, Арина почти поверила, что она спит и видит жуткий сон, – ведь частенько ночами она «оказывалась» среди осин и берез, белеющих в лунном свете... там, у подножия холма, в неподвижной, тяжелой тишине, когда ничто не шелохнется, ни лист, ни травинка. Когда становилось очень страшно, Арина просыпалась. Но не в этот раз.

Кроме нее и пьяного парня с ножом в автомобиле был водитель. Он сидел за рулем, не поворачивался и молчал, как немой. Его крепкий, литой затылок блестел, покачивался в такт движению. «От такого пощады не жди», – подумала Арина. Если бы она могла молиться, то молилась бы. Но она не могла. Страх заполнил ее всю, лишил воли.

Шофер вел машину по грунтовке, потом съехал в лес, остановился между деревьев. Фары выхватывали из темноты наполовину голые кусты, чахлые березки. У холма, перед пологим подъемом, выросла молодая рошица; она переходила в зрелый осинник чуть выше.

– Останься здесь, – коротко сказал водителю молодой человек с ножом. – Жди.

Арина стучала зубами от холода и нервного озноба, ее ноги с шелестом, с хрустом проваливались в опавшую листву. Казалось, этот звук разносится по всему лесу. Неужели никто не услышит, не придет на помощь?

– Иди вперед, – приказал похититель, грубо подталкивая ее в бок.

За кустами он повалил ее навзничь, придавил своим телом и начал беспорядочно, жадно целовать ее лицо, шею, нырнул рукой в вырез платья, рванул. Арина закричала: большой сук впился ей в спину, прямо в лопатку... от боли потемнело в глазах...

Возня, треск веток, шорох листьев, застилающая сознание боль мешали ей слышать, как подъехал еще какой-то автомобиль, как после короткой борьбы упал рядом с открытой дверцей «мерса» бритоголовый шофер и как метнулась в кусты, на ее сдавленные стоны, темная фигура. Кто-то попытался оторвать от нее разъяренное потное тело, алчущее ее плоти, – Арина извернулась, но не смогла сбросить с себя тяжелого, сильного зверя. Не отпуская женщины, он сделал резкое движение, доставая откуда-то из кармана или из-за брючного ремня твердый предмет, блеснувший и громко, молниеносно плюнувший огнем...

Защитник Арины упал, но она этого не видела, она плохо соображала, изо всех сил отбиваясь от вновь навалившегося с хрипом, с яростной жестокостью охмелевшего от страсти самца, которому мешают осуществить желаемое. Он вывернул ей руку и, задирая юбку, впился железными пальцами в нежную кожу бедер... вдавливая Арину в землю, на тот самый сук, что острием пробивал теперь ее позвоночник... Ей казалось, она кричит, – но только сдавленное дыхание со свистом вырывалось из ее искусанных в кровь губ...

Наверное, Арина впала в беспамятство и поэтому не почувствовала, как обмякло чужое, ненавистное тело, ослабили хват грубые руки и на ее лицо капнула сверху густая теплая капля... еще... и еще...

Она не слышала, как незнакомый мужской голос произнес:

– Убери его!

И кто-то стащил, перевалил на спину безжизненное тело, отволоч в сторону. Не видела и не почувствовала Арина, как склонились над ней, бережно оправили обрывки вишневого платья, подняли и понесли к машине, уложили в тепло, на сиденье, прикрыли чьим-то пиджаком. Как мужская рука легко прикоснулась к медальону на ее шее, сбившемся и перекрученному назад, расстегнула застежку бархатки и сняла украшение. Медальон лег на чужую широкую ладонь, заблестел золотым лепестком...

– Живая? – спросил кто-то.

– Цела и практически невредима! Он и сделать-то ничего не успел, мерзавец! Помял только, испугал до смерти, да синяков и ссадин наставил. До свадьбы заживет.

– Красивая...

– Это она, – с акцентом произнес иностранец. – Я знал, что найду ее здесь.

Никто ничего не понял, поэтому все промолчали.

– Что с ее мужем? – спросил он.

– Мертв.

– Как это случилось?

– Не повезло. Тот, бешеный, убил его. Один выстрел... и наповал. Ведь не промахнулся же, подонок, в темноте! Жалко парня.

– Возжаждал любви... сего вечного «обмана жизни», как Бунин писал, – с трудом выговорил иностранец. – Сладкого плода, коего вкушать пагубно для сынов человеческих.

– Так единственный же шанс урвать что-то у постылого существования! – возразил самый высокий из охранников. – Каждый ищет изюминку в пресном калаче, да не каждому она попадет.

Иностранец кивнул, с нежностью и тоской посмотрел на медальон, подошел к машине, где лежала Арина, осторожно поправил ее свисающую с сиденья руку. Вот и пришел конец его скитаниям. Сейчас он увезет эту женщину по туманной дороге... в другую жизнь. Ему предстоит многое объяснить ей. Поймет ли?

На Глухую Пустошь опускалась голубоватая от лунного света дымка.

– Откуда туман взялся? – поеживаясь от холода, недоумевал водитель черного «Хаммера», который привез сюда заграничного банкира. – И тишина, как в склепе. Жутко мне, ребята.

– Гиблое место, – шепотом произнес один из охранников. – Говорят, здесь уже происходило что-то подобное. Лет сто или двести назад... то ли женщина утопилась в пруду, то ли здешний помещик стрелялся на дуэли с заезжим гусаром. И потом пошло-поехало...

– А где пруд?

– Там, за холмом... зарос почти.

Между деревьев, заволакиваемые туманом, стояли две машины с открытыми дверцами – «Мерседес» бритоголовых и «жигуленок» приятеля Дмитрия. Рядом лежали три трупа.

– Наведите порядок, – велел банкир. И указал на Дмитрия: – Парня положите в его авто.

– А... куда остальных? И тачки?

– Туман... – выразительно произнес иностранец и сел в «Хаммер». Как будто этим было все сказано.

Туман становился гуще, курился в лунной мгле. «Хаммер» осторожно выехал из леса, покатил по грунтовке. Не прошло и минуты, как он совершенно растворился в непроглядной ночи...

* * *

– Арина, просыпайся, – настойчиво повторял мужской голос.

Она открыла глаза, удивленно приподнялась:

– Димка, ты? Как ты меня нашел? А где...

Она не узнавала комнаты, бледная, с блуждающим взглядом.

– Тебе плохо? – забеспокоился муж. – Может, заболела? Тогда я позвоню, скажу, что мы не придем.

– Куда?

– На вечеринку, в «Марицу»! Забыла?

– О-о-о! – Арина со стоном закрыла глаза, зарылась лицом в подушку. – Господи, какой ужас!

Надо было вставать, собираться.

Дмитрий придирчиво наблюдал за одеванием жены. Вишневое платье... ну, конечно! И чертов медальон.

– Сними его, – взмолился Дмитрий. – Я тебе золотую цепочку купил, кулон с рубином. А ты не носишь.

И этот его недовольный тон, и это зеркало, в котором Арина любовалась своим отражением, и эти слова мужа были ей знакомы...

– Бабушкин подарок, – смиренно опустила она глаза. – Мне к лицу.

Безрассудное сердце ее замирало от предвкушения *встречи*. Ей ужасно хотелось увидеть того... иностранца, который купил Глухую Пустошь... услышать его голос, ощутить прикосновение его руки...

«Ты бредишь! – сказала она себе. – У тебя навязчивая идея!»

По аллею между красных кленов и раскидистых лип они шли уже в сумерках. Арина крепко держала мужа под руку. Из садов доносился запах дыма и зимних яблок.

«Без медальона он меня не узнает», – думала она.

В голове шумело, под ногами хрустела опавшая листва. Скоро отзвонит бабье лето, пойдут унылые затяжные дожди, полетят первые белые хлопья. Не за горами зима...

Гатьяна Устинова

Ангел пролетел

В ординаторской нарядили елочку, искусственную и немного кособокую, залежавшуюся с прошлого года в коробке. Глеб, взгромоздившись на шаткий пластмассовый стул, прицепил наконечник, грузно спрыгнул, и некоторое время все любовались необыкновенной красотой. За окном густо и бесшумно валил снег, главврач Шумаков прихлебывал кофе и вздыхал, а больше никаких звуков не было слышно. Даже лифт не гудел.

На елке вздрогнул и прозвенел колокольчик.

– Ангел пролетел, – тихонько сказала Маша, и все как будто украдкой оглянулись по сторонам, не увидят ли пролетевшего ангела. Только Шумаков не оглянулся, продолжал пить свой кофе и разгадывать кроссворд.

Ему было наплевать на всех ангелов в мире, такая уж у него была натура. Не романтическая.

А примерно в два часа дня в палате интенсивной терапии умер пациент. «Примерно» потому, что, когда дежурный врач заглянул в палату, медсестры на месте не было и больной уже не дышал какое-то время.

Поднялась некоторая паника, впрочем, не слишком активная – пациент был уже стар, и на благополучный послеоперационный исход никто особенно не надеялся.

Прибежал «сам Шумаков», который и делал операцию, и расстроился – операция была проделана блестяще, он очень старался, и, когда все удалось, как-то поверил в то, что и дальше все будет хорошо.

А больной взял и умер.

– Да что вы так расстроились? – то ли удивилась, то ли посочувствовала операционная сестра Нонна Васильевна, сворачивая провода и отцепляя датчики. – Он уж свое пожил, а вы все равно молодцом, Дмитрий Антонович!

Вот это самое «все равно молодцом» окончательно вывело Шумакова из себя.

Он саданул дверью, послал к такой-то матери санитарку, которой не повезло попасться ему по дороге, засел в ординаторской и закурил, чего никогда себе не позволял.

В дверь заглядывали, но зайти никто не решался.

Он выкурил три сигареты, методично бросая бычки в чью-то кружку с остывшим чаем – они всплывали и, коричневые от чая, болтались на поверхности. В раздражении схватил трубку непрерывно звонившего телефона и грохнул ее на стол рядом с аппаратом, швырнул на кушетку оставленный кем-то из дам в кресле пуховый платочек, от которого несло табаком и сладкими духами, и зарычал, когда дверь снова приоткрылась.

– Дмитрий Антонович...

– Вам чего?

– Там... пришли. К этому... к покойному. Вы... выйдите или сказать, чтобы обождали?..

Шумаков посопел носом, и медсестрица – от злости и тоски он позабыл ее имя – поглубже спряталась за дверь.

– Почему меня так раздражает слово «платочек»? – мрачно осведомился он.

Медсестрица в дверях сморщилась, понимая, что сейчас произойдет нечто страшное и предотвратить или остановить это никак нельзя, словно надвигающийся поезд. И переспросила жалобно:

– Что?.. Какое слово?

Напрасно она переспросила!

Впрочем, даже если бы не переспросила, изменить все равно ничего было бы нельзя.

– А такое слово! – заорал Шумаков, будто только и ждал этой возможности. – Вот такое вот слово, черт бы вас взял!.. «Платочек», мать вашу!.. Разбросали, как... как в будуаре! Это что?! Больница или бордель?!

– Я не знаю, – пропищала медсестрица и заплакала за дверью, – я не знаю, что вы такое говорите, Дмитрий Антонович...

– А вот об этом я говорю! – Он вскочил, двинул стол и опрокинул стул. Платочек валялся на кушетке, он сдернул его, скомкал и швырнул, но почему-то не в медсестрицу, а в сторону окна. – Развели тут, черт возьми, всякие дортуары, а что больные мрут, нам плевать, да? Куда дежурная сестра из реанимации подевалась? Елочку пошла наряжать?

– Да не знаю я! – провила медсестрица. Она утирала щеки и украдкой посматривала в коридор, не идет ли кто на помощь. Никто не шел, все знали, что главному нужно «выпустить пар».

Главный очень трепетно относился к своим больным. Он пришел в коммерческую медицину из Института Склифосовского и сильно отличался от закормленных молодых врачей, которые точно знали, что работа – это просто работа. Вот зарплата, вот премия, вот выходные с праздниками, а вот материал, с которым надо работать. Ну и какая разница, что материал этот – люди? Люди тоже материал!..

– Сестры на месте нет, по кушеткам у нас платочки валяются, а родственникам о смерти я должен сообщать, да?

– Дмитрий Антонович...

– Да идите вы!.. Срочно ко мне дежурного врача и эту дуру, которая из реанимации ушла! А родственникам скажите, чтобы ждали меня!

– Может, Глеб Евгеньевич скажет...

Медсестрица работала не первый день и, несмотря на свое безутешное горе из-за несправедливости главного, интересы свои все-таки соблюдала.

Главный поорет, успокоится, но запомнит, что она о нем в трудную минуту заботу проявила, предложила Глеба на амбразуру послать!..

– Не надо ничего, и идите вы отсюда уже!..

Платочек валялся на полу, отправлял ему жизнь.

Он знал, вскоре ему станет очень стыдно, что он так орал, просто нестерпимо стыдно, и придется как-то извиняться перед медсестрицей, имени которой он так и не вспомнил, и уговаривать совесть, и унимать гадливость по отношению к себе самому.

Он снова закурил, свирепо косясь на платочек, потом встал, поднял его и швырнул на кушетку. Ему казалось, что руки у него тоже воняют сладкими духами.

Узнал бы чей, убил бы!..

При мысли о смерти его опять всего перекосило, он двинул кресло, задел ножку стола, стол дрогнул, на нем закачалась искусственная елочка в горшке, украшенная тем, что он мысленно называл «фунтиками» – крохотными, затянутыми в фольгу коробочками как бы для подарков. Шумаков замер. Елочка покачалась-покачалась, повалилась и задела кружку, в которую он швырял окурки. Перехватить ее он не успел. Кружка медленно, как бы нехотя, наклонилась, Шумакову даже показалось, что на миг замерла в таком положении – он зажмурился, – и с грохотом упала.

– ...!

Чай, смешанный с окурками, выплеснулся на стол, залил истории болезней, журнал и клавиатуру компьютера.

Шумаков кинулся спасать истории. Спас, сорвал с крючка полотенце и стал судорожно промокать воду. Собрал в горстку окурки и ногой нащупал под столом педальку мусорки с откидной крышкой.

Он кинул окурки, мельком глянул внутрь, и крышка захлопнулась.

Что-то там, внутри мусорного ведра, показалось Шумакову подозрительным, и он снова нащупал ногой педальку. Крышка послушно поднялась, как будто пасть распахнулась.

Три мокрых скрюченных окурка лежали сверху на полупустом медицинском пакете. Обыкновенный пакет, в котором бывают препараты для капельниц, – прозрачный полиэтилен, черные буквы.

Главврач Шумаков сдвинул прямые темные брови, от чего сделался похож на филина, подумал секунду, нагнулся и вытащил пакет. Окурки один за другим тихо попадали в мусорку.

Шумаков изучил пакет и даже вытер его ладонью.

Именно этот пакет с физраствором поставили больному, который умер примерно в два часа. Он знал это совершенно точно, потому что буквы внизу были как будто чуть-чуть смазаны, словно печатная медицинская машина пошла немного вкривь. Он его и принес дежурному врачу, и тогда же заметил смазанные буквы.

Что-то не так. Что-то явно не так.

Шумаков еще раз посмотрел на буквы, сунул пакет в карман и вышел из ординаторской. Небольшая компания, стоявшая в конце коридора – две сестрички и три молодых коммерческих дарования, – завидев его, засутилась и, как мираж, растворилась в коридорной тишине и сиянии люминесцентных ламп. Никому не хотелось встречаться с главным.

В отдалении хлопнула дверь за последним из рассосавшихся.

Боком Шумаков ощущал некое холодное движение, словно в кармане что-то переливалось. Там переливался медицинский пакет, наполовину наполненный жидкостью.

Хотел бы он знать, что именно поставили больному вместо безобидного физраствора!

Он распахнул дверь в оперблок и заглянул по очереди в одну и во вторую операционную. В первой никого не было, а во второй кто-то пел чудесную песню.

– Маленькой елочке, – пел кто-то в операционной, – холодно зимой. Из лесу елочку взяли мы домой...

Новый год не просто подступал все ближе и ближе, он обложил со всех сторон людей, учреждения, кафешки, троллейбусы, автобусные остановки и дома. Кругом были поразвешаны лампочки, веночки и гирляндочки, расставлены елочки и фигуры в шубах. Шумаков думал про фигуры, что это Снегурка со Снегурком.

Он не любил Рождество, и Новый год тоже не любил.

– Нонна Васильна! – позвал он, и его голос эхом отозвался в кафельном пространстве оперблока. – Вы где?

Куплеты про маленькую елочку смолкли, и из двери во вторую операционную выглянула санитарка Люся.

– А!.. Дмитрий Антонович! Вам чего?

– Мне чего? – поразился Шумаков.

– В смысле... вам чего... угодно?

Люся была санитаркой «старой закалки».

В старину санитарок специальным образом закаляли так, чтобы они ненавидели всех больных, врачей, медсестер и свою работу. Для того чтобы закрепить это ценное для санитарок состояние, им мало платили, а работу поручали тяжелую и неблагодарную. С тех самых пор так и повелось – раз санитарка, значит, «старой закалки».

Люся на самом деле была добрейшей души женщина, очень исполнительная и трудолюбивая. Шумаков ее ценил, даже специально выписал из Склифа, когда ударился в «капиталистическое производство», то есть в коммерческую медицину. Люся долго сомневалась, уходить или оставаться, но с уходом Шумакова на прежнем месте работы стало совсем худо, и она решилась. Зарплата на новом месте у нее выходила раз в пять больше, а работы было раз в тридцать меньше. Да премии, да вежливое окружение, да еще чистенькие, богатенькие больные и их душевные родственники! И никаких ножевых и пулевых ранений, и никаких топоров в спине, и никакой рвоты и кровищи на сверкающем полу, но Люся все же иногда вздыхала и печалилась – из Института Склифосовского, где все заняты спасением человечества, почти никто и никогда не уходил в коммерческую медицину.

Шумаков тоже временами вздыхал и печалился, но по секрету от Люси.

– Так чего вам угодно-то, Дмитрий Антонович?

– Где Нонна Васильевна?

– Да кто ж ее знает?

Он передразнил:

– Кто знает?

Люся удивилась:

– Так я не знаю. Я тут... прибираюсь маленько.

Шумаков зашел. Умерший его пациент был накрыт с головой белой простыней.

«А что, Дмитрий Антонович, – спрашивал он перед операцией и потирал сухие старческие руки – бодрился, – сыграем мы с вами в шахматишки после наркоза или уже тогда у вас на меня времени не останется?»

Никакой капельницы рядом с трупом не было. То есть вообще никакой.

Шумаков стиснул кулак. Зря он вспомнил про «шахматишки».

– Люся, ты капельницу убрала уже?

Санитарка разогнула спину и подперла рукой бок. Вид у нее стал задумчивый.

– Капельницу-то? Так не видала я при ем капельницы. Не знаю, где она. А ведь должна быть-то, а, Дмитрий Антонович?

То, что капельница должна быть, Шумаков и сам знал, без Люси.

Они оба оглянулись. Шумаков налево, а Люся, опершись на швабру, так что щеку стянуло в сторону и вверх, направо.

Капельницы не было.

Сердце у него похолодело. Он, врач, знавший о человеческой анатомии все, физически ощутил, что с левой стороны стало значительно холоднее, чем с правой.

– Кто мог капельницу убрать?

– Да кто же знает, Дмитрий Антонович! Нонночка, может, или Глеб Евгеньевич, или Марья Петровна, или Сергей, а может, и Виктор Васильевич...

Вряд ли кто-то из врачей или сестер унес капельницу с собой в кармане, быстро подумал Шумаков. Ох, вряд ли.

Следовало что-то сделать, а что именно, он решительно не знал.

О таких вещах он читал в детektивах или видел в кино, когда по вечерам мирно засыпал под какой-нибудь сериальчик.

Мало того что рядом с больным никого не было, так еще и капельница пропала! И медицинский пакет с физраствором он нашел в мусорном ведре в ординаторской.

Час от часу не легче.

Всей своей железобетонной докторской сущностью Шумаков сопротивлялся мысли, что пациента могли... могли...

Он даже додумать до конца никак не мог.

Он сунул руку в карман хирургической робы, нащупал там пакет с жидкостью и заставил себя додумать.

Его пациента не могли убить. Это ерунда какая-то.

Или могли, и это не ерунда?..

– Чтой-то вы говорите, Дмитрий Антонович?

Он задумчиво посмотрел на санитарку и вышел.

Милицию вызывать? ФСБ, ЦРУ, ОГПУ, МВД и Центризбирком?

Он вышел неправильно. Ему нужно было во внутренний коридор, а он попал в центральный, где на полу, как и положено коммерческому и процветающему учреждению, лежали ковровые дорожки, стояли дивной красоты фикусы и горели яркие лампы. На диване из кожзаменителя сидела молодая дамочка, стискивая на коленях крохотную красную сумочку, а рядом с ней высился незамысловатый молодой человек в пальто до полу.

Шумаков выскочил прямо на них и замер. Они тоже воззрились на него.

Отступать было некуда.

В кармане трепыхнулся медицинский пакетик.

На елке, стоявшей в углу, звякнул колокольчик.

Ангел пролетел, подумал Шумаков. Кажется, так говорят, когда колокольчик звякает.

– Доктор, здравствуйте, – энергично начал молодой человек, вынимая руки из карманов и несколько театрально касаясь дамочкиного плеча. – Ну, как наши дела?

Шумаков постоял в отдалении, а потом пошел к ним. Он шел мимо поста, и Галя, которая дежурила сегодня, даже голову от бумаг не подняла.

Они не могут, подумал Шумаков про весь мир. Они не могут, только я один могу!

Он шел прямо на них и не знал, что будет делать, когда дойдет.

Сколько раз это было. Сколько раз он говорил себе, что больше ни за что и никогда. Сколько раз все начиналось сначала.

Он подошел и остановился.

– Что наш дорогой Петр Елизарович? Мы можем рассчитывать, что Новый год будем встречать всей семьей?

Дамочка посмотрела Шумакову в лицо и спросила совершенно спокойно:

– Дед умер?

Шумаков кивнул.

– Сегодня?

Он опять кивнул.

– Около двух, – не спросила, а констатировала она. – Я поняла.

Молодой человек зажал в зубах какой-то очередной бодрый вопрос и уставился на дамочку.

– Катя, – пробормотал он, так и не прожевав как следует вопрос, – что ты... что такое? А вы?! Что вы такое говорите?! Утром нам сказали, что все в порядке!

– А в два часа он умер, – жестко, жестче, чем нужно, сказал Шумаков и глянул на Катю.

Что именно она поняла? И как?

– Наш дорогой... он не мог... да я на вас в суд... да нам по телефону...

– Замолчи, – приказала Катя. Она вдруг сделалась очень бледна и потянула с шеи шарф, как будто он душил ее.

– Да как вы можете!.. Да это же внучка! Вы не знаете, с кем связались!..

– Замолчи, – повторила Катя строго. – Мы... я могу... пойти к нему?

– Ты не должна, – моментально отозвался молодой человек. – Это же больница, а не... зал прощаний!

Потому, что ее спутник верещал так активно, и еще потому, что Катя была все так же бледна и он чувствовал ее нервозность так, словно попал в электрическое поле, Шумаков решил:

– Да. Можете. Я проведу вас. Только придется раздеться и обуть бахилы.
– Благодарю вас, – светским тоном изрекла Катя, как будто он пригласил ее на мазурку.
– А вы кто? – вдруг спросил у нее Шумаков. – Можно узнать для начала?
– Вы что? Вы отдаете себе отчет, с кем говорите?!

– Меня зовут Екатерина, я внучка Петра Елизаровича. Вы разговаривали с моей мамой, Ириной Петровной.

– Да, – согласился Шумаков. – Ирину Петровну я помню.
Молодой человек фыркал безостановочно. Фыркал и закатывал глаза.
Шумаков понимал, почему он фыркает и закатывает.

Екатерина Рождествина была наимоднейшей телевизионной ведущей, ее мать Ирина – наимоднейшим дизайнером, а покойный дедушка – писателем, хоть и не самым модным, но получившим однажды Нобелевскую премию по литературе.

Он, хирург Шумаков, угробил нобелевского лауреата. Только и всего.

Он приказал принести бахилы и смотрел, как телевизионная «звезда» натягивает их на туфли. Она была в туфлях – среди зимы! Туфли были не очень чистыми – видно, вышла из машины и попала в снег. Зато лакированные башмаки молодого человека сверкали.

За это сверкание Шумаков возненавидел его еще больше.

«Звезда» отдала Гале, вынырнувшей из своего закутка, пальто и сумочку и пошла за Шумаковым, очень старательно глядя прямо перед собой.

Они прошли через несколько дверей, повернули и оказались в оперблоке.

– Подожди здесь, – приказала Катя своему спутнику, когда Шумаков открыл дверь. – Не ходи за мной.

Он начал было возмущаться, но, как показалось главврачу, с облегчением остался в коридоре.

Шумаков пропустил ее вперед, подвел к каталке и вышел в другую дверь – не было никакого смысла торчать рядом с ней, и неловко ему было, и маятно, и совесть его мучила!..

Она вышла довольно скоро – минут через семь, он только прикурил вторую сигарету. Он курил в коридорное окно, вздыхал и мучился.

– Дайте мне сигарету.

– У меня только «Честер».

Она наконец на него взглянула, и он вдруг понял, какое у нее горе. Самое настоящее горе.

– Мы все знали, что рано или поздно это случится, – сказала она негромко и выдохнула дым в окно. – Но все равно надеялись, что дед будет жить вечно. И как это он так нас подвел! И что? Сердце?

– Сердце, – согласился Шумаков, ненавидя себя. – И возраст.

Она согласно кивнула. Она же не знала, что в смерти ее деда виноват именно он, Шумаков!

– А... вы его любили?

– Он меня вырастил, – ответила она просто. – А почему вы спрашиваете?

– А этот... урод в коридоре, он кто? Ваш муж?

Ему даже в голову не пришло, что так спрашивать неприлично. Что «урод» и впрямь может оказаться мужем, да еще горячо любимым, да еще чудесным во всех отношениях человеком!

Врачи бестактны и циничны – кажется, именно так принято думать?

Катя Рождествина усмехнулась.

– Он мой жених, – пояснила она. – Очень перспективный во всех отношениях.

– Оно и видно, – пробормотал Шумаков.

Она больше ничего не сказала. В молчании они докурили, и Шумаков закрыл окно.

– Я вас провожу.

Она кивнула. Ее самообладание ему нравилось. Она облегчила ему самую трудную часть работы.

Шумаков проводил их до охраны и постоял, глядя, как они идут за стеклами, – она взяла спутника под руку, и они о чем-то говорили, о своем и неслышном. Он не имел к ним никакого отношения и все же имел.

Потому что знал то, чего они не знали. Потому что в кармане у него лежал медицинский пакет.

Охранник Коля сказал с удовольствием:

– А я ее только что по телику видел. Она программу ведет... эту... как ее... «Свобода выбора». Про политику всякую и про знаменитостей. Красивая тетка, да, Дмитрий Антонович? И маленькая такая! В телике она высоченная, а на самом деле...

– Ты не заметил, никто из наших не выходил сегодня? С утра? – задумчиво спросил Шумаков.

– Зачем?

– Ну... так просто.

Охранник пожал плечами:

- Да все выходят, Дмитрий Антонович.
- Да не все! Я никогда не выхожу, когда дежурю!
- Это верно.
- Ну? Выходил или нет?

– Ну, Глеб Евгеньевич выходил. Нонна Васильевна выходила. Мария Петровна выбегала. Она вернулась быстро, а Нонна долго была, ее водитель привез. Куда-то за подарками они ездили, что ли?

Шумаков думал: кто-то поменял больному препарат. Физраствор оказался в мусорке, значит, поставили другой препарат, от которого остановилось сердце. Это ужасная мысль, но единственно возможная. Сердце было изношенным и старым. Особенного ничего не нужно, простимулировал как следует, и оно не выдержит. Встанет.

Оно не выдержало и встало.

Капельница исчезла.

Глеб, Нонна Васильевна, которая ушла сегодня с поста, оставив больного помирать в одиночестве, и Маша, Мария Петровна. Кажется, она сегодня дежурит. Или Витька дежурит, Виктор Васильевич?..

Потирая ладонью щеку, он думал.

Кто и зачем мог желать смерти его больному? Кто и зачем мог его... убить?

Глеб мелькнул в конце коридора, и Шумаков его окликнул.

– Да не виноват никто, – издали начал Глеб, подходя. – И ты не виноват, ты же операцию сделал, как бог в Одессе!

Иногда он выражался странно.

- Нонны почему в оперблоке не было?
- У нее спроси, – сказал Глеб, подойдя. – Мало ли куда отлучилась! Она же к стулу не привязана!
- Она медицинская сестра.
- А я клятву Гиппократу давал, – сообщил Глеб. – И ты давал. И что из этого?
- Капельницу из второй операционной ты забрал?

Глеб помолчал.

– Дим, – проникновенно начал он после паузы, – на кой ляд мне сдалась капельница из второй операционной? Из первой тоже не нужна. А что? Пропала?

Шумаков кивнул.

Расследование не клеилось. И как это в кино все получается так складно и ловко, и хочется самому непременно что-нибудь расследовать, и кажется, что ты умнее всех?!

- Ты куда сегодня ездил?
- Ты чего, Дмитрий Антонович? Я понимаю, пациент у тебя... того, но ты отчет-то отдавай себе...
- Я отдаю себе отчет! Куда ты ездил, я тебя спрашиваю!
- Шурке подарок покупал, – сообщил Глеб мрачно. – Или нельзя в рабочее время?
- Можно, – морщась, сказал Шумаков, – все можно.

Он обошел Глеба и ушел в сторону ординаторской. Глеб смотрел ему вслед.

Никаких подарков в шкафчике у Глеба не оказалось.

Ни пакетов, ни свертков в красно-зеленых рождественских бантах. Зря он наврал так... топорно. Проверить ничего не стоит.

Машины у Глеба не было, а в раздевалке у них шкафчики, как в детском саду, – ни замков, ни дверок. Все вокруг колхозное, все вокруг мое.

Шумаков, оглядываясь, как крыса на помойке, рылся в чужих вещах.

Нет, гораздо хуже, чем в чужих, он рылся в вещах людей, с которыми работал долгие годы, которым доверял и которых любил. На самом деле любил.

И подозревал всех скопом.

Глеб наврал ему. Он не покупал никаких подарков.

У Нонны Васильевны в пакете обнаружилась пластмассовая елочка со звездой, источавшая конфетные запахи, – детский новогодний сюрприз. Внуку прихватила, что ли? Внук у нее родился месяц назад, зачем ему конфеты?!

У Маши тоже обнаружилась пластмассовая елочка, а у Маши никаких детей вовсе не было.

В другой раз Шумакову были бы забавны эти елочки, а нынче он только больше ожесточился – его вдруг задело, что и Маша, и Нонна эти подарки... украли. Их еще даже не начали раздавать, он знает совершенно точно.

Их еще не начали раздавать, а они уже по своим шкафам растащили. И самое главное – цена им грош, а зарабатывают все хорошо и все равно, все равно таскают!..

За дверь в коридоре кто-то громко запел про елочку, и Шумаков замер в раздевалке, оскалившись, как та самая крыса.

Он должен найти ответ на все вопросы.

Он не сможет работать, если не найдет.

Песня про елочку приближалась.

Шумаков метнулся к своему шкафчику, выудил из кармана куртки новую пачку сигарет – подкладка вывернулась, затрещала, – пошел к двери и в коридоре столкнулся с Машей.

Это она пела про елочку, которой холодно зимой.

– Что это вы, Дмитрий Антонович, – спросила Маша, перестав исполнять песню, – уже вторую пачку начинаете?

У нее было прекрасное настроение.

– Маш, ты зачем сегодня из здания уходила?

– Что такое, Дмитрий Антонович?!

– Ты сегодня уходила? С работы?

Она потупилась.

– Ну и что?

– Да ничего. Зачем ты уходила? Или отпрашиваться теперь не модно?

– Да ведь на пять минут всего!.. И вы всегда отпускаете!

– Маша!

– Я булку выходила купить. К кофе. В буфете не было ничего, вот я и выходила.

У него немного отлегло от сердца.

Булка – в этом слове было что-то такое обнадеживающее и успокоительное, и домашнее, и милое. Как и в самой Маше.

– А кто капельницу забрал из второй операционной?

– Да Лебедев забрал. Я видела.

Этого Шумаков не ожидал.

– Ты видела?!

– Ну да. Он по коридору ее катил. А что?

– Во сколько это было.

Маша посмотрела на него с сожалением, как будто на тяжелобольного, у которого нет никаких надежд на выздоровление.

– Я... не запомнила, Дмитрий Антонович. Но уж, конечно, после того, как... Ну, больной уже к тому времени умер, понимаете?

– Понимаю, – согласился Шумаков.

– А почему вы об этом спрашиваете, а? – поинтересовалась Маша с любопытством. – Что-то случилось?

– Капельница пропала, – буркнул Шумаков, – а спросить не с кого. И с дисциплиной у нас беда. Все шастают куда хотят. Надо собрание провести.

– Давайте только после Нового года, а? – попросила Маша жалобно и улыбнулась. – Ну, пожалуйста!.. Какая дисциплина, когда Новый год на носу!

Шумаков махнул рукой, сунул в карман сигареты, наткнулся пальцами на медицинский пакет и снова помрачнел.

Он уже скрылся за поворотом коридора, когда Маша проворно достала телефон и нажала единственную кнопку.

Сергей Лебедев был в ординаторской. Качал ногой и смотрел теннис. Он был большой аристократ, любил теннис и «Формулу-1».

– Куда ты капельницу дел?

– Какую капельницу, Дмитрий Антонович?

– Из второй операционной капельницу!

– А... больной поставил, которая в третьей палате лежит. Толстая такая. Как ее... Чуркина Тамара Григорьевна, вот как!

– Зачем ты из операционной капельницу взял?

Лебедев перестал качать ногой и насутился.

– В третьей палате своей нет, что ли?

– Да есть!

– Тогда зачем?..

– У нее держатель отвалился. Пакет не держится. Вот я и взял из операционной. А что такое-то? Нельзя,

что ли?

– Нельзя! – заорал Шумаков. – Нельзя! Ты чего, первый день на работе?! Кто это из операционных капельницы хватает?

– Да я один раз только!

Вообще говоря, это было очень похоже на Сергея Лебедева. Если ему чего-то не хватало, он немедленно утаскивал это у соседей, на которых ему было решительно наплевать.

Сергей как раз никогда не работал в Институте Склифосовского.

– А что там стояло, в этой капельнице, когда ты ее упер?

– Ничего там не стояло.

– Как ничего?

Лебедев пожал плечами и одним глазом глянул в телевизор. Там разыгрывали матч-бол, как же пропустить-то?

– Ничего не было, Дмитрий Антонович. Точно тебе говорю. Я и сам удивился. Наверное, Нонна все сняла. Еще до меня. Да ты не переживай, что он помер, дедок этот! Мы же все знаем, да? Ты молодец, так красиво, как ты, все равно бы никто не сделал!..

Шумаков стиснул кулак, но удержался и ничем в Сережу Лебедева не кинул.

– Хочешь конфетку? Машка конфеты в вазу насыпала. А я ей говорю: «Убрала бы ты их от меня подальше, а то все сожру», а она мне говорит: «Хорошо тебе, а я на диете уже неделю. Одни яблоки ем. Мне ночью, – говорит, – шоколадка снится размером с дом». А я ей говорю: «Ну что ты себя так изводишь?! Ты вполне стройная и красивая девушка, мужики тебя и так любят», а она мне отвечает...

На диете? Она только что сказала, что выходила булку купить, потому что в буфете ничего не было!

– ...а если что, тебя Эдик Шихирман так красиво прооперирует, что будешь ты стройной и прекрасной, как...

Выходит, Маша тоже наврала.

Глеб не ездил за подарком, потому что его нет в шкафчике.

Маша не покупала булку, потому что она на диете.

Кто еще из близких и родных врет ему?

Не дослушав Сережины излияния про Эдуарда Шихирмана, светила пластической хирургии, на которого все без исключения молодые врачи хотели быть похожими, Шумаков вышел из ординаторской.

Он чувствовал себя гончей, которая «плохо работает поле».

Первым делом он завернул в третью палату.

Толстая Тамара Григорьевна Чуркина мирно почитывала романчик, а из капельницы ей в вену мирно капало какое-то обезболивающее. Завидев Шумакова, она заулыбалась и задрала на лоб очки. Шумаков тоже улынулся, сделал вид, что проверил ее капельницу и внимательно осмотрел ту, что была задвинута в угол.

Держатель на ней на самом деле оказался сломан.

Выходит, не врал Сергей Лебедев, сердцеед и бонвиван!..

Лучше бы врал.

Лучше бы он врал, а Глеб говорил правду.

Нонну Васильевну Шумаков нашел в переходе между оперблоком и палатами. Она отчитывала Люсю, санитарку, как известно, «старой закалки».

– Нонна, почему ты ушла от больного? – улав Люсю, – спросил Шумаков. – Ты ушла, и он помер, черт побери!..

– Димочка, он бы и так помер, – сказала Нонна жалобно. – Ну, ты же знаешь! Он был совсем старенький, мы ему даже хотели в операции отказать, анестезиолог хотел, ты же помнишь! А его уговорили, и операцию ты сделал... как всегда... ну что ты, Шумаков? Ну, это же правда!

Она смотрела на него лукавыми глазами, вроде бы печалилась, а может, и смеялась. У нее были лукавые глаза, светлые волосы, пышная грудь, на которой не сходилась ни одна роба, и прокуренный низкий голос.

Еще у нее недавно завелся внук, и она его обожала.

С Нонной он тоже работал целую вечность, как и с Люсей, и представить себе не мог, что она может... хладнокровно убить его больного.

Впрочем, что мы знаем о наших ближних?

– Кто капельницу ему менял?

– Никто не менял, Дим. Ты назначил, я поставила, и все. Больше не подходил никто. – Глаза у нее перестали смеяться, стали сосредоточенными и, кажется, даже потемнели. Она умела так серьезнеть, глазами. – Как можно!

– Откуда ты знаешь, что никто не менял, если тебя на месте не было?

– Да кому в голову взбредет у твоего больного капельницу менять? Ты же сам назначил!

Тому, кто собирался его убить, подумал Шумаков мрачно. Тому, кто его убил. Он не мог признаться Нонне в том, что безобидный препарат, который он назначил, он сам и нашел в мусорном ведерке в ординаторской.

– Я подарки получала, – сказала сестра осторожно. – Я каждый год получаю, ты же знаешь. Я и в этот раз получила. Себе взяла и Машке дала, она конфеты шоколадные обожает. Сейчас на диете, а потом, сказала, съест. На праздник. Глебовой Шурке отдала...

– А где ты ее видела?

– Шурку-то? Она заезжала. А что?

– Ты ей только подарок отдала?

Нонна пожала плечами. Роба на груди поднялась и пошла складками.

– Я подарок, а Глеб пакет отдал какой-то. Сказал, чтобы не смотрела, там подарки. А что такое, Дмитрий?

Значит, Глеб все-таки покупал подарок. Все-таки покупал. Все в порядке. Он покупал Шурке подарок. Он так и сказал с самого начала, хотя не знал, в чем Шумаков его... подозревал.

– Нонна, а еще? – проскулил он жалобно. – Еще что-нибудь ты видела или... слышала? Что-нибудь странное или... подозрительное, а?

– Дмитрий, что случилось?

Он промолчал.

– Не знаю, – она пожала плечами. – Понятия не имею. И не пойму, чего ты хочешь-то от меня?

Про то, что в капельнице поменяли пакет, Шумаков не мог Нонне сказать.

И еще ему очень было жаль телевизионную «звезду» Катю Рождествину, которая жила с дедом и, кажется, очень его любила.

При мысли о Кате он моментально вспомнил ее «урода» в кашемировом пальто и окончательно из-за этого расстроился.

Почему самые лучшие, самые красивые и самые нежные женщины всегда достаются уродам в кашемировых пальто?

Оставив недоумевающую Нонну в коридоре, он вернулся в ординаторскую, согнал Лебедева с кресла и открыл в компьютере данные на поступившего две недели назад Петра Елизаровича Рождествина.

Ему нужен был телефон.

Телефон он нашел.

Он работал у Склифосовского и никогда не позволял себе дамских штучек, вроде нервности излишней или институтской робости, поэтому он позвонил.

Оскорбленный Лебедев выключил телевизор, повернулся спиной, сложил на груди руки по-наполеоновски и уставился в метель. В ухо Шумакову ввинчивались длинные гудки.

Би-ип. Би-ип. Би-ип.

Сергей сопел.

На елке вздрогнул и прозвенел колокольчик, и в это момент трубку сняли.

– Да.

– Это Шумаков, – сказал он быстро, – могу я поговорить с Екатериной Рождествиной?

– Здравствуйте, – выговорили в трубке, – впрочем, мы сегодня уже виделись. Вы что-то хотите мне сказать?

– Я хочу поговорить о вашем дедушке, – он специально говорил быстро, чтобы не было возможности отступить. – Боюсь, мне нужно... сказать вам... что...

– Что?

– Приезжайте, – предложил он, – приезжайте, и мы поговорим.

Она подумала какое-то время.

– Хорошо. Но не в больнице, если можно. Мне в больнице... плохо делается. Я подъеду, а вы выходите.

У меня черная «Хонда». Джип.

– Я найду вас. – Тут вдруг Шумаков понял, что волнуется, как будто она назначает ему свидание.

– Через полчаса я подъеду.

Как он станет говорить ей, что деда убили? Как? Какие найдет для этого слова?

Он подошел к Сереже и из-за его плеча глянул в сад. Снег все летел и летел, и не было ему ни конца ни краю. Одинокий пес сидел под фонарем и мотал головой – стряхивал снег.

«Вот и я такой, – подумал Шумаков жалобно. – Сижу под фонарем, и снег на меня сыплется, и никому я

не нужен, и есть мне охота, и никто не берет меня к себе, потому что у всех уже давно есть прекрасные принцы в кашемировых пальто».

«Хонда» у нее. Джип. Ишь ты!..

Мысли были дикие, но от них главврач чуть не заплакал, за что очень себя осудил.

Сергей Лебедев молчал и сопел.

В коридоре произошел какой-то шум, голоса вплотную приблизились, дверь распахнулась, и ввалилась небольшая толпа – все его сотрудники, которых он любил и которым доверял. Один из них прикончил беззащитного послеоперационного деда, и нагревшееся доказательство этому отвратительно оттягивало карман его хирургической робы.

Лебедев оглянулся, заулыбался и перестал изображать Наполеона.

Вся толпа осталась у дверей – впереди Нонна с пакетом и бутылкой, за ней Маша, дальше высоченный Глеб, Люся «старой закалки», Виктор Васильевич, до которого Шумаков еще не добрался со своими вопросами.

– Дмитрий Антонович, – начала Нонна. – Хоть до Нового года еще две недели с лишним, мы решили тебя сегодня поздравить. А то ты странный у нас какой-то, как в воду опущенный. Мы решили...

– Стоп, – сказал Шумаков. Скулы у него покраснели, и шее стало жарко. – Объясните мне, вы все объясните, как вот в это мусорное ведро попал этот пакет.

И он выхватил из кармана медицинский пакет и шлепнул его на стол. Пакет издал отвратительный звук.

– Именно этот пакет я поставил больному Рождествому. Кто его выбросил и зачем? Что вместо него капали больному?

В ординаторской сделалось тихо, как в гробу.

Шумакову всегда казалось, что самое ужасное в гробу – это тишина и темнота.

– Ну?

– Дмитрий Антонович, – внутри этой тишины выговорила Маша, Марья Петровна, – это я выбросила. Я знаю, что это не по правилам, но... это я.

Опять стало очень тихо, и только звякнул колокольчик на елке.

«Ангел пролетел», – почему-то подумал Шумаков, а вслух сказал, и не сказал, а загремел даже:

– Ты? Зачем ты с капельницы пакет сняла?

– Так больной же... умер. Я и сняла. Мне Лебедев сказал, что капельницу заберет, потому что в третьей палате держалка отвалилась, и я ему эту освободила. А пакет здесь выбросила... потому что...

– Ну?

– Не кричи, Дмитрий, – распорядилась Нонна Васильевна. – Муж ей позвонил. Она с пакетом прямо сюда и прибежала, к телефону. Он в полярной авиации служит и вернуться должен был только в феврале. А он прилетел. Сюрприз сделал. Вот она к нему и помчалась как полоумная. Вернулась, и всем конфеты свои пораздавала, из подарка. На радостях.

Шумаков шумно выдохнул.

– А мне почему не сказала? Наврала, что за булкой ходила?

– Да вы же всегда громче всех кричите, что на работе никаких личных дел, – пробормотала Маша и всхлипнула.

– Как тебе скажешь, когда ты у нас – гроза! – поддержал Глеб. – Я тебя сам боюсь. К Шурке на свидание чуть не в окно лезу, черт!.. На тебя попадешь, мало не покажется!

Шумакову стало еще хуже, чем было.

– Значит, ты сняла пакет, когда он уже умер?! И никакой другой не ставила?

Маша посмотрела на него сочувственно и с некоторым подозрением, как на ненормального:

– А... зачем ему ставить, если он... умер уже?

Все разом зашевелились, словно выдохнули, и опять замерли. Нонна держала перед собой бутылку с шампанским, как брандспойт.

– Давайте дернем по глотку, – предложил Глеб, вышел из-за Нонниной спины и шлепнул на стол, рядом со злополучным пакетом, полбатона толстой вареной колбасы в целлофановой обертке, – пусть у нас до праздников больше никто не помрет!

– Он умер просто потому, что умер, – в ухо Шумакову сказала Нонна Васильевна и поставила наконец свою бутылку. – Не переживай ты так, Дмитрий!

Когда он скатился с крыльца, черная «Хонда» уже стояла неподалеку. Снег сыпался, падал на капот и медленно таял. Катя Рождествова сидела на корточках рядом с передним колесом и гладила по голове давшего пса. Пес был здоровый, худой, со свалывшейся, как будто лишайной, шерстью.

Шумаков поскользнулся на ступеньке, чуть не упал, она подняла голову и посмотрела на него.

– Он пришел поздороваться, – сказала она про пса. – Про жизнь рассказать.

– Рассказал? – спросил Шумаков глупо.

Она кивнула. Ее замшевая перчатка с тонкой золотой цепочкой на запястье была в мокрой собачьей шерсти.

Ветер налетел, приналег, пес зажмурился и отвернулся.

Катя поднялась и посмотрела на Шумакова.

– Вы хотели меня видеть? Что-то случилось?

– Ничего не случилось, – выпалил Шумаков, ужасаясь тому, что говорит, – просто я хотел сказать вам, что ваш дед был чудесный человек. Изумительный.

Катя погладила подсунувшуюся собачью башку.

– Это точно, – сказала она задумчиво. – Вы только за этим меня позвали?

Шумаков кивнул.

В жизни не попадал в такие идиотские положения.

Пес переступил передними лапами. Совсем замерз, наверное.

– Поехали? – вдруг спросила Катя Рождествина, телевизионная ведущая. – Вы мне поможете его вымыть. На маму никакой надежды, и живет она далеко.

– Кого... вымыть? – не понял Шумаков.

– Его, – и она кивнула на пса. – Смотрите, какой грязный! Как же он будет в квартире жить?

– Вы хотите?..

– Его зовут Гриша, – торопливо перебила Катя. – По-моему, именно так его и зовут. Как вы думаете?

Шумаков посмотрел на пса. Пес посмотрел на него и вильнул хвостом со слабой надеждой.

– Пожалуй, – согласился Шумаков. – Пожалуй, Гриша.

– Ну, уж точно не Вася, – заключила Катя и открыла дверь в салон своего джипа. – Садитесь.

Под самый Новый год метель опять разгулялась, и радостно было думать, что праздник уже наступил, и можно никуда не спешить, и валяться хоть до завтрашнего вечера, и на дежурство Шумакову только третьего числа – вот когда!

На елке вздрогнул и тоненько прозвенел колокольчик.

– Ангел пролетел.

– Ты в них веришь?

– А ты нет?

Он пожал плечами.

– Я не знаю.

– Почему?..

– Не знаю, и все тут. Я же врач. И некрещеный даже. Мать в церковь ходит, ставит свечку за меня, а я так... Фома неверующий.

– А я верю в ангелов, – помолчав, сказала она с убежденностью, которая его насмешила. – Особенно на Рождество. Знаешь, я как-то чувствую, что они где-то близко.

Он завозился, свесился с дивана и стал шарить по полу. На ковре должны валяться джинсы, а в них должны быть сигареты. Ему очень хотелось курить, а вставать не хотелось. Он шарил, и под руку ничего не попадалось, а потом попало холодное, мокрое и мохнатое.

– Фу!.. – сказал он мокрому и мохнатому. – Фу, на место!..

Горячий и влажный язык немедленно облизал ему физиономию, пес радостно задышал прямо в лицо, и Шумаков быстрым коротким движением погладил лобастую башку, а потом оттолкнул.

Ему не хотелось, чтобы Катя видела, как он гладит. Он боялся показаться сентиментальным.

Погладив, он подтянулся и вернул себя на диван.

Она деликатно зевнула и спросила:

– Что ты там копался?

– Сигареты искал.

– Нашел?

Он помотал головой, уверенной рукой взял ее за шею и притянул к себе. Она прилегла и задышала, как давеча пес Гриша. Вот только облизывать его не стала, а, наоборот, вывернулась из-под руки и спросила:

– Принести тебе сигареты?

– Да ладно.

– Да не ладно! Ты же хотел!

– Ну, хотел, но это же не значит, что ты должна за ними бегать!

– Почему? – Она выпростала ноги из-под одеяла, выражая немедленную готовность бежать куда угодно. Для него. Просто потому, что ему чего-то захотелось.

Сигарет, к примеру.

Он поймал ее за руку, уложил обратно в душистое и сухое тепло их общей постели и прижал покрепче.

Она некоторое время будто еще порывалась мчаться исполнять любое его желание, а потом притихла.

На елке вздрогнул и тоненько прозвенел колокольчик.

– Ангел пролетел, – сказала она.

Он лежал и думал: «Неужели мне так повезло? И неужели все это на самом деле так просто?»

Она лежала и думала: «Как мне повезло. Господи, спасибо тебе, кажется, вправду повезло!»

Пес лежал и думал: «Вот повезло-то. А еще и ужинать будем!»

Ангел летал и думал: «А мне-то как повезло! Работа была несложной».

Арина Холина

Абонемент на убийство

– Открою эту бутылку и умру! – выдала Лена.

Может, она думала – это смешно, но все, в том числе и я, опешили. Пить коллекционный виски 1974 года как-то расхотелось – уж больно мрачной была прелюдия.

– Я просто ляпнула это, когда мне ее подарили! – Лена вытащила бутылку из коробки. – Давайте покончим с суевериями!

– Знаешь, Лен, – подала голос я, – тогда ты просто обязана будешь умереть. Обстановка у нас и так чрезмерно детективная: большой загородный дом, практически незнакомые люди, хозяйка – то есть ты – богатая красивая вдова...

– Супер! – подтвердила Лена и открыла виски.

Я была знакома с ней часов пять – меня вытащил из квартиры приятель, который сначала два часа уговаривал поехать на дачу к подруге друга по телефону, а потом не выдержал и заехал за мной на машине. Дача какой-то неизвестной подруги неизвестного друга – зимой, в Рождество, в мороз... Я воображала курятник в три комнаты, с кривой печкой и удобствами на улице – большая радость в мороз бегать в туалет в шубе! Я уже приготовилась капризничать, нудеть, морщить нос и отсиживаться в углу с книжкой...

Но оказалось, что «дача» – это трехэтажный загородный дом с теплыми полами, ванными на каждом этаже, просторным гаражом на три машины и хозяйкой – роскошной блондинкой, которая вышла к воротам встречать нас в соболей шубе от «Ярмак».

Что интересно, большинство гостей даже не были между собой знакомы. Тот самый друг Антон, чьей подругой была Лена, познакомился с моим приятелем Лешей неделю назад в клубе. Известный продюсер Гриша Рубин с новой женой Оксаной – в два раза младше его – месяц назад встретил Лену в самолете. Невысокая блондинка Таня, знакомая жены продюсера, случайно приехала из Питера под Новый год, и пришлось взять ее с собой. Кроме того, в гостях был Костя – парикмахер из салона, принадлежащего Лене, и Леньчик – странный молодой человек, которого пару дней назад забыли другие гости.

Компания подобралась пестрая, но веселая – до пяти утра время пробежало незаметно. Даже безумный Леньчик, которого то и дело собирались выгнать на мороз и остудить, не сильно раздражал, несмотря на все его фортели: он то бросался девушкам в ноги и выдавал сложносочиненные комплименты, то мертвой хваткой вцеплялся в мужчин и увлекал в танец. Еще Леньчик пару раз исполнил стриптиз, а потом напялил Ленины чулки, халат с меховой оторочкой – и так бродил по дому.

Только слегка приторможенная девушка Таня, кажется, восприняла его заигрывания всерьез – она млела, ревниво следила за другими девушками и делала Леньчику глазки.

Проснувшись утром, я возблагодарила господ бога, свой здравый смысл и жизненный опыт за то, что не пила вчера виски. Я умудрилась надеться и шампанским – голова гудела, во рту было препротивно, а все тело стало таким томным и ленивым, что я минут двадцать собиралась с силами, прежде чем отправиться в туалет.

Часа в три все встретились внизу. Вернулась Ленина двоюродная сестра Марина, кроткая девушка с армянскими глазами. Странная девушка. На первый взгляд казалась рохлей: синий свитер по колено, коричневые штаны, невзрачные очки, но, если приглядеться, становилось очевидным: Марина – красавица. Пышные черные волосы, большие влажные глаза, полная, но хорошо сложенная фигура, высокая грудь... Если бы не одевалась, как кулема, то выглядела бы не хуже, а может, и лучше холеной Лены...

– Где Леньчик? – перебила мои размышления Таня.

Никто не ответил – всем было лень искать Леньчика.

– В спальне его нет, – добавила Таня. – Я проснулась, а он ушел. Может, в город уехал?

– В доме пятьсот комнат, – сообщил Гриша.

– Наверно, пошел ночью в туалет и перепутал, – вставил Костя.

– Пойду посмотрю, – Таня оторвалась от стула и вышла из гостиной.

– Она спит? – поинтересовалась Марина.

– Она уехала, – сквозь зевок ответил Антон.

– Куда?

– В салон. Голову мыть, – еще шире зевнул друг подруги.

– А как она уехала, если машина здесь? – Марина обвела всех злым и напряженным взглядом.

– Н-да... – пробормотал Антон. – Пойду в ванной посмотрю.

Все неохотно поднялись с диванов и кресел и разбрелись по дому. Ни Лены, ни Ленчика нигде не было. Я застряла в какой-то спальне на втором этаже, прилегла на кровать и никак не могла подняться – так уютно и тепленько было на пышном одеяле, укрытом пледом. И вдруг мой взгляд наткнулся на шкаф – большой, просторный, с раздвижными дверьми, – за которым, в самом углу, виднелась оклеенная обоями дверь. У Лены вообще странный дом: например, на первом этаже, кроме кухни, соединенной с гостиной, были еще две просторные комнаты – столовая и бильярдная, в которые никто не заходил. На втором и третьем этажах, кроме удобных спален, имелось несколько крошечных комнат, в которых стояли кровати, трюмо и коробки с каким-то хламом. Кроме того, на каждом этаже располагалось не меньше пяти кладовок – от больших гардеробных до крошечных чуланов. Видимо, хозяйка имела страсть к стенным шкафам, иначе зачем здесь такое несуразное количество темных комнатушек?

Я встала, открыла дверь и сразу – как ни странно – увидела ее. Нога торчала из груды тряпья. «Напился», – подумала я, решив, что Ленчик – нога была мужская – забился в укромное местечко, чтобы никто не мешал ему пережить похмелье, которое, судя по тому, как залихватски он вчера хлопал ром, шампанское, а потом еще и виски, обещало быть звонким.

Я дотронулась до ноги и не сразу поняла, что она ледяная. Не отдавая себе отчета, я дергала за нее, пока не поняла, что это нога мертвого человека.

Конечно, я прочитала и посмотрела тысячу (не преувеличиваю!) детективов и иногда думала: что будет, если я сама когда-нибудь, не дай бог, найду труп? Если честно, я была уверена, что начну метаться, орать, визжать, телефонная трубка будет падать из рук, и милиция вообще не поймет, зачем я им звоню. Но, оказывается, я реагирую на стресс по-другому. Я оглянулась, словно ожидала, что за мной следят, и включила в шкафу свет. Без сложностей не обошлось: от ужаса я все-таки растерялась и пару раз стукнулась головой об стену, прежде чем нашла выключатель, а потом полезла туда, где должна быть голова. Я раскопала Ленчика и, уставившись на его почти голое, в одних трусах, тело, – дурацких, кстати, трусах, с совершенно отвратительным кармашком, – поняла, что мне каюк. Тошнота, нестерпимый страх перед всем мертвым, шок – все это навалилось сразу. Свои последующие действия я не поняла, так как чувствовала одно, а делала другое – как все это уживалось в одной мне, до сих пор неясно. Сдерживая вопль, который обещал быть истошным, я расстегнула этот стремный кармашек, который очень подозрительно (почему я решила, что подозрительно?) топорщился, вынула оттуда комок бумаги, развернула, увидела нечто странное, застегнула карман, спрятала бумажку и, наконец, заорала. Конечно, это было не так, как в фильмах ужасов – я просто кувырком скатилась по лестнице, горлопаня: «Сюда! Сюда!», потому что, как выяснилось, выговорить: «Ленчика убили!» – было ох как непросто. Невозможно.

Пока не приехала милиция, все молчали. То есть были, конечно, отдельные вздохи и охи: «Как же так?», «Этого не может быть!», но говорить боялись.

И только когда на дороге показалась милицейская машина, Марина спохватилась:

– А где Ленка?

– Вон она... – Антон ткнул пальцем в окно, за которым милиционеры что-то доказывали хозяйке дома.

Она размахивала руками и крутила пальцем у виска: видимо, оперативник пытался объяснить, что в ее доме произошло убийство, а Лена ему не верила, наверное, считала, что он сам «убитый» – после очередной пьянки. Но Марина уже неслась к ним. Лена схватилась за сердце, а опер вместе с бригадой довольно хмурых милиционеров пошел к дому.

Во время допроса я дважды разревелась: подлый, мерзкий опер, кажется, был на сто процентов уверен, что это я убила Ленчика, и старался уличить меня в том, что я прекрасно знала убитого до вчерашнего дня, возможно, он меня бросил, я решила ему отомстить или же мы вдвоем торговали наркотиками... Конечно, я понимала, что он меня запугивает – на случай, если я что-то знаю и скрываю, – но разве можно так терзать человека? Я уже видела себя за решеткой, в окружении бывалых эчек – и это отнюдь не было похоже на Бриджит Джонс в тайской тюрьме! Только выйдя из бильярдной, где нас по очереди пытали милиционеры, я заметила, что моя майка взмокла от пота, и поплелась к себе – переодеваться. Я еле вползла на свой этаж – казалось, я не спала три дня и три ночи, настолько усталой, несчастной и вымотанной я себя чувствовала. Дверь в ванную была приоткрыта – я уже почти схватилась за ручку, как вдруг услышала голоса.

– Убить должны были Лену, – произнес женский голос.

Таня? Оксана? Марина?

– Может, сорвалось? – тихо ответил мужской.

– Но это нелогично! – возразила женщина.

– Когда речь идет о таких бабках, логика роли не играет, – отозвался мужчина.

Сердце дернулось и застряло где-то в гортани: что, если в ванной убийцы? Вдруг здесь целая банда – это

заказчики, но есть еще и исполнитель?

Я отступила назад, развернулась, чтобы осторожно спуститься, но тут в моей комнате раздался страшный грохот. Я замерла в идиотской неестественной позе: колени полусогнуты, руки прижаты к голове. Из ванной выскочили Гриша с Оксаной.

– Это что, война? – закричала она.

– Машка, ты что натворила? – бросился ко мне Гриша.

– Ничего... – промямлила я, выпрямляясь и стараясь придать лицу естественное выражение.

Мы зашли в комнату и увидели, что телевизор, который стоял у окна, упал – створка распахнулась и опрокинула ящик.

– Сквозняк, – подытожил Гриша.

– Что у вас тут происходит? – заорал участковый.

Он ворвался в комнату в грязных сапогах, оставив следы на красивом светлом ковре, но даже не извинился. Мы сбивчиво пояснили ему ситуацию с телевизором – казалось, он очень не хотел нам верить и видел в этом случае злой умысел. Наконец Оксана чуть ли не силой выставила его за дверь и с таинственным видом села слева от меня. Гриша разместился справа.

– Слушай... – неуверенно начала она. – Тебя ничего не смущает?

Я удивилась:

– Вообще-то, меня все смущает. Сколько живу, никак не могу привыкнуть к трупам в стенном шкафу.

Ирония, возможно, была не к месту, но я ведь все еще считала Гришу с Оксаной убийцами.

– Почему убили Леньчика? – настаивала Оксана.

– Ты меня спрашиваешь? – я всплеснула руками.

– Ты никогда не видела Леньчика, мы никогда не видели Леньчика, никто, кроме Лены, не был знаком с Леньчиком, но ей-то зачем его убивать? – бубнила Оксана. – Что он такого сделал, чтобы Лене срочно понадобилось его прикончить? Хотя она, конечно, могла бы, но вот зачем?..

– А почему это она могла бы? – заинтересовалась я.

– Ну, это я, конечно, только предполагаю, все-таки у нее муж был бандит, – Оксана пожалала плечами.

– А ты откуда знаешь? – насторожилась я.

– Костя рассказал, – сообщил Гриша. – Он ее знает уже лет пять. Мужа братва завалила, а Лена около года отсиживалась в Европе. В подвале ее салона нашли целый склад боеприпасов – она об этом даже не знала, только после обыска все вскрылось.

– Так и не знала? – не поверила я.

– Со слов Костика, – Гриша развел руками.

– Н-да... – задумалась я и поднялась с места. – Подождите.

Я ночевала в комнате Марины – в лучшей спальне после хозяйской. Здесь была личная ванная с туалетом, куда я и отправилась за жидкостью для контактных линз – от переживаний глаза совершенно пересохли. Плотная, непрозрачная шторка была задернута. Я нахмурилась – не люблю, когда маленькие помещения становятся еще меньше, – распахнула занавеску и через секунду выскочила в комнату. Наверное, вид у меня был еще тот – Гриша с Оксаной бросились в ванную, а через несколько минут весь дом стоял на ушах.

Тело Тани лежало в ванне – бледное, скрюченное, с пробойной в голове. Девушка была одета и обута – то есть мыться у меня, вернее, у Марины, не собиралась. Это было все, что я успела заметить, перед тем как меня стошнило в общем туалете, где я потом заперлась и отказывалась выходить, несмотря на призывы милиционеров. Мне казалось, что здесь, в ванной, безопасно: окна нет, дверь крепкая – лучше уж здесь посидеть, пока все не закончится. Это же не может длиться вечно? Или может?..

– Маш, я понимаю, тебе сейчас тяжело, но открой на хрен эту долбаную дверь, а то мы здесь точно все рехнемся и переубиваем друг друга, – стонал за стеной Леша.

И тут во мне что-то сломалось. Я отперла замок и, рыдая, бросилась ему на шею.

Дальше был кошмар. Нас всех отвезли в отделение, долго там мучили, но потом все-таки отправили обратно под присмотром участкового, который должен был следить, чтобы мы не сбежали. Я оказалась самой слабой: добравшись до дома, просто рухнула в гостиной и заснула – сил моих больше не было жить на этом свете. Проснулась в темноте и тишине – все разошлись, а мне, как назло, захотелось с кем-нибудь поговорить. Хоть с кем-нибудь. Я подошла к телефону и уткнулась взглядом в свою записную книжку. Ура! Вчера мы заказывали суши – я звонила в любимый японский ресторан и, к счастью, не убрала книжку в сумку, которая была наверху, а уж туда я бы ни за что не пошла.

Л. Мне нужна Светочка Левитина – самый разговорчивый человек на свете. Леньчик. Что за Леньчик? Какой Леньчик? Откуда у меня телефон Леньчика – домашний, рабочий и мобильный? Лаура... Леонтьев...

Лара... Боже, кто все эти люди? Я сошла с ума? Не узнаю своих знакомых?

Я принялась листать книжку. Никого не знаю. Никого! Наконец догадалась открыть первую страницу. Константин Андреевич Троицкий. В экстренном случае обращайтесь... Какой такой Константин? Костя! Это его книжка! Такая же, как у меня! Но, извините, откуда у него телефон Леньчика? И не один, а целых три? Может, он записал его вчера? Нет! После Леньчика еще пять или шесть телефонов... Что за дела?

– Проснулась? – поинтересовался низкий голос.

Я вздрогнула и выронила книжку. Стук сердца оглушал – даже уши заложило, но, к счастью, это была Марина.

– Да, – кивнула я. – Очнулась после тревожного забытья.

Марина вошла на кухню, вынула из шкафа бутылку виски и предложила:

– Будешь?

Я согласилась, Марина налила мне и себе щедрую порцию напитка, села в кресло напротив моего дивана и заявила:

– Страшные вещи происходят в этом доме.

– Да уж... – согласилась я. – А ты видела этого Леньчика... живым?

– Видела, – кивнула Марина. – Редкостный придурок. Прости господи, царствие ему небесное, – поспешно добавила она. – Не могу привыкнуть к мысли, что он умер.

– А как он здесь появился? – любопытствовала я.

– Да непонятно как... – Марина хлебнула виски. – Я так и не поняла, с кем он пришел. Была компания, а потом как-то образовался Леньчик. Ну, ты понимаешь, здесь всегда столько народу... Не пойми кто. Извини, конечно, это я не о тебе...

– Да ладно, – отмахнулась я. – Мы же знакомы пятнадцать минут, не считая ментовки. А у вас, кстати, всегда такой бедлам?

– В общем, да, – подтвердила Марина. – С тех пор как Сережа умер. Мне иногда кажется, что Ленка не в себе – она как будто не может оставаться одна. Всегда толпа. И никто долго не задерживается – как в кабаке приезжают, уезжают. Ни минуты покоя...

– А нельзя знакомым позвонить, узнать, откуда Леньчик взялся?

– Да из всех знакомых был только Антон, а он понятия не имеет, – с досадой ответила Марина. – Притащили толпу из Б-2, вот и поди разберись...

– А Костя был?

– Костя? – удивилась Марина. – Вроде нет. Точно не был. А что?

– Просто так, – я пожала плечами. – Он ведь единственный... друг семьи. Ну, кто давно знает Лену.

– Это да, – кивнула Марина. – Ладно, я спать пошла.

Марина ушла, а я, обессиленная и мрачная, выключила свет в наивной уверенности, что снова забудусь тяжелым, жарким сном с черно-белыми сновидениями. Но так как я все-таки нормальный человек, а не монстр со стальными нервами, то мне, разумеется, стали мерещиться призраки. С полчаса я вздрагивала от всех шорохов, которых в загородном доме, к несчастью, навалом, а потом приняла решение сбежать. А что? Зачем на нас всех целый час орал этот придурок-следователь и обещал каждого посадить в камеру на весь период следствия, если мы завтра днем не организуемся и не дадим внятные показания? Это же превышение полномочий, за которое можно ой как получить по голове от какого-нибудь Международного комитета по правам человека! Я вообще, как журналист, такой хай подниму, что все эти Дракулы в погонах сильно пожалеют... «Два убийства, – прошептал гаденький голос. – Два убийства за день».

Стало совсем плохо – я натянула на голову плед и сжалась в комок. Может, он и прав, этот следователь... Кто-то из нас завалил двух человек. И это еще гуманно, что нас не посадили. А может, лучше было остаться в милиции? Там, по крайней мере, безопасно. Может, зря Гриша звонил какому-то суперчеловеку из МВД, чтобы за нас замолвили слово?

Кому, в самом деле, понадобились Таня и Леньчик? Пусть Костя знает Лену, но Таня-то точно никого не знает – она первый день в Москве! Конечно, она могла бывать в столице раньше, познакомиться и с Леной, и с Костей, но что это за преступный клан? И тут я вдруг вспомнила бумажку. Белую бумажку с какими-то детскими казюлями-мазюлями, которую украла с места преступления. Что это может значить? Спросить Костю насчет Леньчика? А вдруг он убийца и грохнет меня?

– Ма-аш... – зашептал кто-то у меня над головой. – Ты спишь?

Я осторожно стянула плед и в ужасе уставилась на бледное лицо с вытаращенными глазами.

– Не спишь? – переспросила Оксана.

– Нет, – прошептала я.

Она села на диван.

- Ты в курсе, что Ленчик спал с Таней?
- В каком смысле? – я округлила глаза.
- В смысле секса, – Оксана всплеснула руками.
- У них был секс?! – я подскочила на диване.

Она кивнула.

- И ты позволила ей с ним спать? – ужаснулась я.

– А ты что, думаешь, она у меня спрашивала совета? Типа, никто не против, если я пересплю с таким-то таким-то? – съязвила Оксана.

– Но это ведь не такой-то такой-то! – воскликнула я. – Это же Ленчик! Спать с ним – это... Позор! Он же клоун и придурок! Был...

– Злая ты... – вздохнула Оксана. – Я случайно налетела на нее в ванной. Наша, на третьем, была занята, и я пошла вниз, а там Танька – забыла дверь закрыть. Она еще сказала, что Ленчик отлично трахается...

- Тебя не вырвало? – поморщилась я.

– Опять ты за свое! – возмутилась Оксана. – Если она с ним спала, может, что-то знала...

Наконец и до меня дошло: Таня могла что-то видеть, слышать... поэтому ее и убили.

- А кто был в ванной на третьем этаже? – поинтересовалась я.

– Я знаю кто, – с загадочной улыбкой сообщила Оксана. – Марина!

– Ты бредишь! – воскликнула я шепотом. – Марина приехала утром.

– Ни фига! – сторжествовала Оксана. – Танька ушла. Я засела в ванной, потом выключила везде свет и пошла вниз – жрать захотелось ужасно. Тихо доела салат, поднялась по лестнице и... Помнишь, на площадке третьего этажа такой выступ, за шкафом?

Я кивнула.

– Так вот, я услышала, как в ванной выключают свет, и отчего-то кинулась за этот выступ – думала, может, оттуда голый Ленчик выпрыгнет, а встречаться с ним не хотелось. Ну, и когда она спускалась по лестнице, я ее разглядела. Вот. Я еще тогда не знала, кто это такая, и немного испугалась, что по дому расхаживают незнакомые женщины в халатах.

- А почему ты вообще решила, что Ленчик будет расхаживать по дому голым? – хихикнула я.

– Потому что он – беспардонный идиот... был.

– А какой была Таня? – спросила я.

– Таня... – Оксана задумалась. – Не то чтобы она моя близкая подруга... Просто я ее давно знаю, а вообще, она просто тупица. Реально. Глупая женщина. Она вроде стилист, но я лично не понимаю, как она работает – даже не может найти телефон модельера в Интернете, представляешь?

- Черт! – выругалась я. – Как Марина ночью оказалась в доме?

– Приехала, – предположила Оксана.

– А зачем врала? – напирала я. – И что она делала в этой ванной?

– Ну, ее ванную заняла ты, так что все логично.

– Не, – отмахнулась я. – Тут стопудово подвох.

Мы с Оксаной по третьему кругу обсудили последние события, и она наконец ушла.

Наутро я проснулась раньше всех – сон был тревожный и прерывистый. Я просыпалась каждый час, включала свет, заглядывала под диван, а потом тяжело и долго засыпала снова.

В восемь утра я поставила на плиту джезву с кофе, запихнула в тостер хлеб и вспомнила, что так рано не вставала со времен школьных занятий. В восемь часов пять минут на кухню ввалился заспанный Костик.

Он хмуро буркнул нечто, что можно было расценить как уверение: такого хренового утра у него в жизни не было, даже когда он после выпускного проснулся на заднем сиденье «Запорожца» в обнимку с зубрилой Коростылевой, которая даже на праздник заявила в колготах с обвисшими коленями.

Когда мы выпили апельсиновый сок, кофе и съели по йогурту, Костик слегка подобрел. Воспользовавшись этим, я поинтересовалась:

- А Марину ты давно знаешь?

– Марину? – он как будто удивился. – Давно... Но она в доме живет года два – переехала после того, как Ленкиного мужа грохнули. Занимается хозяйством.

- А она официально занимается хозяйством или на правах бедной родственницы?

Костик опечалился – видимо, пояснить систему взаимоотношений в доме Лены было нелегко.

– Ну... – начал было он, но опять впал в задумчивость. – В общем, Ленка их всех содержит.

– Кого всех? – удивилась я и даже зачем-то огляделась – нет ли поблизости этих самых всех.

– Тетку. Мать мужа. Домработница еще есть. Какие-то родственники из Подмосковья. Толпа народа. Потом, у нее всегда кто-то живет. И всех она кормит, дает деньги...

– Что значит «дает деньги»? – поразилась я.
– Ну, может просто так сто долларов дать, пятьсот... – Костик пожал плечами.
– А у нее эти настроения по графику или спонтанно? – даже не скрывая разыгравшейся алчности, спросила я.
– По спонтанному графику. – Костя, видимо, решил, что сказал нечто смешное, и захихикал. – В общем, у нее здесь целый двор.
– И ты? – поддела его я.
– И я, – без тени смущения признался он.
– И Марина тоже на содержании? – я наконец вспомнила, с чего начался разговор.
– Ну, у нее есть какая-то работа, она медсестра, что ли... – поморщился Костя. – Но, в общем, да, живет с Ленкой, покупает продукты, следит за ремонтом... Не знаю я! – вдруг разозлился он. – С Антоном трахается.

– С каким Антоном? – опешила я.
– С этим, который здесь, – высокохудожественно ответил Костя.
– А он же вроде с Леной... – промямлила я, боясь спугнуть удачу. Кое-что вырисовывалось...
– И что? – Костя всплеснул руками. Но вдруг он как-то сжался, пододвинулся ко мне и зашептал: – Марина – крутая телка, только Ленка об этом ничего знать не хочет, вот она и шуршит у нее за спиной...
– То есть ты считаешь, это правильно? – разозлилась я.
– Меня вообще не волнует, как они мужиков делят! – воскликнул Костя.

Тут спустились Гриша с Оксаной, и наша увлекательная беседа закончилась.

Пока остальные изучали содержимое холодильника, я думала, как все странно складывается. Лена встречается с Антоном, который втихаря спит с Мариной, Леньчик знаком с Костиком – был знаком, что парикмахер усиленно скрывает, Таня спит с Леньчиком и тоже умирает... Что такого сделал этот Леньчик?

Мы приехали в милицию, и нас затолкали в вонючий грязный коридор, где громоздились ведра с краской и мешки с сухой смесью. Пока остальных по очереди насиловал следователь, мы с Оксаной выбрались на улицу покурить.

– Да, обломались наши денежки, – вздохнула Оксана.
– Что ты имеешь в виду?
– Неважно... – отмахнулась она.
– Если бы было неважно, ты бы этого вслух не сказала! – возмутилась я. – Раз уж кинула затравку – давай, колись!

– Неделю назад Грише позвонила Лена и наплела какую-то чушь о том, что ей, бедняжке, некуда вложить триста тысяч долларов, она не знает, что с ними делать, и готова отдать под любой проект... бла-бла-бла... Гриша посчитал, что она пьяная, а потом вдруг решил проверить. Знаешь, как бывает – чем черт не шутит! В общем, мы потому к ней и поехали – все разузнать, но теперь выясняется, что деньги есть, только их забрал Антон.

– Как это забрал?

Мне казалось, что я нахожусь в каком-то нереальном мире, где деньги – что-то вроде яблок в урожайный год, их так и подсовывают всем знакомым сердечные дачники, совершенно опухшие от сладковатой фруктовой гнили на участке.

– Ну, у него там тоже какие-то планы, долги по бизнесу, и он наши денежки отбил, – вздохнула Оксана.
– А что у него за бизнес?
– Как и у Ленки – салон красоты. Только он занял денег, вложил кучу бабла в ремонт, а на все остальное не осталось. Идиёт!

К нам присоединился Леша, вид у него был совершенно невменяемый: синяки под глазами, руки трясутся, лицо бледное.

– Ты как? – спросил он глухо.

Я потрепала его за плечо.

– Хреново, если честно. Хочу домой.

– И я, блин! Надо было тебя слушать, дома сидеть!

Леша выглядел совершенно несчастным. Я обняла его, прикурила для него сигарету и как можно бодрее и веселее произнесла:

– Да ладно! Прорвемся!

Но прорываться оказалось ой как сложно. Следователь, которого, оказывается, звали Тимофей, был злой, как кобра, – шипел и бросался на ни в чем не повинную меня, пока я не выложила и про записную книжку Костика, и про триста тысяч долларов, и про Марину. Позже выяснилось, что не одна я такая умная:

все рассказали то, что знали, в результате чего арестовали – то есть, извините, задержали – Антона.

В такси мы почему-то оказались вместе с Костей. Когда проезжали последнюю перед Кольцевой дорогой станцию метро, он разволновался, засмотревшись на ряды торговых павильонов, и, когда мы уже отъехали от магазинов метров сто, вдруг бросился ко мне и принялся умолять:

– Давай выйдем!

У него был не очень здоровый вид, так что я быстренько попросила таксиста остановиться, вытолкала парикмахера из машины, и он потащил меня к ближайшему кафе.

К счастью, внутри было много народу. Мы затесались в угол, заказали коньяк. Едва официантка отошла, Костя схватился за голову и заныл:

– Я попал! Вот я попал...

Только когда нам принесли выпить и мы выпили, я осторожно (осторожно, но требовательно – я очень рассчитывала, что окажусь тонким психологом) спросила:

– Костя, в чем дело?

– Ты не представляешь... – застонал он.

От волнения у меня даже ладони вспотели. «Только не спугнуть, только не спугнуть!» – повторяла я про себя, но так как тянуть резину было нельзя, предложила как можно ласковее:

– Кость, мы все круто попали. Выкладывай, что там у тебя?

Костя допил коньяк, закурил (несмотря на то что недокурная сигарета дымилась в пепельнице, я тихонько ее затушила) и сказал, глядя на пустой бокал:

– Месяца два назад мы с Ленкой напились в дым, и она мне сказала, что есть тайник, где ее муж хранил деньги. Это была казна мафии, около ста пятидесяти тысяч долларов, как она поняла.

Он замолчал, а я боялась пошевелиться.

– После того как ее мужа убили, к ней приходили его... коллеги, спрашивали про деньги, а она сказала, что ничего не знает. Они все обыскали, но не нашли.

Он опять заткнулся. Черт!

– Но она знала. Даже бумажку мне показала. Там под кафелем нычка.

– Где? – прошептала я.

– Х... знает где, – ответил Костя. – Не в доме. Там Ленчик все обыскал. Наверное, в салоне.

– То есть Ленчик?..

– Я идиот! – Костя стукнул себя по лбу. – За фигом мне вообще нужен был Ленчик? Растрепал всем подряд...

– И Тане? – догадалась я.

– Наверняка... – пробормотал он.

– А кому еще? – насторожилась я.

– Знаешь, мне что-то хреново, – сообщил Костя. – Пойду-ка, я тут живу недалеко.

Он не ушел – сбежал, а я еще ненадолго осталась в кафе.

Странная картина... Какой-то пафос с этим Антоном. Убил тех, кто знал, что он спит с Мариной, но вообще-то, совсем не тех, кого надо. Наверняка ведь знали Марина и Костя, а не Ленчик с Таней. Но тайник... Бред! Тайники, деньги – это что вообще такое? Какой-то клан Сопрано, честное слово! Настроение было паршивое: вместо счастливого Рождества – трупы, следствие и толпа незнакомых людей, замешанных в убийстве.

Когда я вернулась в дом, там было холодно – входная дверь нараспашку – и уныло: все молча собирались, никто друг с другом не разговаривал. Оксана с Гришей подвезли меня до центра, я выбралась из машины в надежде никого из них больше не увидеть.

Но эта история просто намертво застряла у меня в голове. Я даже позвонила знакомому менту, который – счастливое совпадение – работал в отделе заказных убийств. Паша был другом детства одной моей хорошей приятельницы, и, откровенно говоря, я его недолюбливала. Нет, он был очень милый и хороший человек, но уж слишком простой и какой-то... неизящный. Говорил коряво, пил много, после первой бутылки начинал всех любить, а самое страшное, что за первой всегда следовала вторая, после чего Пашино тело приходилось куда-то носить, устраивать, а с утра поить его пивом, выслушивать покаянные речи и сочинять оправдания для жены... Но сейчас я была просто счастлива, что знакома с Пашей, – готова была напиваться с ним каждые выходные, лишь бы только он мне что-нибудь рассказал.

– Ты его пригласи в кафе, угости там... – инструктировала Оля, наша общая знакомая. – А то неудобно – он ради тебя старался...

Я пригласила. И угостила.

– Значится, так... – заявил Паша, закусив. – Кто завалил Сергея Воробьева – история умалчивает. Типа,

есть догадки, но никаких доказательств. Он у своих был в авторитете, и бабу его они не тронули, несмотря на то что Сергей держал общак. Они там у нее все прошмонали, и наши тоже, только ни хрена не нашли.

– Слушай, а как шмонают – кафель отрывают? – поинтересовалась я.

– Ну, простукивают... – хмыкнул Паша. – В это дело никто особо не лез: местные с нашими договорились – сами разберутся. Но там была хитрая такая мулька: этот Серега, по разговорам, через подставных нае...л... пардон, обманул одного серьезного человека, и нае... обманул по-крупному. Огромные деньги – какая-то афера с хлопком.

– И где деньги? – я вся подобралась.

Паша выразительно пожал плечами.

– Теневая экономика, – он расхохотался. – Концов не найдешь.

– Паш, не обижайся, но я не понимаю – милиции что, все это не интересно?

– Маш, ты пойми, один бандит обманул другого – че расследовать?

– А на какую сумму Ленин муж обманул того, другого, ты случайно не знаешь? – без всякой надежды спросила я.

– Лимонов пять.

– Долларов? – Я сползла под стул.

– Их, родимых, – усмехнулся Паша.

– Слушай, а почему Ленка еще жива? – поинтересовалась я. – Они же должны были...

– Ну, эта дамочка железная – как на нее только не наезжали... – Паша махнул рукой. – Со всех сторон. Наши у нее в подвале нашли склад оружия – это от мужа привет, – чуть не посадили. Свои ее пасли круглые сутки, а потом еще и похитили. Нас подельники ее мужа привлекли к переговорам – отпустили ее. Даже сестру его тряханули...

– Чью сестру?

– Воробьева.

– А кто у него сестра? – поинтересовалась я.

– Марина Воробьева, – с некоторым удивлением ответил Паша. – Она живет у Лены этой после смерти брата.

– Так Марина сестра Сергея? – воскликнула я. – Не Лены?

– Не Лены, – подтвердил Паша.

Через неделю я поехала к подруге в Черемушки и по дороге зашла в супермаркет. Ходила по магазину долго и глупо – никак не могла сообразить, что лучше: ром, фруктовый салат и стейк из говядины либо sake, суши и жареная форель. У нас был небольшой праздник – девичник, душа требовала материальной подпитки – хорошей еды, классной выпивки и журналов мод. Уставившись на Брэда Питта, украшавшего обложку, я пыталась решить важную проблему – считаю ли я его до сих пор самым сексуальным мужчиной на свете или же его однообразная мужественность слегка поблекла, а роли мускулистых секс-символов утомили – в отличие, например, от Джонни Деппа, который просто расцвел, и роли у него разные... Меня слегка отрезвил портрет Джада Лоу на другом журнале. «Фу!» – подумала я. Не люблю Лоу – какой-то он слишком тонкий, даже с признаками физического вырождения, хотя, с другой стороны, если бы он очутился поблизости, вряд ли бы я возражала...

– Извините! – воскликнула корова, врезавшаяся в меня своей тележкой.

Я обернулась, чтобы высказать ей все, что думаю, – то есть мило улыбнуться и фальшиво заверить: «Ну что вы, что вы, не беспокойтесь», – но вместо этого уставилась на нее во все глаза и воскликнула:

– Марина!

– Э-э...

– Маша, – подсказала я.

– Маша! – воскликнула она.

– Какими судьбами? – ляпнула я первую попавшуюся глупость.

Некоторое время мы сообщали друг другу, что делаем здесь покупки, потом скорбно вздыхали на тему печальных обстоятельств нашего знакомства, после чего Марина распрощалась и укатила. А я уставилась на кошелек цвета морской волны, валяющийся на полу. Сумка Марины стояла в тележке, видимо, когда она в меня врезалась, сумка опрокинулась – то есть она точно опрокинулась, и кошелек выпал. Я подняла его, но, прежде чем броситься на поиски девушки, открыла портмоне и подробно изучила его содержимое. Несколько сотен рублей – это, видимо, принадлежало Марине, карточка «Виза Классик» – скорее всего, выдана Леной на хозяйство. Я открыла кармашек и сначала ничего не заметила, но почувствовала, что здесь что-то не так. Подкладка у кошелька была бледно-розовая, а одна стенка кармашка оказалась черной, глянцевой. Я потрогала ее пальцем и почувствовала неровную поверхность. То, что я вынула из скромного

отделения для мелочи, потрясло меня до глубины души. У кого-кого, но уж не у Марины я ожидала найти такое. Чуть было не разорвав собственную сумку – дрянная ручка отказывалась находиться, – я торопливо переписала информацию, разложила все по местам и едва успела кинуться к кассам, как из-за угла на меня выпрыгнула красная от волнения Марина.

– Ты не!.. – закричала она.

– Это твой кошелек? – Я бросилась на нее с бумажником в руке.

Марина приложила руку к груди и облегченно вздохнула.

– О боже... Я уже расплачивалась, когда заметила... – бормотала она.

У кассы она махнула мне на прощание и убежала.

Странно. Странно, странно, странно. Скромная Марина, приживалка, красавица, которая выглядит, как рохля...

Спустя две недели я наконец стала счастливой до истерики владелицей нового «Хюндай Гетс». Мне хотелось спать в машине – так нравился запах, салон, чистенькие и симпатичные линии, – я ездила по городу уже три часа, пока не обнаружила, что двигаюсь по направлению к Лениному дому. Ха! Расследование я временно прекратила – принимала машину, регистрировала номера и все такое... Я же могу заехать просто так? Ведь Ленчика никто не приглашал, а он... Моя умная голова родила патетическую фразу: «Незванных гостей убивают» – отличное название для плохого малобюджетного сериала. И все же...

Я несколько раз проехала мимо поворота и на третьей попытке решила, что это предзнаменование: типа, мне стоит убраться, пока и меня кто-нибудь не прихлопнул... Уф! От этой мысли мне сделалось дурно, я вообразила себя прихлопнутой и загрустила: это ведь что такое делается, если вчера жил себе вполне молодой человек, а назавтра его какой-то подонок монтировкой по голове и... И кто угодно, кто угодно может оказаться на его месте! Что это – судьба, блин, или суровая реальность нашей жизни? На этой философской ноте я неожиданно воспряла духом, попробовала еще разок вырваться на нужную дорогу, и – ура! – оказалось, это тот самый поворот, та самая улица: я опознала уродливый розовый особняк на углу. Добравшись до конца улицы, я почувствовала, что спина у меня взмокла – все-таки первая зима за рулем. Страшно – сугробы, ухабы, лед и прочая загородная дрянь. Ленина машина стояла у ворот – все хорошо, хозяева дома. Я потянула на себя калитку – та открылась. Я прошла по дорожке и обнаружила, что входная дверь тоже открыта. Можно, конечно, было бы испугаться: прям как в детективах – дверь не заперта, внутри труп, но дело в том, что Лена, кажется, вообще не считала нужным закрываться. Пока мы были у нее, дверь запирали всего один раз – стараниями участкового.

Но я все-таки не стала заходить внутрь – встала на пороге и закричала:

– Эй! Люди!

Минуты через две послышались шаги – со второго этажа спустилась Лена.

– О, привет! – кажется, она совсем не удивилась. – Заходи.

– Слушай, я мимо проезжала, если ты занята... – забормотала я, но она чуть ли не за шкуру втащила меня в дом и повела пить кофе.

Видок у нее был так себе: под глазами тени, похудела...

– Что об Антоне слышно? – поинтересовалась я.

– Наняла ему адвоката, но пока глухо, – сообщила Лена таким тоном, словно я спрашивала, купила ли она сапоги, которые видела в «Космополитен».

Может, из-за того, что у нее муж был бандитом, она привыкла к подобным обстоятельствам и не видит в них ничего особенного? Может быть...

– А Марина как? – осторожно спросила я.

Но Лену, кажется, не очень беспокоило, что сестра ее мужа спала с ее любовником.

– На работе, – ответила она.

Я думала, что на этом разговор про Марину и закончится, но Лена неожиданно добавила:

– Не понимаю. Зачем она трахалась с Антоном, если у нее был Костик?

– То есть?..

– Марина уже год, наверное, встречается с Костей, – подтвердила Лена.

– Слушай, а тебя не обламывает, что она... – я запнулась. – С Антоном?

Лена пожала плечами.

– Костю жалко, – сказала она. – Он переживает очень.

– Да-а... – протянула я. – Марина тот еще фрукт. Не удивлюсь, если окажется, что она подпольная миллионерша и каждый уик-энд проигрывает в казино сто тысяч долларов.

Вообще-то фраза была дурацкая, но мне не терпелось прозондировать почву на предмет черной карточки «Виза», которую я обнаружила в кошельке у бедной приживалки Марины.

Лена поглядела на меня с недоумением, но лишь развела руками.

– Откуда?.. – только и произнесла она. – Кстати, не хочешь подстричься или там подкраситься? Я в салон еду, если есть время – давай со мной.

И я поехала.

Лена передала меня на руки Светлане – приятной блондинке, с которой я перед тем, как устроиться в кресле, пошла покурить на улицу. Как только Света узнала, что я была в доме во время убийства (а уж я постаралась, чтобы она узнала), то задала мне сто вопросов, на которые я терпеливо отвечала, пока не заметила как бы между прочим:

– А Костя давно с Мариной встречается?

– Костя? – удивилась Света. – С Маринкой? Он же педик!

– Как? – опешила я. – Как это – педик?

– Ну... – задумалась Света. – Я не уверена, просто на прошлой неделе... Ленка застукала их в подвале с этим... блин... Вовчиком...

– Ленчиком?.. – выдохнула я.

– Да! И страшно орала, я думала – пиндец Костику.

– А почему ты решила, что они...

Света опять задумалась.

– Не знаю, – призналась она. – Просто... Почему же я так подумала? А! Костик был без рубашки, а Ленчик этот трясся, как чихухаха. Ну... Не знаю, я чего-то решила, что они того...

– А что в подвале? – спросила я.

– Да ни фига! – воскликнула Света. – Говорят – я тогда еще не работала, – у Ленки там нашли склад оружия после того, как ее мужа убили, а сейчас там почти ничего нет – хлам какой-то по мелочи. Да и вообще он всегда закрыт – думаю, Лена этот подвал вообще тихо ненавидит.

Я думала-думала, но тогда так ни до чего и не додумалась. Зато покрасила волосы, подстриглась, сделала маникюр и педикюр, сходила на массаж – и все бесплатно, Лена угощала. Проникнувшись к ней самыми светлыми чувствами, я отправилась домой, но, едва въехав в Москву, вспомнила, что забыла у Лены шапку. Шапка была так себе, далеко не самая любимая, но и не последняя шапка – вполне приличная. Я некоторое время размышляла, стоит ли ради нее разворачиваться, тащиться обратно, а потом по самым пробкам возвращаться домой... Потом самокритично отметила, что дело не в шапке, а в моей любимой привычке к разгильдяйству, и решила проявить себя с лучшей стороны. Мама будет мной гордиться.

Калитка была открыта, но дверь в дом, как ни странно, оказалась заперта. Я нажала на звонок, но тот не работал, так что пришлось по сугробам обходить дом и стучать в окно кухни. То есть постучать я не успела – створка была открыта, и я услышала очень интересный разговор:

– Кость, ты хотя бы понимаешь, как ты влип? – Голос Лены звучал жестко.

– Лен, я же тебе честно все рассказал, я не могу больше, у меня сил нет оправдываться... – ныл Костя. – Что мне делать? Биться головой об стену?

– Ты хотя бы приблизительно понимаешь, что это за люди?

– Лен, но я ничего не сделал, совсем ничего... – едва не плакал парикмахер.

– А Ленчик что-нибудь сделал? И где он сейчас?

Костя то ли вздохнул, то ли всхлипнул.

– Они за всеми следят, все знают, ты пойми, – говорила Лена. – Они за сто долларов башку оторвут, а за такие деньги...

Видимо, самое интересное я пропустила, потому что дальше ничего нового не услышала. Костя ныл, Лена угрожала.

Я осторожно отползла к воротам, постаралась не скрипнуть калиткой, села в машину и убралась куда подальше. Появилась у меня одна идея, но... Откуда приличные девушки берут доказательства?

На следующий день мне позвонил этот мерзкий следователь, Коркин, кажется, его фамилия, и сообщил – таким тоном, словно это должно меня осчастливить, – что убили Костю. Отравили – сверхдоза клофелина в кофе. Коркин интересовался, что мне известно, а я почему-то перепугалась и ничего ему не сказала. Все-таки жизнь дороже истины. Пока они там, в ментовке, все докажут, меня тоже обнаружат с литром клофелина в желудке.

А буквально на следующий день умерла Лена. Тоже от отравления. Это меня очень и очень удивило. Я даже собралась и поехала к гадскому Коркину и даже доехала до него, несмотря на то что раз двадцать чуть было не повернула обратно. Тоже мне, мисс Марпл! Но, думала я, он мой ровесник, и одевается в косуху, и рубаха у него мятая, и татуировка на руке – вполне сносная, красивая... Свой человек, хоть и кошмарный тип.

Коркин, как ни странно, был со мной нежен – повел в кафе, выслушал все, что я наплела, заявил, что, разумеется, он шел тем же путем, и пообещал все проверить.

На следующий день он позвонил и сообщил:

– Пусто.

– Где он был? В подвале? – хрипло спросила я. Руки у меня тряслись, а сердце стучало, как психованное.

– Ну да, – подтвердил он. – Слушай, ты бы подъехала.

Я влила в себя стакан коньяка – не опьянела ни на грамм, – поймала такси и потратила бешеные деньги, чтобы добраться до отделения.

Коркин выглядел, как Тайсон перед тем, как откусить ухо Холлифилду – просто маньяк, – но мне уже было наплевать, кто маньяк, а кто нет. Мне просто было страшно. Даже не знаю почему. Может, оттого, что в людях столько дерьма. В некоторых людях.

Сопровождение – уродливая лиловая «Лада» с четырьмя ментами – ехала поодаль. Мы на машине Коркина – очень приличный «Фольксваген Боро» (откуда у него деньги?) – оперативно добрались до Лены, то есть до дома Лены, бывшего дома Лены. Постучали в дверь – она теперь была заперта. Марина открыла быстро, будто ждала.

– Разрешите? – довольно вежливо попросился внутрь Коркин.

– А вы зачем пришли? – любопытствовала она.

– Мы тут кое-что выяснили.

– А нельзя завтра? – устало произнесла Марина. – Мне и без вас... Простите, просто я не в себе.

– Нет, Марин, нельзя! – рявкнул Коркин, которому, видимо, надоело строить из себя вежливого. Он отодвинул девушку и прошел в дом, волоча за собой меня. – Мы по поводу убийства Елены Воробьевой, – заявил он.

– Убийства? – ахнула Марина. – Но это же самоубийство... Вы сами сказали!

– Марина, ну вам ли не знать, что это именно убийство! – упрекнул Коркин.

– Что?! – с выражением крайнего негодования на лице воскликнула она. – Слушайте, если вы пришли меня обвинять, то валите отсюда, пока я не позвонила адвокату, который лишит вас последних перспектив сделать карьеру, если такие еще оставались! Вы охренели! То Ленка убийца, то я! Определились бы!

– А Лена – да, убийца, – кивнул Коркин. – Но это не умаляет ваших достоинств. У вас просто звериная интуиция. Как у брата.

– Пошли вон, – спокойно попросила Марина.

– Можно и уйти, – Коркин встал. – Только я позвоню тем, кому принадлежат деньги на вашей карточке.

Марина в самом прямом смысле позеленела. Она бросилась было из комнаты, но Коркин ее перехватил и запихнул обратно в кресло.

– Сейчас придут понятия, – сообщил он. – А пока не дергайтесь. Вы ведь знали, что Лена заказала мужа, чтобы стать наконец-то богатой вдовой? Или нет?

Марина молчала.

– Ей надоел грозный муж, который спускал все деньги в казино, хранил дома гранаты и общался с бандюганями. Леночка всегда хотела красивой жизни, но не в обществе уголовников, а в продвинутой тусовке, среди богемы, образованных людей... Но ни у нее, ни у мужа не было ни копейки – ни в тумбочке, ни в банке: Сергей все оставлял в казино, поэтому он и кинул тех ребят, которые с таким нетерпением ждали бы моего звонка, если бы знали, что я могу им позвонить. Он же не идиот, чтобы так рисковать, – просто игрок, который всем задолжал. А Лена подсуетилась, только она думала, что карта достанется ей, а дорогой муж отдал ее сестре, которая точно не потратит семейное добро на шубы из соболя. А потом Лена узнала, что деньги у вас, и придумала, как вас известить. Вроде как напилась и «проговорилась» Косте, что в подвале салона есть тайник, где лежат сто пятьдесят тысяч долларов, придумала эту аферу с займом Антону, для надежности привлекла Григория...

– Бред! – фыркнула Марина.

– Правильно! – согласился Коркин. – Полный бред! Мы, менты, от такого бреда подалее держимся, никто связываться не хочет! Лена-то все это знала! Ну, нашел мальчик деньги, ну, завалили его местные архаровцы, ну, потрясем мы пару авторитетов... И ничего не добьемся! В худшем случае авторитеты наймут адвокатов, в лучшем – договорятся. Но Лена застала Костю с Леной – и поняла, что идиот Костик растрепал кому попало о том, что в подвале – клад. А идиот Ленчик растрепал Тане. Но иногда, знаешь, чем больше трупов, тем лучше. Все же так просто: Марина жила с доброй тетенькой Леной, которой завидовала черной завистью, трахалась с Костиком, и вот они вдвоем решили зацапать халявные денежки, ограбить мафию, а потом их убивают, и заветная карточка достается вдове – только об этом никто не знает! И ребята, чьи

деньги, в непонятках – может, кредиторы тогда Серегу завалили, это ж какой соблазн – пять лимонов, а кредиторы люди серьезные, с ними не забалуешь... Как, кстати, Лена с долгами-то расплатилась?

– Продала дом в Майами... – буркнула Марина.

– А потом умная девушка Марина догадалась, что день грядущий ей готовит, нашла клофелин и подлила его любимой невестке! – резюмировал Коркин. – Все просто, как в Тетрисе!

– Доказательств у вас нет, – прохрипела Марина, на которую вдруг напал жуткий кашель.

– А карточка – не доказательство?

– Нет, – Марина покачала головой. – Может, Ленка нечаянно отравилась?

– А мы наших узбекских друзей спросим, – радостно улыбнулся Коркин. – Уверен – они в курсе. Сознаться будешь, сука?! – неожиданно заорал он так, что у меня уши заложило.

Я всего этого не выдержала – убежала, спряталась в машине. Марина призналась, деньги, по словам Коркина, они не совсем безвозмездно – по крайней мере, он непонятно на какие доходы купил себе новую квартиру – вернули узбекам, Антона отпустили – ну, это и понятно, кому он там нужен был, тоже мне Отелло. А я еще две недели билась в депрессии на тему «Как жить в этом мире, полном зла и насилия». Но в один мрачный серый зимний день депрессия развеялась. И неожиданно для себя я отказалась от очень выгодного, но скучного предложения – работать на имидж известного бизнесмена, который метил в политики. Потому что жадность все-таки, и я могла лично в этом убедиться, смертный грех. А о смерти мне, надеюсь, думать рано. Даже о чужой. А вечером позвонил Коркин и позвал пить виски – десятое или двенадцатое новоселье в его новых апартаментах.